

ISSN 2311-911X

QR.URFU.RU

QUAESTIO ROSSICA

2014 №2

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 3 раза в год

Established in 2013
Published three times a year

Учредитель – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историко-графической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Более полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia’s culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. A full-text version of the journal is available free-of-charge on the journal’s website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submissions, please consult the journal’s website: <http://qr.urfu.ru>

Издательство Уральского университета
Россия, 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 260
E-mail: qr@urfu.ru

Ural University Press
Office 260, Lenin Ave.,
620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr@urfu.ru

Формат 70x100/16. Тираж 500 экз.

Format 70x100/16. Circulation 500 cop.

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

Publisher – Ural Federal University
Publishing Centre
4, Turgenev St., 620000 Yekaterinburg, Russia
Phone: +7 343 350 56 64, +7 343 350 90 13
Fax: +7 343 358 93 06
E-mail: press-urfu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

Newton's Third Law in Russian History 7	Newton's Third Law in Russian History 7
Третий закон Ньютона в русской истории 11	

Scientia et vita

<i>Daniel Waugh</i> . The Enthusiasms of Youth and Where They Led: a Memoir 19	<i>Daniel Waugh</i> . The Enthusiasms of Youth and Where They Led: a Memoir 19
<i>Даниель Уо</i> . Увлечения юности и к чему они привели: автобиография. 36	

Problema voluminis

Деспотизм и противостояние насилию в истории России	Despotism and Resistance to Violence in Russian History
<i>Giovanni Maniscalco Basile</i> . Law and Power. The Idea of Sovereignty in 16 th Century Russia 65	<i>Giovanni Maniscalco Basile</i> . Law and Power. The Idea of Sovereignty in 16 th Century Russia 65
<i>Михаил Бенцианов</i> . «Как бы службу нам устроить»: военно-организационные преобразования середины XVI в. 80	<i>Mikhail Bentsianov</i> . “How Should We Organize Our Service”: On the Changes of Military Organization in the Mid-16 th Century. 80
<i>Александр Филюшкин</i> . Проект «Русская Ливония» 94	<i>Alexander Filiushkin</i> . The “Russian Livonia” Project. 94
<i>Юрген Хайде</i> . Ливония под властью Речи Посполитой. Борьба за власть и социальная трансформация. 112	<i>Jürgen Heyde</i> . Livonia under the Polish-Lithuanian Commonwealth. The Struggle for Power and the Social Transformation . . 112
<i>Игорь Тюменцев</i> . Елецкое восстание 1606 г. в истории Смуты 144	<i>Igor Tyumentsev</i> . Yelets Uprising of 1606 in the History of the Time of Troubles 144
<i>Елена Ефремова</i> . Прерванный полет: несостоявшиеся издания региональных советских энциклопедий 1920–1930-х гг. 151	<i>Elena Efremova</i> . An Interrupted Flight: Unpublished Soviet Regional Encyclopedias of the 1920s–1930s. 151

Странности русского мира в пространстве литературы	The Strangeness of the Russian World in the Space of Literature
<i>Наталья Купина</i> . Странное в художественном мире Достоевского: роман «Бесы» ... 167	<i>Natalia Kupina</i> . Strangeness in Dostoevsky's Poetics: "Demons" 167
<i>Борис Гаспаров</i> . Платонов и Решетников. 176	<i>Boris Gasparov</i> . Platonov and Reshetnikov. 176
<i>Елена Созина</i> . «Целый новый для меня мир»: этнографическая беллетристика К. Д. Носилова в русской литературе рубежа XIX–XX вв. 193	<i>Elena Sozina</i> . "A Whole New World for Me": K. D. Nosilov's Ethnographic Fiction in the Russian Literature of the Late 19 th – Early 20 th Centuries 193
<i>Марк Липовецкий</i> . Зловещее в сказах Бажова. 212	<i>Mark Lipovetsky</i> . The Uncanny in Bazhov's Tales 212

Disputatio

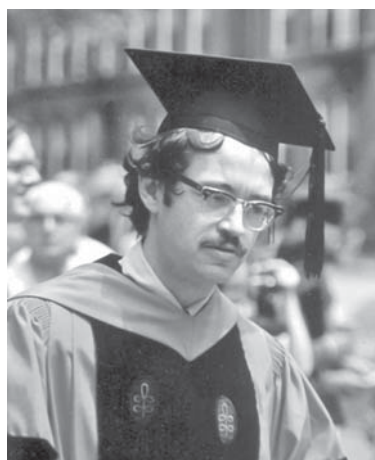
<i>Jan Kusber</i> . Cultural Transfer as a Field for the Observation of Historical Cultural Studies. The Example of the Russian Empire 233	<i>Jan Kusber</i> . Cultural Transfer as a Field for the Observation of Historical Cultural Studies. The Example of the Russian Empire 233
<i>Серджи Бертолисси</i> . Вольный город в России XVII в.: Мангазея на реке Таз (1601–1672) 252	<i>Sergio Bertolissi</i> . A Free Town in 17 th Century Russia: Mangazeya on the Taz River (1601–1672) . . . 252
<i>Николай Петрухинцев</i> . «Финансы войны» и офицерский корпус полков «нового строя» в военной реформе Алексея Михайловича (1663) 263	<i>Nikolay Petrukhintsev</i> . 'War Finance' and the Officer Corps of the 'New Order' Regiments in the Tsar Aleksey Mikhailovich's War Reform (1663) 263

Dialogus

<i>Алексей Антошин, Евгений Рукоусев, Сергей Смирнов</i> . Золото Сеннара: Египет и Судан глазами уральского мастера золотодобычи XIX в. 295	<i>Aleksey Antoshin, Yevgeniy Rukosuev, and Sergey Smirnov</i> . Sennar's Gold: Egypt and Sudan through the Eyes of a 19 th Century Ural Gold Miner 295
---	---

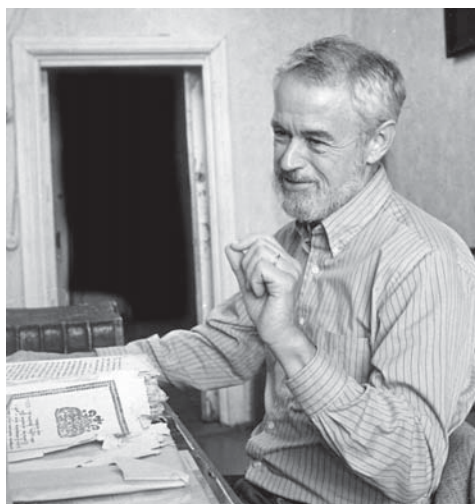
Critica

<i>Vladimir Arakcheev</i> . Vilno against Moscow 311	<i>Vladimir Arakcheev</i> . Vilno against Moscow 311
<i>Андрей Бушмаков</i> . Военный плен в российской провинции (1914–1922) 317	<i>Andrey Bushmakov</i> . Military Captivity in the Russian Province (1914–1922) 317
Сокращения 323	Abbreviations 323

Daniel Waugh. 1972, Harvard University

Даниель Уо. 1972, Гарвардский университет

Daniel Waugh. 1996. Kirov historical and ethnographic museum (photo by A. Miakishev)

Даниель Уо. 1996. Историко-этнографический музей г. Кирова (фото А. Мякишева)

**THE ENTHUSIASMS OF YOUTH
AND WHERE THEY LED: A MEMOIR**

The autobiography written by Daniel Waugh, an eminent American scholar and specialist in Old Russian literature demonstrates how a person's life can be combined with professional interest. The events of the author's life are set against a background of Russian studies carried out both in Russia and abroad, as well as historical and cultural discussion. The reader gets acquainted with the Soviet and world humanities thought that intricately combines benevolence and academic objectivity with ideological confrontation and captious objections. The author's perfect understanding of people and their achievements makes the memoirs a source of valuable information on the humanities during the Cold War and post-Soviet years. The article demonstrates that respect for hard academic work and mutual respect among scholars is a key to the solution of conflicts and disagreement regardless of their nature. This is the first part of the autobiography, a continuation is to be published in the upcoming issue.

Keywords: Soviet humanities; Pushkin House; Soviet historians; Manuscript Heritage; Old Russian literature.

The essay which follows was originally composed in 2012 as an introduction to a possible reprint collection of my early publications. While such a collection undoubtedly will never appear in print (most of the material is available in electronic form on my personal website), in the process I was adding some notes to update or contextualize the early work and pondering the question for which I still do not have a definitive answer as to how and why my career developed the way it did.¹ In short, I am at that stage of life in my seventh decade, when some kind of nostalgia (and also critical self-examination) of one's early years emerges. This essay is far from a complete scholarly autobiography, as life and scholarship continue, and my interests nowadays are increasingly occupied by the history of Central Asia and especially the historic Silk Roads and Eurasian exchange. Why those subjects is a topic for another day. Readers should also be warned that, as with any memoir, to a considerable degree this one is self-serving. Memoirists tend to want to justify themselves and enhance their importance. At very least though, I can hope the essay will shed some light on how one American specialist on pre-modern Russia

¹ Links are to be found at <http://faculty.washington.edu/dwaugh>.

benefitted from the privilege and opportunity of interacting with so many prominent specialists. I am in their debt.

My path to pre-modern Russia from having (unwisely) chosen physics as an undergraduate major at Yale University requires a brief explanation. I began Russian in order to read physics articles in the language. My first Russian history course was undertaken at a dorm-mate's suggestion of a good way to fulfill a distribution requirement.² One of its instructors was Firuz Kazemzadeh, who, when I subsequently took his course on Russian imperial expansion, pointed me in the direction of studying Russo-Ottoman relations.³ I was fortunate to end up at Harvard for graduate school in the year when John Fennell was visiting there from Oxford, lecturing and offering a seminar in the textual analysis of Russian chronicles, a subject on which he was one of the great experts. I obviously took to the kind of detective work that involved; from there it was an easy step to commit to a dissertation on Muscovy, for which, oddly it may seem, my formal adviser was Robert Lee Wolff, even if my "real adviser" was Edward (Ned) Keenan (not yet tenured and thus not eligible to supervise the work). Wolff, a Byzantine and Balkan specialist who at one time had filled in at Harvard when there was no early Russianist on the faculty, had some notoriety for being hard on his graduate students. I was blessed that he left me in peace to do my thing even if the infrequent visits to his study in Widener Library L were a cause for some anxiety.⁴ By that point in his career, his main passion was collecting and writing about early Victorian novelists.

To this day I cannot claim ever to have had a particular aptitude in learning languages. The Harvard Russian program was a notch above Yale's in its expectations for third year Russian; so I had to "repeat" the course and hardly with distinction, despite the intimidating

² I thank Norman Sinel, who lived in the room next door (and would later become a lawyer) and whose brother Alan (later a prominent historian of imperial Russian education policy at University of British Columbia) was then doing his graduate work at Harvard. Norman suggested we try Russian history, the survey course at Yale being taught jointly by Ivo Lederer, Firuz Kazemzadeh and Christopher Becker.

³ Professor Kazemzadeh, of Iranian-Russian ancestry, published on Russian-Iranian relations in the early 20th century after having written his doctoral dissertation on events in Transcaucasia during and immediately after the Bolshevik Revolution.

⁴ Wolff still was capable of giving grief to those who worked under him, a classic case being Mark Pinson, who had to keep re-writing dissertation chapters and managed eventually to finish only by getting Wolff off his committee. In my case, Wolff did not want to see the dissertation until it was finished, and then he had only a few suggestions for changes and blessed it with what in retrospect I consider to have been unwarranted praise: "...I think it is a splendid piece of work. Even before the arrival of appendices and bibliography, I am prepared to say that not only it is surely acceptable in its present form as a dissertation, but that it is one of the very best I have ever read, and, I think, nearer than any to a final publishable book." (Robert Lee Wolff to Daniel Waugh, 9 November 1971). Maybe my view of the dissertation is much colored now by a kind of retrospective re-thinking of the project in light of newer approaches to the kind of material I was studying. By today's standards, its analysis is very "old fashioned." At very least, even in its final typed form, the dissertation is embarrassing for its many typos, a consequence of my having been in Leningrad at the time it was turned in and thus not having been able to proof the final copy. The dissertation is: "Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting" [2 vols.] (Harvard University, 1972).

ministrations of Nina Arutunova.⁵ If my Russian today is more or less fluent (though getting rustier, and never all that accurate), it is largely thanks to the extended time in the Soviet Union while researching the dissertation and to having married there a Russian with whom we agreed that it would be our language spoken at home.⁶ I also enrolled in Horace Lunt's Old Church Slavonic course in my first graduate semester. He would probably be dismayed if he were alive now to know how much of it I have "lost" for want of practice or that a reviewer of my first monograph pointed out a mistake in my translation of a text.⁷ I knew nothing of Lunt's reputation as a harsh taskmaster; in fact he had mellowed and was always very nice to me, indulgent perhaps with a historian who could never be expected to play on a level field with linguists. The memorable moment in the course had nothing to do with discovering the dual or learning about aorists, but was when the bells of Memorial Chapel in Harvard Yard began to ring and someone came into the room to tell us that President Kennedy had been killed. My graduate years also provided the rare opportunity to hear lectures by Roman Jakobson, one course devoted to Slavic paganism, the other to early 20th-century Russian poetry, a subject he knew in part from personal interaction with some of the poets. Jakobson's description of his first encounter with Maiakovskii which concluded one of the lectures was memorable, even if other details of the poetry course escaped me.

One of my reasons for choosing Harvard was to study Turkish, which I did under the Ottoman history specialist Stanford Shaw, though never achieving a level of proficiency which would have enabled me to remember and use the language effectively without constant practice.⁸ At very least, it helped stimulate my interests in Central Asia and its cultures, subjects

⁵ Dr. Arutunova kindly let me audit the summer version of her course a few years later as I was getting ready to leave for my first year of dissertation work in the Soviet Union and badly needed to have some conversational Russian practice. This stood me in good stead when I rather stupidly showed up in Moscow the day before the date on my entry visa in August 1968 and had to talk my way into being admitted rather than being put back on a plane to London.

⁶ Over the years I have been very much in the debt of those who took the pains to correct the Russian in various of my papers and publications: my former wife Marina Aleksandrovna Tolmacheva (the great-granddaughter of Aleksandr Petrovich Karpinskii, who was president of the Russian/Soviet Academy of Sciences from 1917–1936), Veronica Muskheli, Galya Diment, Maria Kozhevnikova, Varvara Vovina-Lebedeva, and editors in Russia whose specific contributions I cannot identify.

⁷ My book is *The Great Turkes Defiance. On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in Its Muscovite and Russian Variants*, with a foreword by Academician Dmitrii Sergeevich Likhachev (Columbus, O.: Slavica, 1978). The review is that by Norman Ingham, published in *Modern Philology* [Ingham]. Once in Lunt's Old Russian course, which I took in winter-spring semester 1964, when we had noted a mis-translation by Serge Zenkovsky (in his anthology of early Russian texts) of the text we were reading, Lunt said with a laugh that perhaps Harvard should demand back from Zenkovsky his Harvard degree.

⁸ Shaw's second year course, in which we began to read Ottoman texts in Arabic script, had one other student, Carter Findley, who went on to become a prominent specialist on Ottoman History at Ohio State University. I graded for the course Shaw and Wolff taught on Ottoman History. Shaw then left Harvard for UCLA, where the sizeable local Armenian community made his life miserable for his "pro-Turkish" views on the massacres of Armenians during World War I.

which have come back to dominate my current interests. In retrospect, it was probably not my auditing of courses by Omeljan Pritsak or by Joseph Fletcher which contributed most significantly to my Silk Road interests in later years, but rather the courses on Islamic Art by Oleg Grabar, which were still very much on my mind when I had the opportunity to visit the famous Umayyad desert retreat of Qusayr Amra not far from Amman (Jordan) in October 2010. When it came to passing a second language reading exam for the Ph.D., I chose to self-study French over a summer as the easier route than to revive the German I had learned to read as an undergraduate. (The grade on the French test was something like a C-, but that was passing.) None of this speaks for a very respectable level of proficiency in those languages, which I frequently have to use now and are still a struggle.

My choice of Muscovite *turcica* for the dissertation enabled me to apply my interests in the Ottomans but also was a practical one, when looking forward to doing research in the Soviet Union. At that time it would have been almost impossible to gain access to the foreign policy archives (in RGADA) even for Muscovite topics; so my original plan to study Russo-Ottoman relations had to be abandoned. The wisdom, if it was that, of the Soviet evaluators of my proposal for the IUCTG (in subsequent years, IREX) exchange placed me in Leningrad in 1968, even though I had requested Moscow. After all, Leningrad was the center of scholarship on early Russian literature; indeed, I was placed in the Filfak (Faculty of Philology), not the Istfak (Faculty of History) at LGU, under the guidance of Nataliia Sergeevna Demkova. When I arrived, she assumed I knew very little – largely true by the standards of Russian specialists. Of critical importance for everything that followed though was the invitation I received to attend the meetings of the Division of Early Russian Literature (ODRL) in Pushkinskii dom (IRLI). It was there that I really began to understand a bit about Soviet scholarly life and controversy in ways that never could have been derived only from reading published scholarship.

Apart from that, arguably the most important result of my work in Leningrad was to introduce me to the study of Muscovite manuscript books. I came to this ill-prepared, in the sense that I had never formally studied Russian palaeography (only some years later did Ned Keenan launch a course on it at Harvard). My only training prior to arriving in Leningrad in 1968 was to work through Beliaev's old but still useful manual on Russian cursive [Беляев]. And when I received my first manuscript in the Publichka [now RNB, the Russian National Library] – I remember it well, Pogodin Collection No. 1558 – I was dismayed to discover that even its rather neat hand was a challenge. The analysis of watermarks for dating (filigranology) was totally new to me; I took it up with an inexplicable passion. Overall, in the two years I was privileged to have as an exchange student in Leningrad (1968–69, 1971–72), undoubtedly I spent far too much of the first one fumbling my way through manuscript codicology and nowhere near enough time analyzing and copying the texts that were the subject of my dissertation. The second year, fortunately, gave me the opportunity to rectify some of the oversights.

It is possible that I established my *bona fides* in the circles of Leningrad medievalist literature scholars in the first instance simply by spending long hours in the manuscript division of the Publichka. Somewhat irreverently, I would joke (though not, I think, to the Russians) that a plaque should be added alongside the one on the façade commemorating Lenin's having spent time reading in the library to mark my having spent diligent hours there too. I was there when the doors opened and often had to be reminded it was time to leave when they were getting ready to close in the evening. On at least one occasion the librarian on duty rapped me on the head to wake me up in early afternoon as I was napping at the desk. One unfortunate result of this diligence was to contribute ultimately to the breakup of my marriage (my then wife, with me in Leningrad, was left to fend for herself and was not a Russianist). The one other scholar whose hours in the Publichka manuscript division equalled mine (as far as I can remember) was Klimentina Ivanova, the Bulgarian medievalist who had come for a year to describe the South Slavic manuscripts in the Pogodin Collection only to discover that so little had been done on the task, a year was hardly going to suffice.⁹

While I would not claim here to having developed especially close professional or personal ties with them, I have vivid memories of interactions with some of the most distinguished 20th-century Russian medievalists. I might start with Aleksandr Aleksandrovich Zimin. Within weeks of my arrival in 1968 (when my ability to follow an oral presentation in academic Russian was still limited), I attended his talk at the Institute of Russian History (LOII) on the second marriage of Vasili III.¹⁰ I had been alerted to it by his close colleague Iakov Solomonovich Lur'e (about whom, more below). Even though I had read some of Zimin's work on Muscovy, I was largely unaware of the controversy he had provoked a few years earlier with his attempt to show the Igor Tale (*Slovo o polku Igoreve*) was a work of the late 18th century, not the revered medieval epic that most others believed. Zimin's views had been subjected to a withering barrage of unfairly orchestrated criticism.¹¹ Without knowing all this, I really could not appreciate why, as it turned out, some in the audience seemed to be lying in wait for Zimin. The noteworthy exchange was one in which Iurii Konstantinovich Begunov attacked him for supposedly falsifying some of the evidence (I do not remember the details), at which Zimin leaned over the podium and responded coldly in level tones, "You are lying" (*Vy govorite lozh*). On another occasion, at a dissertation defense in Leningrad, I heard Zimin (as one of the official *opponenty*) defending the dissertant (with some amusing irony) against unwarranted attacks by some of Zimin's old "enemies" in Moscow¹². Before these experiences, I guess that I had naively underestimated how

⁹ Her herculean efforts resulted in: [Иванова].

¹⁰ Published later as: [ЗИМИН].

¹¹ See the summary of the affair in [Fennell]. Fennell was a close friend of Zimin's and sympathetic to his position on the *Slovo*.

¹² For some of Zimin's disagreements with his colleagues on a variety of matters pertaining to early Russian source study [see: Waugh, 1985].

much personal relationships and passions might affect what in the ideal world should be dispassionate scholarship. I was to see more of this in other academic meetings.

I think I met Zimin for the first time only when I went to Moscow on a *komandirovka* a few months into my 1968-69 year. When I returned for a second exchange year in 1971, I brought with me the proofs of Ned Keenan's *Kurbtsky-Groznyi Apocrypha* (to which I had contributed a substantial appendix), in order to elicit responses from the Russian experts [Keenan, 1971]. It is undoubtedly good that my thought of making a presentation on it never was taken up, as I would have been woefully unprepared to defend a book that, like Zimin's on the *Slovo*, was bound to be rejected by most of the academic specialists in Russia. Indeed, my association with Keenan's work (and mention of it in my end-of-year report to the Filfak in the spring of 1972) must have raised some hackles.¹³ I had the distinct sense Nataliia Sergeevna Demkova had been hauled on the carpet about me; so our relations at that point (but not in later years) were markedly cool.¹⁴

¹³ I do not recall the exact content of that report – I think I highlighted my discovery of a previously unknown letter of Ivan IV to Stefan Bathory, but contextualizing it with reference to Keenan's book. While I had expected some discussion or questions, it was greeted with stony silence. See my letter to Keenan of 15 May 1972, excerpted in [Correspondence, p. 63]. When I submitted my article containing a previously unknown letter attributed as being from Ivan IV to Stefan Bathory for publication in *Arkheograficheskii ezhegodnik* at the invitation of its editor, Sigurd Ottovich Shmidt, he then wrote me to indicate my contextualizing of the letter with reference to Keenan's book had been deleted as not being directly relevant: «...замечания Ваши не имеют отношения к тематике публикации. Спор же с профессором Кинаном может и должен стать темой специальной дискуссии, которая невозможна пока, так как в библиотеки Советского Союза книга Кинана еще не поступила» (S. O. Shmidt to Daniel Waugh, 3 February 1972).

Apart from such academic issues, there were other possible reasons for some to have wanted to keep me at arm's length. I had been instrumental in trying to arrange a Leningrad showing of an American documentary film on the first manned American space mission to circle the moon. The initial scheduling of the film had resulted in a near riot at LGU from the eagerness of the waiting crowd; as a result the local authorities had intervened to cancel the event. After I was married in Leningrad in 1972, I lived for six months in a communal apartment without officially confirming my address or having the appropriate *propiska*. Presumably where I lived was well known to those who would have been keeping track. It is amusing that when President Nixon made a historic visit to Leningrad in 1972 and the other American *stazhery* were invited to greet him at the airport, I was explicitly excluded, the American Secret Service agents having informed their KGB counterparts that (presumably because of my having married a Soviet citizen), I could not be trusted.

¹⁴ My request for another *komanidirovka* to Moscow to finish work on manuscripts there, which probably otherwise would have been quickly approved and on which she had to sign off, ran into difficulties, the pretext being the department felt it should not have to pay for it. In fact it never had paid for any of those expenses, an argument I used successfully to obtain the permission. In 1975, when Nataliia Sergeevna visited Seattle with her physicist husband who had come for a conference, she stayed some days in our home; later, when she was in Chicago, she recalled the breathtaking view of Mt. Rainier from the air on leaving Seattle and regaled me with some of the interesting things they had been doing in Chicago. We last saw each other when I was in St. Petersburg several years ago with a tour group and were invited to visit her at home. Part of our conversation revolved around her response to Gabriele Scheidegger's book *Endzeit*, which invoked me and Keenan as a kind of justification for its skepticism about the attributions to Avvakum of works generally accepted as his. I had had nothing to do with the book (as Nataliia Sergeevna clearly understood). She was incensed by the fact that Scheidegger had never studied any of the Avvakum manuscripts, concerning which Nataliia Demkova was one of the great authorities.

Both Lur'e and Zimin gave the book a fair hearing, even if neither of them could accept its conclusions. Among the many who responded to the book eventually, they were the two who took most seriously the textual questions it had raised. With the exception of John Fennell (who also disagreed with the conclusions, an opinion that had to be respected coming from an expert textologist), no one outside of the Soviet Union tackled the textual issues seriously. While Lur'e never wrote a review as such, he published a detailed response in his new edition of the "Correspondence".¹⁵ Perhaps not wanting to complicate his own situation as a "heretic," Zimin chose to deliver his "review" to me orally, so that I could then convey its substance to Ned.¹⁶ In that review, he carefully laid out a number of positive points about the book before going into his criticisms. It is not as though Zimin and Lur'e saw eye-to-eye on all the issues the book raised. Zimin allowed me to read a letter or two he had exchanged with Lur'e in which, as I recall, he chided Lur'e for some insupportable judgments. I was not allowed to copy the letters.

When I next saw Aleksandr Aleksandrovich, in late summer 1979, he was within a few months of his death, easily tired from conversation in which he still conveyed his intellectual vigor and unwillingness to accept what he considered was less than scholarly work on the part of colleagues. He was still living the controversy over the *Slovo*, still unsparing in his criticism of Roman Jakobson for having published a long critique of Zimin's book even though at the time the book itself had never been officially published and spreading the rumor that Zimin had tampered with a key manuscript in order to prove a point. On seeing how ill he was and with his sixtieth birthday approaching, I set about organizing the publication of a Festschrift for him, something his Russian colleagues would have done much earlier but, because of the *Slovo* controversy, never had been allowed to publish. (When their intended volume finally did appear after his death, it still was not designated as a Festschrift on the title page [Россия на путях централизации...].) Fortunately, we at least managed to get a nicely printed table of contents of our volume to Aleksandr Aleksandrovich some two weeks before his death in 1980; I still have the note of thanks he wrote me. The book would not appear for another five years, in part because I found it so difficult to write the long essay I did about his work, in part because my obligations included typing the camera-ready copy in several languages. Because of the Festschrift I was honored by being invited to share the podium in the opening plenary session of the first conference convened

¹⁵ For Lur'e's views and citation of much of the response to Keenan's work, see [Пепеписка Ивана Грозного].

¹⁶ For my letter to Keenan of 15 December 1971 with Zimin's "review," see [Correspondence, p. 47-50]. Zimin would later publish an article on the first letter of Kurbskii.

to celebrate Zimin's career in Moscow at the Historical-Archival Institute (MGIAI) in 1990.¹⁷

It was at Zimin's in 1969 that I first met Sergei Mikhailovich Kashtanov, already an established scholar, whose remarkable productivity, breadth and scholarly rigor now rank him among the great specialists on medieval Russian history. I had the pleasure of reviewing his book on diplomatics a few years later [Waugh, 1973], and, during the 1990 conference honoring Zimin spent a stimulating evening in Sergei Mikhailovich's apartment with a number of other colleagues. Curiously perhaps, the memorable moment of that evening came in a conversation with Iaroslav Romanovich Dashkevych, who had provided me in previous years very valuable material for my work on *turcica*.¹⁸ Even though at the time the event passed unnoticed in the Western press, the hot topic on television news in May 1990 in Moscow was the Congress of the Russian Federation, in whose proceedings the subject of "self-determination" kept coming up. I asked Dashkevych, who had suffered as a "dissident," how long it would be before Ukraine gained its independence; his response was, "within a year." I think this was one reason I concluded my Russian History survey course, taught during the subsequent summer term, with a prediction that the Soviet Union would not last much longer.¹⁹

When it came time to list for my department possible outside reviewers for my final promotion (this, a few years before I retired in 2006), I included Kashtanov as one who would best be able to say something from the perspective of Russian scholars about some of the more specialized

¹⁷ Our Festschrift is *Essays in Honor of A. A. Zimin* (Columbus, O.: Slavica, 1985), at the time quite an unusual undertaking in that the publication of such a volume outside of Russia for a Soviet scholar was practically unknown. Some who would have wished to contribute to it were not invited, given what I knew about Zimin's attitude toward their work or theirs toward his; the idea was to emphasize the respect in which Zimin was held outside of the Soviet Union (hence Zimin's admirers in the USSR were not included). In contrast to the welcome our 1985 *Essays* received among many of Zimin's colleagues and former students, Richard Hellie used the occasion of its publication to cast aspersions on Zimin in a review [Hellie] which distinguished scholars such as the Profs. Fairy von Lilienfeld and Andrzej Poppe found appalling (letters to Daniel Waugh, respectively dated 7 March 1987 and 22 November 1990). The abstracts of the papers from the Moscow conference were published as «Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зими́на. Москва, 13–18 мая 1990 г.» (Moscow, 1990). Somewhat to my surprise, since I had not submitted or intended it for publication, my paper for the conference appeared in full form years later in a special issue of *Russian History* [Yo, 1998] which constituted a second Western Festschrift honoring Zimin and to which I also contributed a short introduction. The original plan had been that volume would appear in Russia, but for various reasons, publishing it there fell through.

¹⁸ My files of correspondence include numerous long letters from Dashkevych, who meticulously copied from archival files for me texts relevant to my work on the apocryphal letters of the Ottoman Sultan. I regret that when a recent Festschrift was being prepared to honor Dashkevych I could not contribute, for want of an appropriate article and time to prepare one from scratch.

¹⁹ Claims of prescience about the collapse of the Soviet Union understandably may be greeted with skepticism, but I think I am not mis-remembering. Of course it was not only the events in Moscow of May that would have contributed to such an assessment, and, if I recall correctly, I was off target in thinking it might take another five years or so.

work I had done, including my just-published book on Viatka. I gather he wrote a strong letter of support that must have made a big difference in the decision. He then published a lengthy (and not uncritical) review of the book, the kind of review an author always wishes to see, even if to read justified criticism can sometimes be uncomfortable.²⁰

I have vivid memories of Iakov Solomonovich Lur'e, as a person and for his intellectual engagement, breadth and energy. It is not as though we met and talked much, but I heard his papers and responses in the seminars at Pushkinskii dom, and was able to sit in on several of the lectures he presented in a *spetskurs* on Russian chronicle writing at Leningrad University. A student of M. D. Priselkov's, he was clearly one of the great experts on Russian chronicles (among many subjects, his interests also extending to serious study of Tolstoi and Bulgakov); the lectures were models of clarity.²¹ I feel somewhat embarrassed at having reviewed his book on All-Russian Chronicles and raised in the review a somewhat small criticism [Waugh, 1977] but then not responding to Iakov Solomonovich when he wrote asking me to explain what I meant. The subject was the texts about the "Stand on the Ugra," concerning which I probably was simply echoing skepticism by Ned Keenan, who many years later elaborated on it in an article [Keenan, 2009]. For all his expertise on texts, Iakov Solomonovich was willing to admit that codicology and its related auxiliary disciplines were not his forte. I was much surprised and flattered, sitting one day in the manuscript division of the Academy of Sciences Library in Leningrad, when he approached me asking for my opinion on the dating of the manuscript (and identification of one of the other works it contained) of the *Kholmogorskaia letopis'*, which he was preparing for publication as *PSRL* [ПСРЛ, т. 33, с. 4, № 8]. In later years, we had the pleasure of hosting Iakov Solomonovich and his wife Irina Efim'evna Ganelina in our home when they were in the U.S. And it was subsequently an honor to be able to contribute to a memorial Festschrift for him an article that fittingly dealt with Russian chronicle writing [Yo, 1997]. The article was also published in a collection in Kirov.

Lur'e's career reminds us of the challenges faced by many scholars in the Soviet era – the anti-Semitic excesses of Stalin's last years led to a forced period of internal exile for him. Curiously, as we know

²⁰ His review is in «*Отечественные архивы*» [Каштанов]. I have a copy of Kashtanov's review for my tenure file, which, when he sent it to me, I recall not daring to read.

²¹ Lur'e was one of the first people I sought out in 1968, introduced, as I recall, via a letter to him from Ned Keenan. At one of the sessions of ODRL where the subject was Russian chronicles, I remember there was a particularly sharp exchange between him and Likhachev; see my letter to Keenan of 5 December 1968, in [Correspondence, p. 26]. I never heard the last of the course lectures, since I had to leave for a *komandirovka* to work in Moscow. In response to an obituary notice for Lur'e in which Ned Keenan mentioned he had never taught, I wrote a brief letter to *Slavic Review* [Letter to the Editor], citing my experience in the course. Unfortunately the student assistant to the editor of SR inserted the wrong given name and patronymic of A. A. Shakhmatov into my letter (where I had written merely his surname), never having heard of the great earlier scholar of Russian chronicles with whom I was comparing Lur'e (a correction was printed in a subsequent issue [Erratum]).

from recently-published correspondence, it was none other than the old Bolshevik V. D. Bonch-Bruevich (then Director of the Museum of History and Atheism) who took the risk of employing Lur'e so he could once again live in Leningrad. In his later years, already as a distinguished senior scholar, Lur'e again fell prey to official sanction, in effect forced into retirement when he had the temerity to defend a scholar accused of "parasitism."²² While the epistolary legacy is gradually appearing, we are still waiting for the voluminous and, we expect, revealing correspondence which Iakov Solomonovich maintained over the years with Zimin, arguably his closest colleague.²³ I have to imagine the letters will rub some people the wrong way, since the exchanges were often unsparingly frank (and, for that reason sometimes couched in Aesopian language, not unlike what we find among the Russian intelligentsia of the 19th century).

Among the individuals who inevitably will occupy an important place in that correspondence is Academician Dmitrii Sergeevich Likhachev, long-serving head of the Division of Early Russian Literature, prolific author on early Russian culture, and toward the end of his life regarded (according to some poll) as the most respected public figure in St. Petersburg. Even if some today might dispute his claim to the legacy, I was struck by the fact that on his desk in Pushkinskii dom was a plaque indicating that it was the desk that had been used by the famous scholar of Russian Chronicles, Aleksei Aleksandrovich Shakhmatov. I owe Dmitrii Sergeevich a great deal, first of all for the opportunity to attend those meetings of the ODRL, where he usually presided and offered at the end of each session an elegantly phrased summing up of the discussion.

On three occasions, I also was honored to be able to present on my own work, the first being a summary of my study of the apocryphal correspondence of the Ottoman Sultan, which, although politely received also was, I sensed, greeted with some skepticism. For my main argument was a kind of "revisionism," which, coming on the heels of the knowledge about Ned Keenan's "heresy," was perhaps difficult for many in the audience to accept.²⁴ Of course to argue the apocrypha

²² For a revealing memoir/biography of Iakov Solomonovich, see [Ганелина]. The correspondence with Bonch-Bruevich was published with an introductory essay by V. G. Vovina-Lebedeva [Переписка Я. С. Лурье и В. Д. Бонч-Бруевича].

²³ As Vovina-Lebedeva indicates [Там же, с. 216, примеч. 5], the Lur'e-Zimin correspondence (originals of Lur'e's letters and xeroxes of Zimin's), which in effect is a "diary" of their scholarly lives, has been deposited in the archive of the St. Petersburg branch of the Russian Academy of Science's Institute of History. Vovina-Lebedeva has in fact prepared the correspondence for publication, but its appearance has been indefinitely postponed because of opposition from Zimin's widow, Valentina Grigor'evna.

²⁴ My presentation was on 3 November 1971. One of the most serious criticisms raised was that by A. M. Panchenko, who noted Ukrainianisms in the texts of the apocryphal correspondence with the Cossacks, features which deserved explanation if my contention that the letters were translations was to stand. I do not remember that Likhachev expressed any particular skepticism, but he did, as I recall, make at least an indirect reference to Keenan, and in a different session later that year (at which A. L. Gol'dberg questioned the traditional dating scheme for the famous letters of Filofei of Pskov that formulated the "Third Rome" theory), Likhachev was visibly upset that yet another of the accepted pillars of early Russian letters was coming under attack.

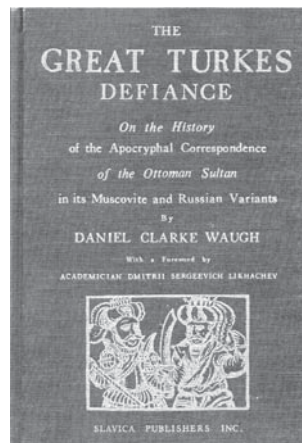
were translations, not original works as most had believed, was of a distinctly lesser order of significance than suggesting Kurbsky and Grozny did not write. Undoubtedly it was this response to my paper that reinforced my decision to publish a whole book on the sultan's correspondence, a kind of overkill to make the point that arguably could have been summarized effectively in an article [Waugh, 1978].²⁵ In working on this material, I enjoyed the warm support of the late Marina Davidovna Kagan-Tarkovskaia, who at the time had devoted a significant part of her scholarly output to the apocryphal letters. My conclusions that most of the letters were translations, not original works, upended a major thrust of hers, but she accepted our differences with grace.²⁶

My second presentation for ODRL was held not in Pushkinskii dom but in the inner sanctum of the manuscript division of the Publichka, that historic circular room on the corner of Sadovaia ulitsa and Nevskii prospekt where one is surrounded by the shelved treasures and portraits of famous Russian writers. At the time of my talk in 1972, the prominent portrait bust in the room was that of Vladimir Il'ich, but years later when I was back in that room to chat with one of the retired staff of the manuscript division, Bronislava Aleksandrovna Gradova, she pointed out to me that Alexander I had been restored to his rightful place on the pedestal, thanks to her having located the bust in the Academy of Arts. Perestroika and what followed sent Lenin into exile and brought the tsar back.

Now the purpose for having the presentation in the Publichka was to do "show-and-tell" with the actual manuscripts, ones from the collection of the famous archaeographer Pavel Mikhailovich Stroev, who then had sold his books to the historian Mikhail Pogodin. I had been using a good many of the Stroev *sborniki* and had accumulated evidence about how he had gone about obtaining and arranging the material in them. He bought, but also in some cases stole, manuscripts and or portions of them during his years traveling around Russia for the Archaeographic Commission. He

²⁵ It was generally well received, with the too kind comments in the review by Charles Halperin in *American Historical Review* really being over the top.

²⁶ I have a number of letters we exchanged in 1970-71, in which I provided her with details of my work on the apocryphal letters and she responded with answers to questions I had posed. In her letter of 15 February 1971, she wrote: «Все, что Вы пишете о европейских памфлетах, не вызывает у меня возражений, точно так же я не буду настаивать на оригинальности их русских вариантов. Включение их в круг "международной литературы" делает их еще более интересными». While I cannot know for certain, my guess is that her decision to focus her *kandidat* dissertation, which she finally defended in 1975, on original Muscovite apocrypha (the so-called "Tale of Two Embassies" and the apocryphal correspondence between Ivan IV and the Sultan) but not discuss in detail the other parts of the sultan's correspondence may have been influenced by my having undermined her interpretation of the latter. She asked me to write a formal external review of her dissertation in advance of the defense, to be submitted with the other requisite documentation for awarding of the degree. I wrote the review and sent it to D. S. Likhachev on 9 November 1995. Marina Davidovna later provided some further assistance to me in checking against the manuscript copy the text of the Muscovite translation of an anti-Turkish polemic by Gerasimos Vlakhos which I submitted for publication in *TODRL* [Yo, 19776]. Sadly she died at age 64 in 1995.

then often either separated or combined quires and had them bound into books with some eye to thematic organization. My observations were not really new, but my evidence was much more extensive than what previously had been adduced. Dmitrii Sergeevich supported my giving the paper, since he was a vigorous advocate of the scholarly description of the corpus of Old Slavic manuscripts, a task that to this day is still far from complete. The Pogodin Collection had been a particular source of his concern, since the project to describe this large corpus (more than 2000 manuscript books) had been underway for some time but with little evidence

of progress.²⁷ The difficulties Klimentina Ivanova faced when dealing with its South Slavic manuscripts had brought some of the concerns over this lack of progress to a head.

Aware of some of this history, I plunged into preparation of my paper with enthusiasm and no great amount of tact. (I might add that some of my letters back to Ned Keenan from that period of my youthful excess often contained somewhat cynical remarks I would be embarrassed to repeat now.²⁸) Fortunately, I showed a draft of it to Margarita Vladimirovna Kukushkina, then head of the Manuscript Division in BAN, who raked me over the coals for my tactlessness in criticizing the shortcomings of the description project – she was blunt: “You cannot say that!” The more so that it was coming on the heels of a presentation in the previous year there by another American, Joan Afferica, which demonstrated how careful codicological analysis could enable scholars to determine which manuscripts in Catherine II’s Hermitage collection had belonged to the noted 18th-century historian and moralist M. M. Shcherbatov.²⁹ Understandably, if visiting Americans were

²⁷ Apart from Klimentina Ivanova’s description of the South Slavic manuscripts cited above, we have to date *«Рукописные книги Собрания М. П. Погодина. Каталог»* (Leningrad/St. Petersburg, 1988–2010), covering up through MS No. 873. Among previous, partial descriptions, the most valuable is A. F. Bychkov, *«Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской публичной библиотеки»* (St. Petersburg: Tip. Imp. akademii nauk, 1882). Of the 91 manuscripts described by Bychkov, only 3 so far have also been covered in the new catalogue; a good many are ones formerly in Stroev’s library. His descriptions are very thorough for contents, but short on some of the codicological information we would expect today. Unfortunately a sequel to this Part 1 never appeared.

²⁸ An edited version of the letters (where I have excised a few of the more embarrassing passages) is my “Correspondence concerning the “Correspondence” [Correspondence].

²⁹ A portion of her study was published as *«К вопросу об определении русских рукописей М. М. Щербатова в Эрмитажном собрании Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина»* [Афферика]; a more complete version of the study appeared as “Considerations on the Formation of the Hermitage Collection of Russian Manuscripts” [Afferica].

perceived as showing Russian experts how to do their jobs, some might take offense. Indeed, at one point I later learned that one of the senior specialists in the Publichka's manuscript division, the crusty Nikolai Nikolaevich Rozov, was muttering that I must be a spy, because I had managed to decipher some bits of a substitute, invented alphabet (*tainopis'*) in one of the Pogodin Collection manuscripts.³⁰

So, thanks to Margarita Vladimirovna, I toned it down my talk in 1972, it was well received, and subsequently published [Yo, 1976; 1977a].³¹ Dmitrii Sergeevich even was kind enough to refer to it favorably in a forthright critique he gave on the lack of progress in manuscript descriptions at the 1972 Tikhomirov Readings (named for the eminent Soviet medievalist M. N. Tikhomirov) held in Moscow on June 5 and devoted to the "Methodology of the Description of Ancient Manuscripts" [см.: Лихачев, 1974, с. 235–236].³² The published version of my talk may well be the most widely cited of any articles I have written; in many ways it embodies some of the best of what I learned in those early years and would later apply when working on the manuscript legacy of Viatka.

My work on the Stroev Collection reflected a broader concern I developed to learn not just about the modern history of the collections we use, but to try to reconstruct, insofar as one could, the contents of Muscovite libraries. There is a substantial literature on this subject, with some of the more important contributions works which have mined (and often published the texts of) Muscovite library inventories. A noteworthy example is the work of M. V. Kukushkina on northern Russian

³⁰ My publication of that decipherment was in the appendix to Keenan's *Kurbinskii-Groznii Apocrypha* [Keenan, 1971, p. 122]. The information on Rozov's comment came from B. A. Gradova. Years later, after I had made somewhat by chance a discovery of a lost Russian manuscript in Tashkent and then demonstrated how it shed important light on the early 18th-century history of Xlynov/Viatka (now Kirov), a Kirov newspaper chided local historians because an American had been the first to make the discovery [Yo, 1996]. Of course there is no way they would likely have been able to do so given the absence of proper finding aids and the difficulties that a *komandirovka* to Central Asia would have presented even had they been able to learn of the book.

³¹ Apart from improving my Russian, the editors made one significant change in the text I submitted. For comparative purposes, I had cited how monks on Mt. Athos, following the visit there by Archimandrite Porfirii Uspenskii who had stolen some of their manuscripts, were subsequently suspicious of visiting Russians. In TODRL *русские* was replaced by a less explicit reference to foreign visitors.

I learned a good many years later in a letter from Boris Lvovich Fonkich, who has done so much for the description of Greek manuscripts in Muscovy and study of their texts, that he had attended the session in the Publichka (B. L. Fonkich to Daniel Waugh, 20 February 1981). His letter was occasioned by my having sent him a pre-publication copy of a review of his first book [Waugh, 1981] along with a copy of my publication of the Russian translation of an anti-turkish polemic by a noted Greek cleric, Gerasimos Vlachos [Yo, 1977b]. He noted that the article was «исключительно интересно!» since he had long searched, unsuccessfully, for the Greek original of the text (not that I had located it either) and in general was very interested as was I in the efforts of Greeks to get the Muscovite government to engage seriously in war against the Turks in order to liberate the Orthodox from Muslim rule.

³² In the discussion following the presentations, I said a few words about the importance of filigranology [Лихачев, 1974, с. 256–257, «Прения по докладом»]. Likhachev included a version of his remarks as well in the second edition of his classic textbook on textual criticism: [Лихачев, 1983, с. 113].

monastic collections [Кукушкина].³³ Among the important considerations in studying this subject are palaeographic features of manuscripts – which ones may contain the same paper, which the same or similar hands, and so on.³⁴ The absence of detailed reference works for palaeography, the complexity of codicological analysis and the time it takes mean that there is still much to be done regarding particular scriptoria and the libraries which they supplied.

One of the still contentious topics is whether or not Ivan IV had a library. S. A. Belokurov in the 19th century devoted a whole book to the subject, with skeptical conclusions. Modern studies have by and large supported the idea that the supposedly erudite Ivan must have been a book collector, but evidence for that is far from solid and, as I argued at a conference in 1984, still in need of re-examination.³⁵ To a degree the scholarship (or work that may not be scholarly) devoted to Ivan's library is based largely on wishful thinking about Ivan's stature as something akin to a Renaissance intellectual. Among the more ludicrous efforts to find his books have been excavations in the Kremlin and at Aleksandrovskaia sloboda, the headquarters for his *oprichinina*.³⁶ Granted, my views on the subject are colored by Keenan's skepticism.

The idea that Aleksei Mikhailovich may have had a library in the 17th century should be far less controversial, since there are no doubts about his literacy and his apparently broad curiosity. But then where might we find his books? I argued that we should consider the archive of his Privy

³³ Since 1991, at least seven substantial volumes have appeared under the general title of «Книжные центры древней Руси», three of them devoted to the Solovki Monastery, another to the Volokolamsk Monastery. They contain valuable information for reconstructing holdings; clearly the authors look carefully at a range of codicological evidence.

³⁴ I made a stab at this kind of analysis when working on Muscovite chronicles of the Northern Dvina River region, but my detailed palaeographic evidence never was published as part of my analysis and publication of the chronicle texts (in *Oxford Slavonic Papers* [Waugh, 1979]). It would have taken much more time than I had in the Russian manuscript collections to work the material up into a serious monograph. My unpublished discussion of evidence for a scriptorium in the Kholmogory region, "A Scriptorium in Kholmogory: Some Observations on Palaeography," can be read on-line [Уо, Скрипторий]. I sent a copy of the palaeographic tables and some summary notes on the manuscripts to S. O. Schmidt in 1982, in response to his publishing an article concerning manuscript RGB (GBL), Muz. 1836 in «Записки отдела рукописей», т. 38, where he wrote about the importance of studying northern scriptoria. At least marginalia in the manuscript he had discussed seemed to be in hands similar to the ones I had been examining and attributed to the Kholmogory region (Daniel Waugh to S. O. Schmidt, 18 April 1982). Schmidt became one of the leading advocates for more attention being paid to regional history; it was a pleasure to see him after many years in 2003 in the conference on regional history of Russia hosted by Andreas Kappeler in Vienna in 2003 (I had been one of those consulted in advance about the organization of the event; its papers are in *Forschungen zur osturopäischen Geschichte*, Bd. 63). For my appreciation of Schmidt, repaying a debt that was long overdue, see «Конец эпохи. Вспоминая Сигурда Оттовича Шмидта (1922–2013)» [Waugh, 2013].

³⁵ There are references to the most important work published up to that date [Waugh, 1987]. The most serious modern attempt to reconstruct Ivan's library, the work of reputable scholars, is «Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание» [см.: Библиотека Ивана Грозного...], which I reviewed briefly in *Slavic Review* [Waugh, 1984, p. 95]. The core of the book is a previously unpublished manuscript by Zarin dating from the 1930s.

³⁶ For the digging in the Moscow Kremlin, see [Стеллецкий], a work written in 1946 to which T. M. Belousova and A. A. Amosov added commentary. For Aleksandrov, «Библиотека Ивана Грозного и Александровский кремль» [Ковалев], which claims that soil analysis and subsurface sensing point toward where we should find the library.

Chancery to be in effect his personal library, though skepticism about that on the part of some German colleagues revolved around the issue of how we might formally define “library” [see *The Library of Aleksei Mikhailovich*]. While for the seventeenth century we have plenty of evidence in various inventories regarding the contents of libraries, we still need proper analysis of many of them to try to establish the exact contents, since the entries in the inventories are often quite cryptic. In the Soviet period, the main student of Muscovite libraries, S. P. Luppov, used categories such as “secular” and “religious” to come up with statistics about book collections, even though that modern distinction arguably was not very relevant to how Muscovites in the 17th century might have categorized their books.³⁷ My interest in Muscovite libraries in recent years has focused on Viatka, about which more will be said below.

My third talk for ODRL was in 1975. With Dmitrii Sergeevich’s support, I had returned to Leningrad to complete gathering material for a guide to the current locations and shelf numbers of the manuscripts collected in the first half of the 19th century by Count F. A. Tolstoi. While much of that large and important library was described in print by Stroev, his numbering had been superseded by that of the Imperial Public Library, which had purchased the lion’s share of the Tolstoi Collection, its remaining parts ending up in the Academy of Sciences Library and the Institute of History. The only way one could look up the Publichka’s numbers was by checking the copy of Stroev’s catalogue in the rare book reading room, where they had been written in the margins in pencil. Before leaving Leningrad in 1972, I had copied out all those numbers and now proposed to compile correlation tables and track down the other Tolstoi Collection manuscripts. As far as I know, the reason I received the access to BAN and LOII (where I then worked in the closed stacks, not in the reading room) was because Dmitrii Sergeevich had picked up the phone and called on my behalf. My notes for the Tolstoi Collection project nearly did not make it out of Leningrad with me, as the customs officials would not release them without my having a special permit for taking “unpublished manuscripts,” even ones in my own hand. However, an American colleague Jack Haney, who had accompanied me to the airport, managed to arrange for them to be sent home through the diplomatic pouch.

Getting the material published was not at all straightforward and came about to a considerable degree thanks to Patricia Kennedy Grimsted, who was then working on a supplement and a second volume of her much-admired guide to Soviet archives and manuscript collections.³⁸ She was able

³⁷ I spoke about this in “The History of Libraries and Other Repositories to 1700: Recent Soviet Work,” a somewhat hastily contrived paper (not worth publishing now) presented at the Conference on recent Soviet Book Studies, 22 June 1983, at University of California (Berkeley).

³⁸ I had reviewed Grimsted’s first archival guide volume favorably in *Slavic Review* [Waugh, 1974]. My correspondence files for the mid-1970s include several long letters from her concerning both the progress on a supplementary volume (for which I had, as she would note in her acknowledgements, “furnished...a preliminary list of selected titles of Slavic manuscript catalogs to be included and considerable information appropriate to their annotations”) and the issues surrounding the Tolstoi Collection guide. I received a good many corrections and suggestions for other changes from various individuals either directly or indirectly; I confess to not knowing now for sure that all of the changes made it into the final version of the book.

to negotiate directly with those in Leningrad who had doubts as to whether my guide, representing in part the publication of unpublished *opisi*, could in fact legally be printed (as she reported to me, Likhachev also weighed in to put any doubts to rest). The major task of checking my draft against the records in the Publichka was carried out by Bronislava Gradova. The guide first appeared in an innovative “microbook” format from Inter Documentation Company (a microfiche edition prefaced by several printed pages of the introduction) [see The F. A. Tolstoi Collection], and subsequently was republished in hard copy by BAN, with the blessing and support of Sigurd Ottovich Shmidt, the head of the Archaeographic Commission in Moscow [see *Славянские рукописи...*].

Despite the strong support for the project which leading Russian scholars had expressed and the unusual distinction of my having it published there (in its second edition) by the Academy of Sciences, its value was lost on those who never tried to work seriously in the as yet poorly described collections of early Slavic manuscripts. The most egregious example of such incomprehension was the critical review written by Valerie Tumins, which showed she had no idea whatsoever as to its value [see Tumins].³⁹ Grimsted was so upset by this misrepresentation of the guide that she wrote a long explanatory letter to Tumins, who responded with yet further incomprehension.⁴⁰ Given the relatively short amount of time I had to work on the guide, it is not surprising that some parts of it were indeed sketchy and much in need of being supplemented. Possibly it at least was the stimulus for the subsequent publication of a proper investigation of the history and listing of the manuscript books in the important 18th-century library of Prince Dmitrii Mikhailovich Golitsyn, some of which had subsequently been obtained by F. A. Tolstoi [see Градова, Клосс, Корецкий, 1979; 1981].⁴¹ B. A. Gradova, who had apparently written a “peer review” of my guide in its draft form and supplied corrections to it, was the lead author of that two-part study.

While in Leningrad in 1975, I also gave a talk in Pushkinskii dom (somewhat ill-attended, as I recall, since it was in August before the normal academic calendar began) on manuscript description, in particular proposing ways in which it might all be computerized in order to make the information readily available, make searches and comparisons easy, and so on. This, mind you, in an time when I did not own anything resembling a computer and the Internet had yet to be born. I think there was some real interest, but then nothing came of the matter, probably

³⁹ A brief but appreciative review by W. F. Ryan appeared in *The Slavonic and East European Review* [Ryan].

⁴⁰ Patricia Kennedy Grimsted to Valerie A. Tumins, 30 October 1978; Tumins to Grimsted, 13 November 1978. In her letter, Grimsted wrote, inter alia: “Soviet institutions have been so slow to issue up-to-date catalogues of their collections, and manuscript descriptive work in the Soviet Union has lagged so much since the Revolution, that there is indeed some irony that it has been a Western scholar who, working closely with the Soviet institutions involved, has been able to come up with the type of detailed finding-aide so necessary for specialists to pursue careful research in the field of Slavic studies.”

⁴¹ In the first of the articles, they were careful to note the fact that I had set a limited task in my writing about the Golitsyn manuscripts, which were not the main subject of my guide [Градова, Клосс, Корецкий, 1979, с. 238], and the importance of bringing to bear as they did the published and unpublished inventories of his collection.

because, once back home, I never could find the time to do any follow-up. So, in a sense, I suppose that was a dead-end, even if it was the kind of thing one might have hoped would have had some impact.⁴²

To talk about such things today of course would raise no eyebrows, even if we are still far from having an electronic corpus of early Slavic manuscript descriptions in anything resembling the scope of what I had in mind. Perhaps some stimulus to get on with the task might come from remembering that in the pre-computer days, N. K. Nikol'skii understood clearly the wisdom of a comprehensive guide to old Slavic literature and undertook to implement it via the technology of the time by taking all the printed manuscript catalogues he could get his hands on, cutting them up, and pasting the entries onto file cards, organized systematically. I remember vividly consulting Nikol'skii's *kartoteka* in BAN when I arrived in the Soviet Union back in 1968 to see whether it would yield works I had not known which were relevant to my project or additional copies of ones I had known. It was of limited value, being so out of date, even if the inspiration which underlay its conception was still very fresh.⁴³

My memories of Dmitrii Sergeevich include a farewell visit to him at his dacha in Komarovo on the eve of my departure in June 1972. We talked but briefly. He reported with great sadness that the poet Joseph Brodsky had just been exiled from the Soviet Union.⁴⁴ My recollection of the rest of the conversation was that he lamented more generally the politics which subjected to attack those who were passionate about defending the values of Russian culture. Perhaps an undercurrent here was his emotional response to the skepticism of those such as Keenan or Zimin who would question the inherited beliefs in the monuments of Early Russian literature. I think, though, his concern was more with the political authorities who had exiled him to Solovki in his youth and, in later years when he was already a distinguished scholar, probably had been responsible for a physical attack on him. As I was preparing a few years later to publish my first monograph, I asked Dmitrii Sergeevich whether he would write a foreword to it; he graciously agreed, in the process making some very helpful suggestions which improved the book. I think what he wrote in that foreword is unduly generous

⁴² In a letter of 31 May 1979, A. A. Amosov referred to my presentation in response to my having inquired via Hugh Olmsted about a paper Amosov had given on manuscript description. In his letter, he indicated that some of our ideas about computerization of the process coincided, but more detailed working out of descriptive criteria was needed before that could be undertaken. Furthermore, he felt that watermark descriptions had to be keyed to visual comparisons of the marks (by implication then, any system of numerical identifiers such as measurements would be unlikely to work, even if that was not by any means the totality of what I had earlier envisaged). (A. A. Amosov to Daniel Waugh, 31 May 1979).

⁴³ Of course Nikol'skii's *kartoteka* is not for reference to whole manuscripts but merely their parts taken separately. There are various reference works for accessing publications and studies of early Slavic texts, the best and most up-to-date being the multi-volume *Словарь книжников и книжности Древней Руси* (Leningrad/St. Petersburg, 1987–1989). However, it is not intended as a guide to locating each and every manuscript copy.

⁴⁴ I feel fortunate to have heard Brodsky reading his poetry at the University of Washington years later, with Jack Haney providing translations into English. On a visit to Venice in 2010, somewhat by accident I came across the plaque commemorating Brodsky, one of the many great figures in the arts who worked in the city and was buried there.

in its praise.⁴⁵ My last memories connected with Dmitrii Sergeevich are post-mortem, when I accepted an invitation to present at the second conference held in his memory in Pushkinskii Dom in late November 2003.⁴⁶ This was more than just another academic conference: for many it was a ceremonial and emotional occasion dedicated to burnishing the memory of his life and accomplishments. When the academic proceedings ended, participants were invited to attend a memorial church service and then participate in a candle-lit graveside prayer ceremony in the misty pines of the November twilight at the cemetery in Komarovo which is also the resting place of Anna Akhmatova.

УДК 82-94 + 09 + 930

Даниель Уо

УВЛЕЧЕНИЯ ЮНОСТИ И К ЧЕМУ ОНИ ПРИВЕЛИ: АВТОБИОГРАФИЯ

Автобиография, которую предлагает читателю видный американский исследователь, специалист в области древнерусской книжности Даниэль Уо, нетривиально показывает сочетание личной судьбы и профессионального интереса. События жизни разворачиваются в контексте отечественной и зарубежной русистики, споров и дискуссий исторического и культурологического характера. Перед читателем открывается панорама советской и мировой гуманитарной науки, где противоречиво соединяются доброжелательность и научная объективность с идеологическим противостоянием и мелочными придирками. Прекрасное понимание людей, оценка их достижений делает воспоминания источником по характеристике состояния гуманитарной науки в напряженные годы

⁴⁵ His foreword is in my *The Great Turkes Defiance* [Waugh, 1978, p. 1–4]. He had even earlier complimented my work in overly generous terms at the same time that he expressed bluntly his regret that I had ever gotten involved with Keenan's book («огорчаюсь за участие в книге... Н. Кинана»), whose conclusions (and method) he could not accept (letter of D. S. Likhachev to Daniel Waugh, 23 October 1973). His critique of Keenan's book in the second edition of his *Tekstologiia* [Лихачев, 1983, с. 261–263, примеч. 35] explicitly absolved me from any responsibility for Keenan's ideas (!). While my contribution to the Keenan book was more than adequately acknowledged in it, there were some aspects of my involvement which are not expressly indicated. Since Keenan was away on sabbatical in Europe while the manuscript was being edited and prepared for publication, but I was in Cambridge, I worked very closely with the editor in such things as standardizing references. Moreover, there were some tasks I undertook on Ned's request – locating and assembling the Cicero passages relevant to the question of whether Kurbskii could have cited Cicero as it appeared in texts attributed to him; putting together a draft of the reconstructed text of the first Kurbskii letter published as one of the appendices of the book. The very title of the book offended some reviewers; while I may mis-remember, it is possible I first suggested it to Ned when we were discussing the matter. I still have in my archive the "original" editing version of Keenan's manuscript replete with changes he made to the version of the text he had submitted.

⁴⁶ My rather general paper (based on my work concerning Viatka) was published with the others from the conference: «Местное самосознание и "изобретение" регионального прошлого» [Уо, 2006].

«холодной» войны и в постсоветское время. Замечательно показано, насколько пиетет к кропотливому научному труду и взаимоуважение коллег позволяют преодолеть конфликты и разногласия, какого бы генезиса они ни были. Это первая часть воспоминаний, продолжение будет опубликовано в следующем номере.

Ключевые слова: советская гуманитарная наука; Пушкинский Дом; советские историки; рукописное наследие; древнерусская литература.

Это эссе изначально было написано в 2012 г. в качестве вступления к предполагавшемуся репринтному собранию моих ранних публикаций. Такое собрание, несомненно, никогда не появится в печати (большая часть материала доступна в электронной форме на моем сайте), но во время написания эссе я добавлял некоторые комментарии, чтобы дополнить ранние труды и поместить их в контекст. Я также размышлял над вопросом, на который у меня до сих пор нет определенного ответа: как и почему моя карьера развивалась именно так, как развивалась¹. Говоря вкратце, будучи на седьмом десятке, я нахожусь на таком этапе жизни, когда появляется некоторая ностальгия (а также самокритика) в отношении своей молодости. Это эссе далеко не является полной научной автобиографией, потому что жизнь и научная деятельность продолжают, и в настоящее время меня все больше интересует история Центральной Азии, а в особенности – исторический Великий шелковый путь и обмен товарами между странами Евразии. Но это тема для другого разговора. Читателей также необходимо предупредить, что, как любые мемуары, эта автобиография в значительной степени преследует корыстные цели. Авторам мемуаров свойственно желание оправдывать себя и преувеличивать свою значимость. И все же я могу надеяться, что это эссе, по крайней мере, прольет свет на то, как один американский специалист по истории России до Нового времени воспользовался привилегией и возможностью общения с таким количеством выдающихся ученых. Я у них в долгу.

То, как я пришел к истории России до Нового времени, (неблаго-разумно) выбрав физику в качестве специализации в Йельском университете, требует краткого объяснения. Я начал изучать русский язык, чтобы читать на нем статьи по физике. Я прослушал первый курс по истории России, потому что сосед по общежитию предложил мне хороший способ выполнить требование о том, что студенты должны познакомиться с различными областями знаний². Одним

¹ Ссылки можно найти по адресу <http://faculty.washington.edu/dwaugh>.

² Я выражаю благодарность Норману Синелу, который жил в соседней комнате (и затем стал юристом) и чей брат Алан (впоследствии выдающийся историк, который изучает образовательную политику Российской империи и работает в Университете Британской Колумбии) в то время писал дипломную работу в Гарварде. Норман предложил нам попробовать «Историю России», обзорный курс, который преподавался в Йельском университете совместно Иво Ледерером, Фирузом Каземзаде и Кристофером Беккером.

из преподавателей этого курса был Фируз Каземзаде, который, когда впоследствии слушал его курс по экспансии Российской империи, направил меня на путь изучения отношений между Россией и Османской империей³. Мне повезло в итоге оказаться в магистратуре Гарварда в тот год, когда там гостил Джон Феннел из Оксфорда. Он читал лекции и вел семинар по текстуальному анализу русских летописей – предмет, по которому он был одним из величайших специалистов. Конечно же, я увлекся своего рода детективной работой, которая входила в этот предмет; отсюда было легко сделать следующий шаг – посвятить себя диссертации по Московскому государству. Как бы странно это ни звучало, моим официальным руководителем по ней был Роберт Ли Вулф, хотя в действительности им был Эдвард (Нед) Кинан (еще не являвшийся штатным сотрудником и поэтому не имевший права быть научным руководителем). Вулф, специалист по Византии и Балканам, который одно время работал заместителем в Гарварде, когда на факультете не было специалиста по Древней Руси, пользовался дурной славой за строгое отношение к аспирантам. Мне повезло, что он оставил меня в покое и позволил заниматься своим делом, хотя редкие посещения его кабинета в библиотеке «Уиденер» были причиной некоторой тревоги⁴. К тому периоду деятельности его главной страстью было собирать материал и писать труды о романистах ранней Викторианской эпохи.

По сей день я не могу утверждать, что у меня когда-то была особая способность к изучению языков. Гарвардская программа по русскому была на порядок выше Йельской в своих ожиданиях от студента, изучающего язык третий год; поэтому мне пришлось

³ Профессор Каземзаде, иранец и русский по происхождению, публиковал труды по русско-иранским отношениям в начале XX в., после написания докторской диссертации, посвященной событиям в Закавказье во время и сразу же после Октябрьской революции.

⁴ Вулф все же был способен причинять неприятности тем, кто работал под его руководством; классический пример – это случай с Марком Пинсоном, которому приходилось постоянно переписывать главы диссертации и которому в конце концов удалось ее закончить, только убрав Вулфа из комиссии. В моем случае Вулф не хотел видеть диссертацию, пока она не будет закончена, и тогда он сделал лишь несколько предложений об изменениях и благословил ее похвалой, которую, оглядываясь назад, я считаю незаслуженной: «...Я думаю, что это великолепная работа. Даже до включения приложений и библиографии я готов сказать, что работа не только, несомненно, приемлема в своем нынешнем виде, в качестве диссертации, но и что это одна из наилучших диссертаций, которые я когда-либо читал, и, думаю, ближе всех других к итоговой опубликованной книге» (Роберт Ли Вулф – Даниелю Уо, 9 ноября 1971 г.). Возможно, сейчас мой взгляд на диссертацию находится под сильным влиянием своего рода переосмысления этого проекта в свете новых подходов к материалу, который я изучал. По сегодняшним стандартам мой анализ этого материала очень «старомоден». По крайней мере, даже в окончательном печатном варианте диссертации меня смущает множество опечаток – следствие того, что, когда работа была сдана в печать, я был в Ленинграде и не смог проверить окончательный вариант. Тема диссертации такова: «Памфлеты с мотивами Турции в Московском государстве XVII в.: к изучению литературной культуры Московского государства в европейском контексте» [2 т.] (Гарвардский университет, 1972).

«повторить» курс, что я едва ли сделал с отличием, несмотря на необычайную помощь Нины Арутюновой⁵. Если сейчас я говорю по-русски более или менее бегло (хотя он становится хуже и я говорю не очень правильно), этому я во многом обязан длительному времени, которое я провел в Советском Союзе, занимаясь исследованием для диссертации, и тому, что там я женился на русской женщине, с которой мы договорились говорить дома по-русски⁶. Я также записался на курс старославянского языка Хораса Ланта в свой первый семестр магистратуры. Если бы сейчас он был жив, возможно, он пришел бы в ужас, если бы узнал, как много из старославянского я «утратил» из-за недостатка практики и что рецензент моей первой монографии указал на ошибку в моем переводе текста⁷. Я ничего не знал о репутации сурового надзирателя, которая была у Ланта; в действительности он смягчился и всегда хорошо со мной обращался, возможно, снисходительно относясь к историку, который никогда не сможет играть на равных с лингвистами. Момент, запомнившийся мне из курса, никак не был связан с открытием двойственного числа или с изучением аористов – он наступил, когда зазвонили колокола Мемориальной церкви в парке Гарвард-ярд и кто-то зашел в аудиторию и сказал, что президента Кеннеди убили. Во время обучения в магистратуре у меня также была редкая возможность слушать лекции Романа Якобсона. Один его курс был посвящен славянскому язычеству, а другой – русской поэзии начала XX в.: этот предмет он знал отчасти из личного общения с некоторыми поэтами. Мне запомнилось, как в завершение одной из лекций Якобсон описывал свою первую встречу с Маяковским, хотя другие детали этого курса поэзии прошли мимо меня.

⁵ Доктор Арутюнова великодушно разрешила мне посетить в качестве вольнослушателя ее летний курс несколько лет спустя, когда я готовился уезжать для первого года работы над диссертацией в Советском Союзе и очень нуждался в практике разговорного русского. Это сослужило мне хорошую службу, когда я довольно глупо явился в Москву на день раньше даты, которая стояла в моей въездной визе в августе 1968 г., и мне пришлось договариваться, чтобы меня впустили в страну, а не посадили обратно в самолет до Лондона.

⁶ В течение многих лет я нахожусь в большом долгу у тех, кто брал на себя труд исправлять русский язык в моих различных работах и публикациях: это моя бывшая жена Марина Александровна Толмачева (правнучка Александра Петровича Карпинского, который был президентом Российской академии наук / Академии наук СССР в 1917–1936 гг.), Вероника Масхели, Галя Димент, Мария Кожевникова, Варвара Вовина-Лебедева, а также российские редакторы, чей отдельный вклад я не могу определить.

⁷ Моя книга называется *The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in Its Muscovite and Russian Variants* («Великий вызов турок: К истории апокрифической переписки турецкого султана в московском и русском вариантах»), предисловие к ней написал академик Д. С. Лихачев (Columbus, O. : Slavica, 1978). Рецензия была написана Норманом Ингемом и опубликована в журнале «Modern Philology» [Ingham]. Однажды во время курса Ланта по древнерусскому языку, который я слушал в зимне-весеннем семестре 1964 г., мы заметили ошибку, допущенную Сергеем Зеньковским в тексте, который мы читали (в его антологии древнерусских текстов) и Лант со смехом сказал, что, возможно, Гарварду стоит потребовать степень Зеньковского обратно.

Одной из причин того, что я выбрал Гарвард, было изучение турецкого, что я делал под руководством специалиста по истории Османской империи Стенфорда Шоу. Однако я так и не достиг уровня знаний, который позволил бы мне помнить и эффективно использовать язык без постоянной практики⁸. По крайней мере, это способствовало моей заинтересованности в Центральной Азии и в ее культурах – предмете, который сейчас снова является преобладающим в круге моих интересов. Оглядываясь назад, можно сказать, что наибольшее влияние на мой интерес к Великому шелковому пути в более зрелые годы, возможно, оказало не мое посещение курсов Омеляна Прицака и Джозефа Флетчера в качестве вольнослушателя, а, скорее, курсы Олега Грабара по исламскому искусству. Я все еще много о них думаю, когда в октябре 2010 г. у меня появилась возможность посетить знаменитую пустынную крепость Кусейр-Амра, принадлежавшую халифам династии Омейядов и расположенную недалеко от Аммана (Иордания). Когда мне нужно было сдавать экзамен по чтению на втором языке для получения докторской степени, я решил самостоятельно учить французский летом: это был более легкий путь, чем вспоминать немецкий, на котором я учился читать во время обучения в бакалавриате. (За тест по французскому я получил что-то вроде C–, но это был проходной балл). Ничего из этого не свидетельствует об очень высоком уровне знаний этих языков, которые мне часто приходится использовать теперь, что все еще дается мне с трудом.

Выбор памфлетов о Турции (*turcica*) периода Московского государства в качестве темы диссертации позволил мне применить свой интерес к туркам Османской империи; но также он имел практическое значение, потому что я хотел заниматься своим исследованием в Советском Союзе. В то время было почти невозможно получить доступ к архивам по внешней политике (в РГАДА), даже если они касались Московского государства; поэтому мне пришлось отказаться от первоначального замысла изучать русско-османские отношения. Благодаря мудрости (если не другому качеству) советских экспертов, оценивавших мою заявку на обменную программу IUCTG (впоследствии IREX), в 1968 г. меня определили в Ленинград, хотя в заявке я указывал Москву. Тем не менее, Ленинград был центром исследований по древнерусской литературе; действительно, меня поместили на филфак (филологический факультет), а не на истфак ЛГУ, под руководство Натальи Сергеевны Демковой. Когда я приехал, она предполагала, что я знал очень мало – что, по стандартам российских специалистов, во многом было правдой. Однако решающую роль для всего последующего развития

⁸ Курс Шоу для магистрантов второго курса, в рамках которого мы начали читать тексты на османском языке, написанные арабской вязью, посещал еще один студент, Картер Финдли, который стал выдающимся специалистом по истории Османской империи в Университете штата Огайо. Я прошел курс по истории Османской империи, который вели Шоу и Вулф. Затем Шоу ушел из Гарварда в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, где большая местная армянская община сделала его жизнь несчастной из-за его «протурецких» взглядов на истребление армян во время Первой мировой войны.

событий сыграло полученное мной приглашение на собрания Отдела древнерусской литературы (ОДРЛ), которые проходили в Пушкинском доме (ИРЛИ). Именно там я по-настоящему начал немного понимать советскую научную жизнь и полемику по вопросам, о которых я никогда не смог бы узнать, только читая опубликованные труды.

Помимо этого, возможно, важнейшим результатом моей работы в Ленинграде было то, что я ознакомился с изучением рукописных книг Московского государства. Я пришел к этому плохо подготовленным в том смысле, что я никогда по-настоящему не изучал русскую палеографию (только через несколько лет курс по ней в Гарварде запустил Нед Кинан). Моей единственной подготовкой до приезда в Ленинград в 1968 г. было то, как я продирался сквозь старый, но все еще полезный учебник Беляева по русской скорописи [см.: Беляев]. И когда я получил первую рукопись в Публичке (теперь РНБ, Российская национальная библиотека) – я хорошо ее помню, это была рукопись Погодинского собрания № 1558, – я пришел в ужас, обнаружив, что даже ее довольно четкий почерк было сложно разобрать. Совершенно новым для меня был анализ водяных знаков для датировки рукописи (филигранология); я занялся ей с необъяснимой страстью. В общей сложности, за два года, которые я имел честь провести в Ленинграде в качестве студента по обмену (1968–1969, 1971–1972), в первый год я, несомненно, провел слишком много времени, вслепую пробираясь сквозь кодикологию, и совсем мало времени уделил анализу и переписыванию текстов, которые были предметом моей диссертации. К счастью, во второй год у меня появилась возможность исправить некоторые оплошности.

Возможно, я завоевал доверие в кругах ленинградских ученых, занимавшихся средневековой литературой, прежде всего, просто потому, что проводил много времени в отделе рукописей Публички. Я бы несколько неуважительно (хотя, думаю, не по отношению к русским) пошутил, что рядом с дощечкой на фасаде, на которой написано, что в этой библиотеке проводил время Ленин, нужно установить еще одну, которая обозначит, что и я здесь часами прилежно трудился. Я был там, когда двери только открывались, а когда вечером готовились закрывать библиотеку, мне часто приходилось напоминать, что пора уходить. По крайней мере один раз дежурный библиотекарь стучал мне по голове, чтобы разбудить меня после полудня, когда я дремал за партой. Печальным последствием этого усердия было то, что оно окончательно разрушило мой брак (моя тогдашняя жена, которая жила со мной в Ленинграде, оказалась предоставлена самой себе, а она не была русисткой). Единственным ученым, который провел в отделе рукописей Публички столько же времени, сколько я, была (насколько я помню) Климентина Иванова – болгарский медиевист, которая приехала в Советский Союз на год для описания южнославянских рукописей из Погодинского собрания и в результате обнаружила, что этот вопрос настолько мало изучен, что года на это едва хватит⁹.

⁹ Результатом ее титанических усилий стала следующая работа: [Иванова].

У меня сохранились яркие воспоминания от общения с некоторыми из наиболее выдающихся русских медиевистов XX в., хотя я не буду утверждать, что у нас сложились особенно тесные профессиональные или личные отношения. Я начну с Александра Александровича Зимина. В первые недели после моего прибытия в 1968 г. (когда я еще плохо мог успевать за устным выступлением на научном русском языке) я посетил его лекцию о втором браке Василия III в Институте российской истории (Ленинградском отделении института истории – ЛОИИ)¹⁰. Об этой лекции меня известил его близкий коллега Яков Соломонович Лурье (о котором я подробнее скажу ниже). Хотя я читал некоторые из трудов Зимина о Московском государстве, я мало знал о полемике, которую он вызвал несколькими годами ранее, попытавшись показать, что «Слово о полку Игореве» – это работа конца XVIII в., а не средневековый эпос, во что верило и перед которым преклонялось большинство ученых. Взгляды Зимина натолкнулись на непробиваемую стену несправедливой критики¹¹. Не зная всего этого, я не мог понять, почему, как оказалось, некоторые члены аудитории подстерегали Зимина, будто в засаде. Примечательный обмен репликами состоялся, когда Юрий Константинович Бегунов накинулся на Зимина за то, что тот, предположительно, сфальсифицировал некоторые данные (я не помню деталей), на что Зимин перегнулся через кафедру и холодно, ровно ответил: «Вы говорите ложь». В другой раз, на защите диссертации в Ленинграде, я слышал, как Зимин (бывший одним из официальных оппонентов) защищал диссертанта от неоправданных нападков своих старых московских «врагов» (и делал это с занимательной иронией)¹². Думаю, до этих случаев я наивно недооценивал, как сильно личные отношения и страсти могут повлиять на то, что в идеальном мире должно быть бесстрашной наукой. Мне было суждено еще больше убедиться в этом на других научных собраниях.

Думаю, я в первый раз встретил Зимина, только когда поехал в Москву в командировку через несколько месяцев после начала своего 1968/1969 обменного года. Когда я вернулся на второй обменный год в 1971 г., я привез с собой доказательства исследования, проведенного Недом Кинаном в книге «Апокрифические сочинения Курбского – Грозного» (к которой я написал объемное приложение), чтобы добиться откликов от российских экспертов [см.: Кеenan, 1971]. Несомненно, хорошо, что моя мысль о выступлении на эту тему так и не нашла поддержки, потому что я был бы ужасающе неподготовлен к защите книги, которую, подобно книге Зимина о «Слове», обязательно бы отвергло большинство российских ученых-специалистов. Действительно, моя связь с работой Кинана (и то, что я упомянул

¹⁰ Затем эта лекция была опубликована [см.: Зимин].

¹¹ Краткое изложение этих событий см.: [Fennell].

¹² О некоторых разногласиях Зимина с коллегами по различным вопросам, относящимся к изучению древнерусских источников, написано в моей работе [см.: Waugh, 1985].

о ней в своем годовом отчете на филфаке весной 1972 г.), должно быть, вывела некоторых из себя¹³. У меня было ясное чувство, что из-за меня Наталью Сергеевну вызвали на ковер; поэтому наши отношения в этот период (но не в последующие годы) были нарочито холодными¹⁴.

И Лурье, и Зимин отозвались о книге Кинана благосклонно, хотя ни тот, ни другой не приняли ее выводов. Среди многих, кто в итоге отозвался на книгу, именно они наиболее серьезно отнеслись к текстуральным

¹³ Я не помню точного содержания этого отчета – думаю, я подчеркнул свое открытие ранее неизвестного письма Ивана IV Стефану Баторию, но поместил это в контекст книги Кинана. Хотя я ожидал обсуждения и вопросов, мой отчет встретили гробовой тишиной (см. мое письмо Кинану от 15 мая 1972 г., отрывок из которого помещен в книге: [Correspondence, p. 63]). Когда я передал для публикации в «Археографический ежегодник» статью, содержащую ранее неизвестное письмо, которое считается письмом Ивана IV Стефану Баторию (сделав это по призыву редактора «Ежегодника» Сигурда Оттовича Шмидта), в своем ответе он указал, что связь письма с книгой Кинана удалили из статьи как непосредственно не относящуюся к данному вопросу. Он написал мне следующее: «...замечания Ваши не имеют отношения к тематике публикации. Спор же с профессором Кинаном может и должен стать темой специальной дискуссии, которая невозможна пока, так как в библиотеки Советского Союза книга Кинана еще не поступила» (С. О. Шмидт – Даниелю Уо, 3 февраля 1972 г.).

Помимо подобных научных вопросов, были и другие возможные причины того, что некоторые хотели держать меня на расстоянии вытянутой руки. Я способствовал попыткам организовать в Ленинграде показ американского документального фильма о первой пилотируемой американской космической миссии, облетевшей Луну. Изначально запланированный показ фильма чуть не привел к беспорядкам в ЛГУ из-за рвения ожидающей толпы; в результате местные власти вмешались и отменили мероприятие. После того, как я женился в Ленинграде в 1972 г., я в течение шести месяцев жил в коммунальной квартире, официально не подтверждая свой адрес и не имея соответствующей прописки. Вероятно, место моего проживания было хорошо известно тем, кто следил за мной. Забавный случай произошел, когда президент Никсон в 1972 г. посещал Ленинград с историческим визитом и других американских стажеров позвали встретить его в аэропорту, а мне недвусмысленно в этом отказали. Агенты Секретной службы США уведомили своих коллег из КГБ, что мне нельзя доверять (возможно, потому что я женился на гражданке Советского Союза).

¹⁴ Моя просьба обещеодной командировке в Москву, чтобы закончить там работу над рукописями, которую в иных обстоятельствах, вероятно, быстро бы одобрили и которую ей нужно было подписать, натолкнулась на трудности. Предлогом было то, что факультет считал, что он не должен ее оплачивать. На самом деле он никогда не оплачивал подобные расходы, и я успешно использовал этот довод, чтобы получить разрешение. В 1975 г., когда Наталья Сергеевна была в Сиэтле со своим мужем-физиком, приехавшим на конференцию, она на несколько дней остановилась у нас в доме. Позже, в Чикаго, она вспомнила захватывающий вид на парк Маунт-Рейнир, который она наблюдала из самолета, покидая Сиэтл, и угостила меня рассказами о том, что интересного они делали в Чикаго. Мы видели друг друга в последний раз, когда несколько лет назад я был в Санкт-Петербурге с туристической группой и Наталья Сергеевна пригласила меня к себе домой. Часть нашего разговора вращалась вокруг ее отзыва на книгу Габриэле Шайдеггер «Последнее время» (“*Endzeit*”), в котором она ссылалась на меня и Кинана для подтверждения своего скептического отношения к приписыванию Аввакуму работ, которые обычно считаются принадлежащими ему. С этой книгой у меня не было ничего общего (что ясно понимала Наталья Сергеевна). Ее рассердило то, что Шайдеггер никогда не изучала рукописи Аввакума, одним из лучших специалистов по которым была Наталья Сергеевна Демкова.

вопросам, которые в ней были подняты. За исключением Джона Феннела (который также не согласился с выводами, и мнение опытного текстолога нужно было уважать), никто за пределами Советского Союза не подошел к текстуальным вопросам серьезно. Хотя Лурье не написал рецензии как таковой, он опубликовал подробный отзыв в новом издании своей «Переписки»¹⁵. Возможно, не желая усложнять собственное положение в качестве «еретика», Зимин предпочел высказать свою «рецензию» мне устно, чтобы потом я передал ее суть Неду¹⁶. В этой рецензии он тщательно изложил положительные моменты книги, а затем приступил к критике. Нельзя сказать, что Зимин и Лурье полностью сходились во мнениях по всем проблемам, поднятым в книге. Зимин разрешил мне прочитать одно или два письма, которыми он обменялся с Лурье, где, как мне помнится, он бранил Лурье за необоснованные суждения. Он не разрешил мне сделать копии писем.

Когда я встретился с Александром Александровичем в следующий раз, в конце лета 1979 г., от смерти его отделяло несколько месяцев. Он быстро уставал от разговора, в котором он все еще проявлял силу своего ума и нежелание принять работу коллег, которая, по его мнению, не достигала научного уровня. Он все еще жил полемикой вокруг «Слова», все еще не жалея сил критиковал Романа Якобсона за то, что он опубликовал длинную критическую статью о книге Зимина, хотя в то время сама книга еще не была официально издана, и распространил слух о том, что Зимин играл с ключевой рукописью, чтобы доказать свою точку зрения. Видя, как он болен, и потому что приближался его шестидесятый день рождения, я начал организовывать издание юбилейного сборника его статей; его русские коллеги предприняли бы это гораздо раньше, но из-за полемики вокруг «Слова» им бы никогда не дали этого сделать. (Когда том, который они намеревались издать, наконец, вышел после его смерти, на титульном листе все равно не было обозначено, что это юбилейный сборник [см.: Россия на путях централизации...]). К счастью, нам хотя бы удалось сделать хорошо напечатанное оглавление тома, который мы хотели издать для Александра Александровича, примерно за две недели до его смерти в 1980 г. Я все еще храню записку с благодарностью, которую он мне написал. Книга не вышла в печать и в следующие пять лет, отчасти потому что мне было очень сложно написать длинное эссе о работе Зимина, отчасти потому что в мои обязанности входило печатать на нескольких языках подготовленный к съемке оригинал-макет. Благодаря юбилейному сборнику, меня, к моей чести, пригласили вместе с другими занять место за кафедрой на пленарном заседании, открывавшем первую конференцию

¹⁵ Взгляды Лурье и выдержки значительной части отзыва на работу Кинана см.: [Переписка Ивана Грозного].

¹⁶ Мое письмо Кинану от 15 декабря 1971 г. с «рецензией» Зимина см. в книге: [Correspondence, p. 47–50]. Позже Зимин опубликует статью о первом письме Курбского.

в честь работы Зимина в Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ), которую создали в 1990 г.¹⁷

Именно у Зимина в 1969 г. я впервые встретился с Сергеем Михайловичем Каштановым – уже состоявшимся ученым, который благодаря своей необыкновенной продуктивности, широте ума и научной строгости теперь считается одним из лучших специалистов по истории России Средних веков. Через несколько лет я получил удовольствие написать рецензию на его книгу по дипломатике [Waugh, 1973], и во время конференции в честь Зимина 1990 г. я провел вдохновляющий вечер в квартире Сергея Михайловича в компании некоторых других коллег. Любопытно, что незабываемым эпизодом того вечера стала беседа с Ярославом Романовичем Дашкевичем, который ранее предоставил мне очень ценный материал для моей работы над памфлетами о Турции¹⁸. Горячей темой московских телевизионных новостей в мае 1990 г. был Съезд народных депутатов Российской Федерации, хотя в западной прессе данное событие в то время осталось незамеченным. В ходе заседаний Съезда постоянно возникала тема «самоопределения». Я спросил Дашкевича, который пострадал в качестве «диссидента», как скоро Украина получит независимость; он ответил, что «в течение года». Думаю, это послужило одной из причин того, что в следующем летнем семестре я закончил свой обзорный курс по истории России предсказанием, что Советскому Союзу осталось не так долго¹⁹.

¹⁷ Наш юбилейный сборник называется “*Essays in Honor of A. A. Zimin*” («Эссе в честь А. А. Зимина») (Columbus, O. : Slavica, 1985). В то время это было довольно необычное предприятие, потому что такие книги, посвященные советским ученым, почти не выходили за пределами Советского Союза. Некоторые из тех, кто хотел бы принять участие в составлении сборника, не были приглашены исходя из того, что я знал об отношении Зимина к их работе или об их отношении к его деятельности. Замысел состоял в том, чтобы подчеркнуть, с каким уважением относятся к Зимину за пределами Советского Союза (поэтому в сборник не были включены почитатели Зимина из СССР). В противоположность теплому приему, который получили наши «Эссе» 1985 г. среди многих коллег и бывших студентов Зимина, Ричард Хелли воспользовался выходом книги, чтобы возвести клевету на Зимина в рецензии [Hellie], которую такие выдающиеся ученые, как проф. Фэри фон Лилиенфельд и проф. Анджей Поппэ сочли ужасающей (письма Даниелю Уо, соответственно от 7 марта 1987 г. и 22 ноября 1990 г.). Тезисы материалов с Московской конференции были опубликованы как «Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990 г.» (М., 1990). К моему некоторому удивлению, мой доклад для этой конференции через несколько лет появился в полной форме в специальном выпуске журнала “*Russian History*” [Уо, 1998], хотя я не присылал ее и не намеревался ее опубликовать. Этот выпуск представлял собой второй западный юбилейный сборник в честь Зимина, и я также написал для него краткое введение. Согласно первоначальному замыслу, он должен был быть издан в России, но по различным причинам эта затея провалилась.

¹⁸ В моих папках с перепиской хранится множество длинных писем от Дашкевича, который тщательно переписывал для меня из архивных файлов тексты, необходимые для моей работы по апокрифическим письмам османского султана. Я жалею, что, когда недавно готовился юбилейный сборник в честь Дашкевича, я не смог принять участие в его составлении за неимением подходящей статьи и времени, чтобы составить ее из набросков.

¹⁹ Ясно, что заявления о том, что я предвидел распад Советского Союза, могут столкнуться со скептицизмом, но я думаю, что память меня не подводит. Конечно, на эту оценку повлияли не только майские события в Москве и, если я правильно помню, я промахнулся, полагая, что этот процесс может занять еще около пяти лет.

Когда пришло время составлять список возможных внешних рецензентов для моего последнего повышения в должности (за несколько лет до того, как я ушел в отставку в 2006 г.) для моего отделения, я включил в него Каштанова. Он лучше всех смог бы прокомментировать более специализированную часть моей работы с точки зрения российских ученых, в том числе мою только что вышедшую книгу о Вятке. Мне помнится, что он написал сильное письмо в мою поддержку, которое, должно быть, оказало большое влияние на решение. Затем он опубликовал очень длинную (и не лишённую критики) рецензию на мою книгу – рецензию, которую хочет видеть каждый автор, хотя читать оправданную критику иногда бывает неприятно²⁰.

У меня сохранились яркие воспоминания о Якове Соломоновиче Лурье; я помню его как человека и как увлеченного исследователя, обладающего широтой кругозора и энергией. Не то чтобы мы много встречались и разговаривали, но я слышал его доклады и ответы на вопросы на семинарах в Пушкинском доме и смог присутствовать на нескольких лекциях в рамках спецкурса по русскому летописанию в Ленинградском университете. Студент М. Д. Присёлкова, он, бесспорно, был одним из лучших специалистов по русским летописям (наряду со многими темами, его интересы также включали серьезное изучение Толстого и Булгакова); его лекции были образцом ясности²¹. Мне немного неудобно, что я написал рецензию на его книгу об общерусских хрониках и включил в нее небольшую долю критики [Waugh, 1977], но затем не ответил Якову Соломоновичу, когда он в письме попросил меня объяснить, что я имел в виду. Темой были тексты о «Стоянии на Угре», в отношении чего я, возможно, просто вторил скептицизму Неда Кинана, который он через много лет раскрыл в статье [см: Keenan, 2009]. Несмотря на то, что Яков Соломонович был специалистом по текстам, он был готов признать, что кодикология и связанные с ней вспомогательные дисциплины не являются его сильной стороной. Я был очень удивлен и польщен, когда однажды я сидел в отделе рукописей Библиотеки Академии наук в Ленинграде и он подошел ко мне и спросил мое мнение по поводу датировки рукописи Холмогорской летописи, которую он готовил для публикации в «Полном собрании

²⁰ Его рецензия опубликована в журнале «Отечественные архивы» [Каштанов]. У меня есть экземпляр рецензии Каштанова для моего получения должности; помню, что, когда он прислал мне эту рецензию, я не мог отважиться ее прочитать.

²¹ Лурье был одним из первых, кого я разыскал в 1968 г.; насколько я помню, представил меня ему в письме Нед Кинан. Я вспоминаю, что на одном из заседаний Отдела древнерусской литературы, темой которого были русские летописи, между ним и Лихачевым произошел особенно резкий обмен репликами; см. мое письмо Кинану от 5 декабря 1968 г. [Correspondence, p. 26]. Я так и не дослушал этот спецкурс, потому что мне нужно было уезжать в командировку для работы в Москве. В некрологе Лурье Нед Кинан упомянул, что он никогда не занимался преподаванием; в ответ я написал краткое письмо в журнал «Slavic Review» [Letter to the Editor], в котором сослался на мое посещение этого курса. К сожалению, студент-помощник редактора «Slavic Review» ошибся в имени и отчестве А. А. Шахматова в моем письме (где я написал только его фамилию), никогда не слышав о великом ученом прошлого, который исследовал русские летописи и с которым я сравнивал Лурье (в следующем выпуске было напечатано исправление [Erratum]).

русских летописей» [ПСРЛ, т. 33, с. 4, № 8] (а также по поводу идентификации одной из других работ, входящих в эту рукопись). Впоследствии мы имели удовольствие принимать Якова Соломоновича и его жену Ирину Ефимовну Ганелину в качестве гостей в нашем доме, когда они были в США. Затем я получил честь включить в сборник статей в память Лурье статью, посвященную как раз русскому летописанию [см.: Уо, 1997] (эта статья была также напечатана в Кирове в составе собрания).

Карьера Лурье напоминает нам об испытаниях, с которыми столкнулись многие советские ученые – из-за крайнего антисемитизма в последние годы правления Сталина он пережил вынужденный период внутреннего изгнания. Любопытно, что, как нам известно из недавно опубликованной переписки, не кто иной, как старый большевик В. Д. Бонч-Бруевич (в то время директор Музея истории религии и атеизма), рискнул дать Лурье работу, чтобы он смог вернуться в Ленинград. В более старшем возрасте, уже будучи выдающимся пожилым ученым, Лурье вновь пал жертвой официальных санкций и по сути был вынужден уйти в отставку, опрометчиво выступив в защиту ученого, которого обвиняли в «паразитизме»²². В то время как постепенно появляется эпистолярное наследие, мы все еще ждем объемной и, надо ожидать, информативной переписки, которую Яков Соломонович долгие годы вел с Зиминим, который, вероятно, был его ближайшим коллегой²³. Я могу представить, что эти письма придется некоторым не по нраву, потому что обмен мнениями часто был предельно откровенным (и по этой причине мнения иногда излагались эзоповым языком – нечто подобное мы находим среди русской интеллигенции XIX в.).

Среди тех, кто, несомненно, займет важное место в этой переписке, – академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, в течение долгого времени бывший заведующим Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, написавший много трудов по древнерусской культуре и ближе к концу жизни считавшийся (по данным какого-то голосования) самым уважаемым общественным деятелем Санкт-Петербурга. Хотя сегодня некоторые могут подвергать сомнению его место в наследии Лурье, меня поразило то, что на письменном столе Лихачева в Пушкинском доме есть дощечка, сообщающая, что этот стол принадлежал Алексею Александровичу Шахматову, знаменитому историку, изучавшему русские летописи. Я в большом долгу у Дмитрия Сергеевича; в первую очередь – за возможность посещать собрания Отдела древнерусской литературы, на которых он обычно председательствовал и в конце

²² Чтобы прочитать открывающие многое воспоминания о Якове Соломоновиче и его биографию, см.: [Ганелина]. Переписка с Бонч-Бруевичем была напечатана вместе со вступительным эссе В. Г. Вовиной-Лебедевой [см.: Переписка Я. С. Лурье и В. Д. Бонч-Бруевича].

²³ Как указывает Вовина-Лебедева [см.: Переписка Я. С. Лурье и В. Д. Бонч-Бруевича, с. 216, примеч. 5], переписка между Лурье и Зиминим (оригиналы писем Лурье и ксерокопии писем Зимина), которая, в сущности, является «дневником» их научной жизни, хранится в архиве Санкт-Петербургского отделения Института истории РАН. В. Г. Вовина-Лебедева, по сути, подготовила переписку для публикации, но ее выход был отложен на неопределенное время из-за сопротивления со стороны вдовы Зимина, Валентины Григорьевны.

каждого заседания изящно резюмировал дискуссию. В трех случаях я также получил честь представить свою работу.

В первый раз это было краткое изложение моего изучения апокрифической переписки османского султана; хотя мое сообщение было принято вежливо, я почувствовал, что оно также столкнулось с некоторым скептицизмом. Дело в том, что мой главный аргумент был своего рода «ревизионизмом», который, возможно, было сложно принять многим членам аудитории, только что узнавшим о «ереси» Неда Кинана²⁴. Конечно, утверждение о том, что апокрифы представляют собой переводы, а не оригинальные произведения, как считало большинство, имело гораздо меньшее значение, чем предположение о том, что Курбский и Грозный не писали писем друг другу. Несомненно, именно этот отклик на мое сообщение укрепил во мне решение издать целую книгу о переписке султана [Waugh, 1978]²⁵. Это было своего рода крайностью, предпринятой для того, чтобы высказать точку зрения, резюмировать которую, возможно, можно было бы и в статье. В процессе работы над этим материалом я получал теплую поддержку от покойной Марины Давидовны Каган-Тарковской, которая в свое время написала много трудов по апокрифическим письмам. Мой вывод о том, что большая часть писем являются переводами, а не оригинальными произведениями, подорвали ее колоссальное доверие, но она изящно приняла различия между нами²⁶.

Мое второе сообщение для Отдела древнерусской литературы проходило не в Пушкинском доме, а в святая святых отдела рукописей

²⁴ Мое сообщение состоялось 3 ноября 1971 г. Одно из самых серьезных критических замечаний принадлежало А. М. Панченко, который указал на наличие украинизмов в текстах апокрифической переписки с казаками. Эти особенности требовали объяснения, если я был намерен отстаивать точку зрения, что эти письма являются переводами. Я не помню, чтобы Лихачев высказал особенный скептицизм, но, как мне вспоминается, он все же, по крайней мере косвенно, сослался на Кинана. На другом заседании, которое проходило позже в том же году (где А. Л. Гольдберг поставил под сомнение традиционную схему датировки знаменитых посланий Филофея Псковского, который сформулировал теорию «Третьего Рима»), Лихачев заметно расстроился, что подвергается нападкам еще один из общепризнанных столпов в изучении древнерусских писем.

²⁵ Книга была в целом хорошо принята; комментарии в рецензии Чарльза Гальперина из журнала "American Historical Review" были даже слишком доброжелательны.

²⁶ У меня хранится несколько писем, которыми мы обменивались в 1970–1971 гг.; я описывал детали своей работы, а она отвечала на мои вопросы. В письме от 15 февраля 1971 г. она написала: «Все, что Вы пишете о европейских памфлетах, не вызывает у меня возражений, точно так же я не буду настаивать на оригинальности их русских вариантов. Включение их в круг "международной литературы" делает их еще более интересными». Она посвятила свою кандидатскую диссертацию, которую она, в конце концов, защитила в 1975 г., оригинальным апокрифам периода Московского государства (так называемой «Повести о двух посольствах» и апокрифической переписке между Иваном IV и султаном), но не остановилась подробно на других частях переписки султана. Я не знаю точно, но догадываюсь, что на это решение мог повлиять подрыв мной ее интерпретации последних. Она попросила меня написать формальную внешнюю рецензию своей диссертации перед защитой, чтобы представить ее на рассмотрение вместе с другими документами, необходимыми для присвоения степени. Я написал рецензию и прислал ее Д. С. Лихачеву 9 ноября 1975 г. Впоследствии Марина Давидовна вновь предоставила мне помощь в сверке с рукописью текста московского перевода антитурецкой полемики Герасимоса Влахоса, который я отправил для публикации в «Труды Отдела древнерусской литературы» [Уо, 1977б]. Печально, что она умерла в возрасте 64 лет в 1995 г.

Публички – в легендарной круглой комнате на углу Садовой улицы и Невского проспекта, где вокруг вас на полках лежат сокровища, а на стенах висят портреты знаменитых русских писателей. Во время моего доклада в 1972 г. на видном месте в комнате стоял скульптурный портрет Владимира Ильича, а через несколько лет, когда я вернулся в ту комнату, чтобы побеседовать с Брониславой Александровной Градовой, раньше работавшей в отделе рукописей, она обратила мое внимание на то, что законное место на пьедестале вернули Александру I. Это стало возможно благодаря тому, что она переместила бюст в Академию искусств. Перестройка и последующие события отправили Ленина в ссылку и вернули царя.

Целью сообщения в Публичке было представить сами рукописи, принадлежавшие к собранию знаменитого археографа Павла Михайловича Строева, который затем продал свои книги историку Михаилу Погдину. Я пользовался довольно многими сборниками Строева и собрал свидетельства о том, как он получал и организовывал материал для них. Он купил, а в некоторых случаях и украл, рукописи и их части во время своих путешествий по России в составе Археографической комиссии. Затем он зачастую разделял или собирал вместе листы и переплетал их в книги, которые были организованы на глаз или тематически. В моих наблюдениях не было ничего нового, но я обладал гораздо более обширными свидетельствами, чем те, на которые ссылались ранее. Дмитрий Сергеевич поддерживал меня в издании статьи, будучи ярким приверженцем научного описания корпуса старославянских рукописей, – задачи, которая до сегодняшнего дня все еще далека от завершения. Особенно его интересовало Погдинское собрание, поскольку проект по описанию этого большого корпуса (более 2 000 рукописных книг) в течение некоторого времени находился в стадии разработки, но почти не продвигался²⁷. Трудности, с которыми столкнулась Климентина Иванова, работая с южнославянскими рукописями, обострили проблемы, связанные с отсутствием прогресса в этом проекте.

Зная об этой истории, я погрузился в подготовку своей статьи с энтузиазмом и без особого такта. (Можно добавить, что в некоторых моих ответах на письма Неда Кинана в то юное время неводержанности часто присутствовали несколько циничные замечания, которые сейчас мне было бы неудобно повторить²⁸.) К счастью, я показал черновик

²⁷ Помимо описания южнославянских рукописей Климентины Ивановой, о котором говорится выше, на сегодняшний день имеются «Рукописные книги Собрания М. П. Погдина. Каталог» (Л. (СПб.), 1988–2010), где охвачены рукописи до № 873. Среди сделанных ранее неполных описаний наиболее ценный труд – «Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской публичной библиотеки» А. Ф. Бычкова (СПб. : Тип. Имп. академии наук, 1882). Из 91 рукописи, описанной Бычковым, лишь 3 пока включены в новый каталог; многие из них в прошлом принадлежали к библиотеке Строева. Описания Бычкова очень тщательны в том, что касается содержания, но им не хватает кодикологической информации, которую сегодня принимают как должное. К сожалению, продолжения первой части так и не появилось.

²⁸ Отредактированный вариант писем (из которого я вычеркнул несколько самых недовгих отрывков) называется “Correspondence concerning the ‘Correspondence’” (Переписка относительно «Переписки») [см.: Correspondence].

статьи Маргарите Владимировне Кукушкиной, которая в то время заведовала Отделом рукописей БАН. Она отругала меня за отсутствие такта при критике недостатков проекта по описанию рукописей. Она была резка: «Так говорить нельзя!». Тем более что моя статья шла сразу за докладом, который в прошлом году там же сделала американка Джоан Афферика; ее работа показала, каким образом с помощью тщательного кодикологического анализа ученые могут установить, какие рукописи из Эрмитажного собрания Екатерины II принадлежали выдающемуся историку и моралисту XVIII в. М. М. Щербатову²⁹. Разумеется, некоторые могут обидеться, если считать, что приезжие американцы указывают русским специалистам, как работать. Действительно, впоследствии я однажды узнал, что один из пожилых специалистов в отделе рукописей Публички, Николай Николаевич Розов, раздраженно ворчал, что я, должно быть, шпион, раз смог в некоторых местах расшифровать тайнопись (искусственный алфавит, заменяющий настоящий) в одной из рукописей Погодинского собрания³⁰.

Таким образом, благодаря Маргарите Владимировне я смягчил тон своего сообщения 1972 г.; оно было хорошо принято и впоследствии напечатано [см.: Уо, 1976; 1977a]³¹. Дмитрий Сергеевич был даже настолько любезен, что положительно охарактеризовал его в откровенном критическом отзыве, посвященном отсутствию продвижения

²⁹ Часть ее исследования была издана как «К вопросу об определении русских рукописей М. М. Щербатова в Эрмитажном собрании Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина» [см.: Афферика]. В более полном виде исследование вышло под названием “Considerations on the Formation of the Hermitage Collection of Russian Manuscripts” («Размышления о создании Эрмитажного собрания русских рукописей») [см.: Afferica].

³⁰ Эта моя расшифровка была издана в приложении к «Апокрифическим сочинениям Курбского – Грозного» Кинана [см.: Keenan, 1971, p. 122]. О замечании Н. Н. Розова мне рассказала Б. А. Градова. Через несколько лет в Ташкенте я случайно открыл утерянную русскую рукопись и показал, какое большое значение она имеет и каким образом она проливает свет на историю Хлынова / Вятки (в настоящее время – Кирова). Тогда Кировская газета упрекнула местных историков за то, что это открытие сделал американец [см.: Уо, 1996]. Конечно, местные историки не смогли бы сделать это ни при каких обстоятельствах ввиду отсутствия надлежащих средств и трудностей, с которыми была бы связана командировка в Центральную Азию, даже если бы они узнали об этой книге.

³¹ Помимо того, что редакторы исправили мои ошибки в русском языке, они сделали в тексте еще одно важное изменение. В целях сравнения я сослался следующий факт: после того, как архимандрит Порфирий Успенский посетил гору Афон и украл некоторые рукописи монахов, они начали с подозрением относиться к приезжим русским. В «Трудах Отдела древнерусской литературы» слово *русские* заменили на менее явную отсылку к иностранным посетителям.

Через много лет я узнал из письма от Бориса Львовича Фонкича, который много сделал для описания греческих рукописей в Московском государстве и изучения текстов этих рукописей, что он присутствовал на том заседании в Публичке (Б. Л. Фонкич – Даниелю Уо, 20 февраля 1981 г.). Поводом для этого письма стало то, что я прислал ему еще не опубликованный экземпляр рецензии на его первую книгу [Waugh, 1981] и экземпляр изданного мной русского перевода антитурецкой полемики знаменитого греческого церковника Герасимоса Влахоса [Уо, 1977б]. Фонкич описал статью фразой «исключительно интересно!», потому что он долго и безуспешно искал греческий оригинал данного текста (не то чтобы и я включил его в статью). В целом Фонкич, как и я, очень интересовался попытками греков сделать так, чтобы Московское правительство вступило в войну против турок с целью освобождения православных от власти мусульман.

в описании рукописей. Это произошло на Тихомировских чтениях 1972 г. (названных в честь выдающегося советского медиевиста М. Н. Тихомирова), которые проходили в Москве 5 июня и были посвящены «Методологии описания древних рукописей» [см.: Лихачев, 1974, с. 235–236]³². Напечатанный вариант моего выступления вполне может считаться самой цитируемой из всех моих статей; это выступление во многом воплощает лучшее, чему я научился в те юные годы и затем применил при исследовании рукописного наследия Вятки.

В работе над собранием Строева отразился более широкий интерес, развившийся у меня, – узнать не только о современной истории собраний, которыми мы пользуемся, но и попытаться реконструировать, насколько это возможно, содержимое библиотек Московского государства. Существует много литературы на эту тему, и в ходе некоторых наиболее важных исследований в данной области изучались (а также часто издавались) списки книг Московских библиотек. Пример, заслуживающий внимания, – работа М. В. Кукушкиной о монастырских собраниях Русского Севера [Кукушкина]³³. Одним из важных аспектов изучения этой темы являются палеографические особенности рукописей – какие из них написаны на одинаковой бумаге, тем же или похожим почерком, и т. д.³⁴ Отсутствие подробных справочников по палеографии, сложность кодикологического анализа и время, которое для него требуется, – всё это означает, что еще

³² Во время дискуссии, последовавшей за докладами, я сказал несколько слов о важности филигранологии [см.: Лихачев, 1974, с. 256–257, «Прения по докладам»]. Лихачев включил вариант своих замечаний и во второе издание своего классического учебника по текстологии [см.: Лихачев, 1983, с. 113].

³³ С 1991 г. появилось по меньшей мере семь солидных томов под общим названием «Книжные центры древней Руси»; три из них посвящены Соловецкому, еще одна – Волокамскому монастырю. Они содержат информацию, ценную для реконструкции библиотечных фондов; несомненно, авторы внимательно рассматривают различные кодикологические свидетельства.

³⁴ Я попробовал себя в этом виде анализа во время работы над Московскими летописями из района Северной Двины, но собранные подробные палеографические свидетельства так и не были изданы как часть моего анализа и публикации текстов летописи [Waugh, 1979]. Разработать материал по русским рукописным собраниям до серьезной монографии заняло бы гораздо больше времени, чем у меня было на самом деле. Мое неизданное рассмотрение свидетельств, касающихся скриптория в Холмогорах, называется «Скрипторий в Холмогорах: Некоторые палеографические наблюдения» и его можно прочитать онлайн [Уо, Скрипторий]. Я прислал экземпляр палеографических таблиц и некоторые заметки выводов по рукописям С. О. Шмидту в 1982 г. Я сделал это в ответ на то, что он опубликовал статью о рукописи РГБ (ГБЛ), Муз. 1836, в «Записках отдела рукописей», т. 38; в данной статье он писал о важности изучения северных скрипториев. По меньшей мере, примечания на полях рукописи, о которой он писал, казалось, были написаны почерком, похожим на почерк в рукописях, которые изучал я и приписал их Холмогорам (Даниель Уо – С. О. Шмидту, 18 апреля 1982 г.). Шмидт стал одним из ведущих сторонников того, что нужно уделять больше внимания региональной истории; мне было приятно через много лет встретить его в 2003 г. на конференции по региональной истории России в Вене, принимающей стороной которой был Андреас Каппелер. (Я был одним из тех, кому заранее сообщили об этом событии; его статьи опубликованы в журнале “Forschungen zur osteuropäischen Geschichte”, Bd. 63.) Я отдал дань уважения Шмидту, выплатив долг, который надо было погасить уже давно, в статье «Конец эпохи. Вспоминая Сигурда Оттовича Шмидта (1922–2013)» [см.: Waugh, 2013].

многое предстоит сделать в отношении определенных скрипториев и библиотек, которые они снабжали книгами.

Одна из до сих пор дискуссионных тем, – вопрос о том, была ли у Ивана IV библиотека. В XIX в. С. А. Белокуров посвятил этой проблеме целую книгу, и его выводы были скептическими. Современные исследования в целом поддерживают идею о том, что Иван Грозный, который считается образованным человеком, должно быть, собирал книги. Но доказательства этого далеко не веские и, как я утверждал на конференции в 1984 г., все еще нуждаются в пересмотре³⁵. В какой-то степени научные исследования (или работы, которые не относятся к науке), посвященные библиотеке Ивана Грозного, во многом основаны на принятии желаемого за действительное: по достоинствам Иван IV приравнивается к ренессансному мыслителю. Среди наиболее курьезных попыток разыскать его книги – раскопки в Кремле и Александровской слободе, столице опричнины³⁶. Нужно учитывать, что мой взгляд на эту тему окрашен скептицизмом Кинана.

Идея о том, что библиотека могла быть у Алексея Михайловича в XVII в., намного менее спорна, т. к. нет сомнений в его грамотности и явно большой любознательности. Но где мы тогда можем найти его книги? Я утверждал, что его личное хранилище в сущности было частной библиотекой, хотя некоторые немецкие коллеги были скептически по данному поводу: это было связано с вопросом о том, как можно формально определить «библиотеку» [см.: *The Library of Aleksei Mikhailovich*]. Хотя для XVII в. в различных перечнях существует множество свидетельств относительно содержимого библиотек, все еще необходимо провести надлежащий анализ многих из этих перечней. Надо попытаться установить точное содержимое библиотек, потому что описания в перечнях часто бывает сложно понять. В советское время главный исследователь библиотек периода Московского государства, С. П. Луппов, использовал для статистики о собраниях книг категории «светские» и «религиозные». Но, вероятно, это современное противопоставление не очень соответствовало тому, как могли категоризировать книги москвичи XVII в.³⁷.

³⁵ В моей более поздней статье [см.: Waugh, 1987] содержатся ссылки на самые важные работы, опубликованные к тому времени. Наиболее серьезная попытка реконструировать библиотеку Ивана Грозного сделана в работе «Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание» [см.: Библиотека Ивана Грозного...]. Я написал краткую рецензию на эту книгу в журнале «Slavic Review» [см.: Waugh, 1984, p. 95]. В центре этого исследования – ранее неизданная рукопись, открытая Зарубиным в 1930-е гг.

³⁶ О раскопках в Московском Кремле говорится в работе «Мертвые книги в московском тайнике» [Стеллецкий]; она написана в 1946 г., и комментарий к ней добавили Т. М. Белоусова и А. А. Амосов. Про Александров говорится в работе «Библиотека Ивана Грозного и Александровский кремль» [Ковалев]; согласно автору, на то, где находится библиотека, указывают анализ почвы и подземное зондирование.

³⁷ Я говорил об этом в «Истории библиотек и других хранилищ к 1700 г.: недавние советские исследования» («The History of Libraries and Other Repositories to 1700: Recent Soviet Work»). Эта статья была написана несколько поспешно (сейчас она недостойна публикации) и была представлена на Конференции по последним советским литературным исследованиям (Conference on recent Soviet Book Studies), которая состоялась 22 июня 1983 г. в калифорнийском университете в Беркли.

В последнее время мой интерес к Московским библиотекам связан с Вяткой, о которой будет подробнее рассказано ниже.

Мое третье сообщение для Отдела древнерусской литературы состоялось в 1975 г. С помощью Дмитрия Сергеевича я вернулся в Ленинград, чтобы закончить собирать материал для путеводителя по текущему расположению и номерам полок, где находятся рукописи, собранные в первой половине XIX в. графом Ф. А. Толстым. Хотя значительная часть этой большой и важной библиотеки была описана в изданной работе Строева, нумерация Толстого была замещена нумерацией Императорской публичной библиотеки, которая купила львиную долю Собрания Толстого. Оставшиеся части собрания, в конце концов, оказались в Библиотеке Академии наук и в Институте истории. Единственным способом найти номера из Публички было свериться с экземпляром каталога Строева в читальном зале отдела редких книг; в каталоге номера были написаны карандашом на полях. Перед тем, как уехать из Ленинграда в 1972 г., я выписал все эти номера и сразу же решил составить сравнительные таблицы и разыскать другие рукописи Собрания Толстого. Насколько мне известно, я получил доступ к БАН и ЛОИИ (где я в то время работал не в читальном зале, а в закрытых книгохранилищах) благодаря тому, что Дмитрий Сергеевич поднял телефонную трубку и сделал звонок за меня. Мои записки, относящиеся к проекту по собранию Толстого, чуть не остались в Ленинграде, потому что таможенники не давали мне их вывезти без специального разрешения на вывоз «неопубликованных рукописей», даже если они написаны моим же почерком. Но американский коллега Джек Хэни, который сопровождал меня в аэропорту, смог устроить так, чтобы их отправили ко мне домой дипломатической почтой.

Опубликовать материал было совсем не просто, и это удалось во многом благодаря Патриции Кеннеди Гримстед, которая тогда работала над дополнением и вторым томом своего великолепного путеводителя по советским архивам и рукописным собраниям³⁸. Она могла непосредственно вести переговоры в Ленинграде с теми, кто сомневался в том, что мой путеводитель, который отчасти представлял собой издание неопубликованных описей, может быть издан в соответствии с законом. Как она сообщила мне, Лихачев также участвовал в том, чтобы устранить все сомнения. Важнейшую задачу

³⁸ Моя положительная рецензия на первый том путеводителя по архивам Гримстед была опубликована в "Slavic Review" [Waugh, 1974]. В моих папках с перепиской, относящейся к середине 1970-х гг., есть несколько длинных писем от нее. В них говорится как о составлении дополнительного тома (для которого я, как она замечала в благодарностях, «предоставил... предварительный список избранных названий каталогов славянских рукописей для включения их в книгу и значительный объем информации для примечаний к этим каталогам»), так и о вопросах, касающихся путеводителя по собранию Толстого. Прямо и опосредованно я получил довольно много исправлений и предложений по другим изменениям от разных людей. Признаюсь, что сейчас я точно не знаю, получился ли окончательный вариант книги благодаря всем этим изменениям.

сверки моего наброска с записями в Публичке выполнила Бронислава Градова. Сначала путеводитель появился в инновационном формате microbook от “Inter Documentation Company” (издание на микрофише с несколькими печатными страницами введения) [см.: The F. A. Tolstoi Collection], а впоследствии он был переиздан БАН в печатной форме, с благословения и с помощью Сигурда Оттовича Шмидта, главы Московской Археографической комиссии [см.: Славянские рукописи...].

Несмотря на мощную поддержку, которую выразили по отношению к моему проекту ведущие российские ученые, и необычайную честь, которая проявилась в том, что второе издание было опубликовано Академией наук, ценность этого проекта была девальвирована теми, кто никогда не пытался серьезно работать с собраниями раннеславянских рукописей, которые все еще плохо описаны. Наиболее вопиющим примером подобного непонимания стала критическая рецензия Валери Туминс [см.: Tumins]³⁹. Гримстед так расстроила эта неверная интерпретация путеводителя, что она написала Туминс длинное письмо с объяснением, но та ответила еще большим непониманием⁴⁰. Принимая во внимание относительно небольшое количество времени, которым я располагал для работы над путеводителем, неудивительно, что некоторые его части действительно были схематичны и нуждались в дополнениях. Возможно, это, по крайней мере, стало стимулом для последующего издания надлежащего исследования, посвященного истории и составлению описей рукописных книг в значимой библиотеке XVIII в. – библиотеке князя Дмитрия Михайловича Голицына, часть которой впоследствии приобрел Ф. А. Толстой [см.: Градова, Клосс, Корецкий, 1979; 1981]⁴¹. Б. А. Градова, которая произвела «экспертную оценку» черного варианта моего путеводителя и сделала в нем исправления, была ведущим автором этого двухчастного исследования. В 1975 г. в Ленинграде я также выступил с сообщением в Пушкинском доме (насколько я помню, там присутствовало мало людей, потому что был август и учебный год еще не начался); я говорил об описании рукописей, в частности, предлагал, каким образом вся информация может быть переведена в цифровую форму, чтобы сделать ее легкодоступной,

³⁹ У. Ф. Райан написал краткую рецензию, в которой, однако, проявляется его понимание вопроса [см.: Ryan].

⁴⁰ Патриция Кеннеди Гримстед – Валери А. Туминс, 30 октября 1978 г.; Туминс – Гримстед, 13 ноября 1978 г. В своем письме Гримстед, в частности, написала: «Советские институты так медленно работали над изданием современных каталогов своих собраний, и исследования по описанию рукописей в Советском Союзе так отставали со времен Революции, что, действительно, есть некоторая ирония в том, что именно западный ученый, тесно сотрудничая с советскими институтами в этой области, смог найти детальную помощь, так необходимую для специалистов, чтобы проводить тщательные исследования в области славистики».

⁴¹ В первой статье авторы обратили внимание, что я поставил узкую задачу в своей работе по рукописям Голицына, которые не были главной темой моего путеводителя [Градова, Клосс, Корецкий, 1979, с. 238]; они также отметили, как важно использовать изданные и неизданные описи его собрания, как они и сделали.

упростить поиски и сопоставление, и т. д. И это, заметьте, в то время, когда у меня не было ничего похожего на компьютер, а Интернету еще предстояло появиться. Мне кажется, сообщение было встречено с неподдельным интересом, но из этой темы ничего не получилось, возможно, потому, что, вернувшись домой, я никак не мог найти время продолжить исследование. Поэтому думаю, что в определенном смысле это был тупик, хотя можно было бы надеяться, что эта тема к чему-то приведет⁴².

Сегодня подобные вещи, конечно, никого не удивят, хотя все еще далеко до электронного корпуса описаний раннеславянских рукописей в таком масштабе, который я имел в виду. Возможно, на продвижение в этой работе могут вдохновить воспоминания о докомпьютерном времени: уже тогда Н. К. Никольский ясно понимал благоразумность составления исчерпывающего путеводителя по древнеславянской литературе. Никольский взялся за это дело, используя технологии того времени: он собрал все напечатанные каталоги рукописей, которые смог достать, разрезал их и наклеил статьи на карточки, которые систематически организовал. Я отчетливо помню, как после приезда в Советский Союз в 1968 г. я обращался за справкой к картотеке Никольского в БАН в поисках работ, о которых я не знал, но которые были важны для моего проекта, или дополнительных экземпляров работ, о которых я знал. Эта картотека обладала ограниченными достоинствами, будучи устарелой, хотя все еще свежо было вдохновение, которое лежало в основе ее замысла⁴³.

Среди моих воспоминаний о Дмитрие Сергеевиче – прощальный визит к нему на дачу в Комарово накануне моего отъезда в июне 1972 г. Мы только немного поговорили. Он с большой печалью сообщил мне, что Иосифа Бродского только что выслали из Советского Союза⁴⁴. Мне помнится, что остальную часть разговора он в основном сетовал на правительство, которое подвергало нападкам тех,

⁴² В письме от 31 мая 1979 г. А. А. Амосов сослался на мое сообщение в ответ на то, что через Хью Олмстеда я осведомился о работе Амосова об описании рукописей. В своем письме он отметил, что некоторые наши идеи о компьютеризации этого процесса совпадают, но до их воплощения необходимо более детально разработать критерии описания. Более того, он считал, что в области описания водяных знаков необходимо сосредоточиться на визуальном сопоставлении знаков (тогда из этого косвенно следует, что любая система числовых идентификаторов вряд ли будет работать, даже если это никак не связано с той цельностью, о которой я говорил ранее) (А. А. Амосов – Даниелю Уо, 31 мая 1979 г.).

⁴³ Конечно, картотека Никольского предоставляет сведения не по целым рукописям, а только по их отдельным частям. Существуют различные справочники, в которых говорится о публикациях и исследованиях, посвященных раннеславянским текстам. Лучшая и наиболее современная работа – многотомный «Словарь книжников и книжности Древней Руси» (Л., 1987–1989), но эта книга не задумана как путеводитель по описанию всех до единого экземпляров рукописей.

⁴⁴ Мне повезло, потому что через несколько лет я слышал, как Бродский читает свои стихи в Вашингтонском университете; на английский их перевел Джек Хэни. Когда я был в Венеции в 2010 г., я случайно наткнулся на дощечку с именем Бродского – одного из многих великих личностей в области гуманитарных наук, который работал в этом городе и был там похоронен.

кто увлеченно защищал ценности русской культуры. Может быть, за этим скрывалась его эмоциональная реакция на скептицизм тех, кто, как Кинан и Зимин, подвергали сомнению присущую ему веру в памятники древнерусской литературы. Но я думаю, что Дмитрия Сергеевича больше волновали власти, которые в молодости сослали его на Соловки и затем, когда он уже был выдающимся ученым, возможно, были в ответе за физическое нападение на него. Когда через несколько лет я готовил для публикации свою первую монографию, я попросил Дмитрия Сергеевича написать к ней предисловие; он благосклонно согласился, сделав несколько очень полезных предложений по улучшению книги. Я считаю, что это предисловие было незаслуженно щедрым на похвалу⁴⁵. Мои последние воспоминания, связанные с Дмитрием Сергеевичем, относятся ко времени после его смерти, когда я принял приглашение выступить на второй конференции в его память, которая прошла в Пушкинском доме в конце ноября 2003 г.⁴⁶. Это была не просто еще одна научная конференция: для многих это было трогательное мероприятие, призванное сохранить память о его жизни и достижениях. Когда закончилась научная часть мероприятия, участников пригласили посетить богослужение в память Дмитрия Сергеевича, а затем принять участие в молитве у его могилы при зажженных свечах. Церемония проходила в ноябрьских сумерках, среди туманных сосен на кладбище в Комарово, где также покоится Анна Ахматова.

⁴⁵ Предисловие Д. С. Лихачева напечатано в моей книге "The Great Turkes Defiance" [Waugh, 1978, p. 1-4]. Он даже чрезмерно похвалил мою работу и в то же время напрямую выразил сожаление из-за того, что я имел отношение к книге Кинана («огорчаюсь за участие в книге... Н. Кинана»), чьи выводы (и метод) он не мог принять (Д. С. Лихачев – Даниелю Уо, 23 октября 1973 г.). В своем критическом отзыве на книгу Кинана, который вошел во второе издание его «Текстологии» [Лихачев, 1983, с. 261–263, примеч. 35], Лихачев открыто освобождал меня от ответственности за идеи Кинана (!). Хотя в этом отзыве он более чем адекватно оценил мой вклад в книгу Кинана, некоторые аспекты моего участия в ее создании явно не были обозначены. Когда рукопись редактировалась и готовилась к печати, Кинан был в творческом отпуске в Европе, но я был в Кембридже и очень тесно сотрудничал с редактором в таких вопросах, как стандартизация ссылок. Более того, некоторые задачи я выполнял по просьбе Неда. Я устанавливал местонахождение цитат Цицерона и собирал их; это касалось цитат, относящихся к вопросу о том, мог ли Курбский ссылаться на Цицерона, как было видно из приписываемых ему текстов. Также я соединил по частям черновик восстановленного первого письма Курбского, которое вышло в качестве одного из приложений книги. Некоторых критиков оскорбило само название книги; хотя я могу ошибаться, возможно, я первым предложил его Неду, когда мы обсуждали этот вопрос. В моем архиве все еще хранится «первоначальное» подготовленное к печати издание рукописи Кинана со множеством изменений, которые он внес в этот вариант.

⁴⁶ Моя довольно общая статья (основанная на моей работе по Вятке) была издана вместе с другими статьями этой конференции [см.: Уо, 2006].

Афферики Дж. К вопросу об определении русских рукописей М. М. Щербатова в Эрмитажном собрании Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Труды Отдела древнерусской литературы. 1980. Т. 35. С. 376–393.

Беляев И. С. Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV–XVIII столетий. 2-е изд. М. : Синодальная тип., 1911. 88 с.

Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание / сост. Н. Н. Зарубин, подгот. к печати, примеч. и доп. А. А. Амосова ; под ред. С. О. Шмидта. Л. : Наука, 1982. 159 с.

Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской публичной библиотеки. Ч. 1. СПб. : Тип. Имп. академии наук, 1882. II, 540, 154 с.

Ганелина И. Е. Я. С. Лурье: история жизни // In memoriam : сб. памяти Я. С. Лурье / сост. Н. М. Ботвинник и Е. И. Ванеева. СПб. : Atheneum-Феникс, 1997. С. 5–40.

Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 г. М. : Наука, 1979. С. 238–253.

Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. О рукописях библиотеки Д. М. Голицына в Архангельском // Археографический ежегодник за 1980 г. М. : Наука, 1981. С. 479–490.

Зимин А. А. Выпись о втором браке Василия III // Труды Отдела древнерусской литературы. 1976. Т. 30. С. 132–148.

Иванова К. Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София : Изд-во на Българската академия на науките, 1981. 578 с.

Кашианов С. М. Уо Д. К. История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре Петровского времени [Электронный ресурс] // Отечественные архивы. 2004. № 5. С. 111. URL: <http://rusarchives.ru/publication/otecharh/045.shtml>.

Ковалев Г. Е. Библиотека Ивана Грозного и Александровский кремль. Александров, 2002. 114 с.

Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки истории книжной культуры XVI–XVII. Л. : Наука, 1977. 223 с.

Лихачев Д. С. Задачи составления методик описания славяно-русских рукописей // Археографический ежегодник за 1972 г. М. : Наука, 1974. С. 234–242.

Лихачев Д. С. Текстология на материале русской литературы X–XVII веков. 2-е изд. Л. : Наука, 1983. 605 с.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. Л. : Наука, 1979. 433 с.

Переписка Я. С. Лурье и В. Д. Бонч-Бруевича // Лурье Я. С. Избранные статьи и письма. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2011. С. 215–263.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 33. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л. : Наука, 1977. 250 с.

Россия на путях централизации : сб. ст. / [редкол.: В. Т. Пашуто (отв. ред.) и др.]. М. : Наука, 1982. 296 с.

Рукописные книги Собрания М. П. Погодина. Каталог : в 4 вып. Л. (СПб.), 1988–2010.

Славянские рукописи собрания Ф. А. Толстого : материалы к истории собрания и указатели старых и новых шифров / сост. Д. К. Уо. Л. : БАН СССР, 1980. 135 с.

Словарь книжников и книжности Древней Руси : в 2 вып. / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л. : Наука, 1987–1989. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л. : Наука, 1987. 493 с. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1 : А–К. Л. : Наука, 1989. 516 с. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2 : Л–Я. Л. : Наука, 1989. 528 с.

Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков : тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990 г. : в 2 вып. М., 1990. 324 с.

Стеллецкий И. Я. Мертвые книги в московском тайнике. М. : Моск. рабочий, 1993. 270 с.

Уо Д. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева // Труды Отдела древнерусской литературы. 1976. Т. 30. С. 184–203; 1977а. Т. 32. С. 133–164.

Уо Д. «Одоление на Турское царство» – памятник антитурецкой публицистики XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. 1977б. Т. 33. С. 88–107.

Уо Д. Америка изучает историю Вятки // Наш вариант. 1996. № 48. С. 1.

Уо Д. К истории вятского летописания // In memoriam : сб. памяти Я. С. Лурье / сост. Н. М. Ботвинник и Е. И. Ванеева. СПб. : Atheneum-Феникс, 1997. С. 303–320.

Уо Д. К изучению фальсификации письменных источников по истории средневековой России // Russian History/Histoire Russe. Festschrift for A. A. Zimin / ed. by P. V. Brown. 1998. Vol. 25, Nos. 1–2. P. 11–20.

Уо Д. Местное самосознание и «изобретение» регионального прошлого // Труды отдела древнерусской литературы. 2006. Т. 57. С. 350–358.

Уо Д. Скрипторий в Холмогорах: Некоторые палеографические наблюдения [Электронный ресурс]. URL: http://faculty.washington.edu/dwaugh/publications/Waugh_ScriptoriuminKholmogory_1977_2012.pdf

Afferica J. Considerations on the Formation of the Hermitage Collection of Russian Manuscripts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte 24. 1978. S. 237–336.

Correspondence concerning the 'Correspondence' / ed. by D. Waugh // Harvard Ukrainian Studies. 1995. Vol. XIX.

[Erratum] // Slavic Review. 1997. 56/3. P. 611.

Essays in Honor of A. A. Zimin / ed. D. Waugh. Columbus, O. : Slavica, 1985. XIV + 416 p.

Fennell J. L. I. The Recent Controversy in the Soviet Union over the Authenticity of the *Slovo* // Russia: Essays in History and Literature / ed. L. Legters. Leiden : E. J. Brill, 1972. P. 1–17.

Hellie R. Essays in Honor of A. A. Zimin. Edited by Daniel Clarke Waugh // Slavic Review. 1986. 45/3. P. 554–556.

Ingham N. D. C. Waugh, The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in Its Muscovite and Russian Variants // Modern Philology. 1981. 78/3. P. 307–309.

Keenan E. L. Ivan III, Nikolai Karamzin, and the Legend of the 'Casting off of the Tatar Yoke' (1480) // The New Muscovite Cultural History. A Collection in Honor of Daniel B. Rowland / eds. V. Kivelson et al. Bloomington, IN : Slavica, 2009. P. 237–251.

Keenan E. L. The Kurbskii-Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the "Correspondence" Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV / with an appendix by D. C. Waugh. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 1971.

[Letter to the Editor] // Slavic Review. 1997. 56/1. P. 186.

Ryan W. F. The F. A. Tolstoi Collection. The Slavic Manuscripts in the Collection of Count F. A. Tolstoi. Materials on the History of the Collection and Indexes of Former and Current Code Numbers, compiled by D. C. Waugh // The Slavonic and East European Review. 1980. 58/1. P. 155.

The F. A. Tolstoi Collection. The Slavic Manuscripts in the Collection of Count F. A. Tolstoi. Materials on the History of the Collection and Indexes of Former and Current Code Numbers, compiled by D. C. Waugh. Zug, Switzerland : Inter Documentation Co., 1977.

The Library of Aleksei Mikhailovich // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 38. 1986. S. 299–324.

Tumins V. The F.A. Tolstoi Collection. The Slavic Manuscripts in the Collection of Count F. A. Tolstoi. Materials on the History of the Collection and Indexes of Former and Current Code Numbers, compiled by D. C. Waugh // The Russian Review. 1978. 37/3. P. 364.

Waugh D. Oчерки russkoi diplomatiki. By S. M. Kashtanov // Slavic Review. 1973. 32/1. P. 158–160.

Waugh D. P. K. Grimsted, *Archives and Manuscript Repositories in the USSR: Moscow and Leningrad* // Slavic Review. 1974. 33/1. P. 148–149.

Waugh D. Ia. S. Lur'e, Obshcherusskoe leptopisanie XIV–XV vv. // The Russian Review. 1977. 36/3. P. 351–352.

Waugh D. The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in Its Muscovite and Russian Variants / with a foreword by Academician D. S. Likhachev. Columbus, O. : Slavica, 1978. IX, 354 p.

Waugh D. Two Unpublished Muscovite Chronicles // Oxford Slavonic Papers, N. S. 1979. 12. P. 1–31.

Waugh D. B. L. Fonkich, Grechesko-russkie kul'turnye sviazi v XV–XVII vv. // Russian History. 1981. 8/3. P. 414–416.

Waugh D. N. N. Zarubin, *Biblioteka Ivana Groznogo: Rekonstruktsiia i bibliograficheskoe opisanie* // Slavic Review. 1984. 43/1. P. 95.

Waugh D. A. A. Zimin's Study of the Sources for Medieval and Early Modern Russian History // Essays in Honor of A. A. Zimin / ed. D. Waugh. Columbus, OH : Slavica, 1985. P. 1–58.

Waugh D. The Unsolved Problem of Tsar Ivan IV's Library // Russian History. 1987. 14/1-4. P. 395–408.

Waugh D. Introduction // Russian History/Histoire Russe. Festschrift for A. A. Zimin / ed. by P. B. Brown. 1998. Vol. 25, Nos. 1–2. P. 7–10.

Waugh D. The End of an Era. Remembering Sigurd Ottovich Shmidt (1922–2013) // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2013. 14/4. P. 910–920.

Afferica, J. (1978). Considerations on the Formation of the Hermitage Collection of Russian Manuscripts. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 24, 237–336.

Afferica, J. (1980). K voprosu ob opredelenii russkikh rukopisej M. M. Shherbatova v E'rmitazhnom sobranii Publichnoj biblioteki im. M. E. Salty'kova-Shhedrina [Revisiting the definition of Russian manuscripts of M. M. Sherbatov in the Hermitage collection of Public library n. a. M. E. Saltykov-Shedrin]. In *Trudy' Otdela drevnerusskoj literatury'* [Proceedings of the Department of the Old Russian literature]. (Vol. 35) (p. 376–393).

Belyaev, I. S. (1911). *Prakticheskij kurs izucheniya drevnej russkoj skoropisi dlya chteniya rukopisej XV–XVIII stoletij* [Practical course of study of the Old Russian cursive for reading the manuscripts of 15th–18th centuries]. (2nd ed.). Moscow: Sinodal'naya tip.

By'chkov, A. F. (1882). *Opisanie cerkovno-slavyanskikh i russkikh rukopisny'h sbornikov Imperatorskoj publichnoj biblioteki* [Description of Church Slavonic and Russian manuscript collections of the Imperial public library]. Part 1. St. Petersburg: Tip. Imp. akademii nauk.

[Erratum]. (1997). *Slavic Review*, 56/3, 611.

Fennell, J. L. I. (1972). The Recent Controversy in the Soviet Union over the Authenticity of the *Slovo*. In Legters L. (Ed.). *Russia: Essays in History and Literature* (p. 1–17). Leiden: E.J. Brill.

Ganelina, I. E. (1997). Ya. S. Lur'e: istoriya zhizni [J. Lurie: life history]. In N. M. Botvinnik, E. I. Vaneeva (Comp.). *In memoriam: sb. pamyati Ya. S. Lur'e* [In memoriam: collection in memory of J. Lurie] (p. 5–40). St. Petersburg: Atheneum-Feniks.

Gradova, B. A., Kloss, B. M., Koreczkij, V. I. (1979). K istorii Arhangel'skoj biblioteki D. M. Golicy'na [To the history of the Arkhangelsk library of D. M. Golitsyn]. In *Arheograficheskij ezhegodnik za 1978 g.* [Archeographic annals for 1978 yr.] (p. 238–253). Moscow: Nauka.

Gradova, B. A., Kloss, B. M., Koreczkij, V. I. (1981). O rukopisyah biblioteki D. M. Golicy'na v Arhangel'skom [About manuscripts in the library of D. M. Golitsyn in Arkhangelskoe]. In *Arheograficheskij ezhegodnik za 1980 g.* [Archeographic annals for 1980 yr.] (p. 479–490). Moscow: Nauka.

- Hellie, R. (1986) Essays in Honor of A. A. Zimin. *Slavic Review*. D. C. Waugh (Ed.), 45/3, 554–556.
- Ingham, N., Waugh D. C. (1981). The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in Its Muscovite and Russian Variants. *Modern Philology*, 78/3, 307–309.
- Ivanova, K. (1981). *B"lgarski, sr"bski i moldo-vlahijski kirilski r"kopisi v sbirkata na M. P. Pogodin* [Bulgarian, Serbian and Moldo-Vlahian Cyrillic manuscripts in the collection of M.P. Pogodin]. Sofia: Izd-vo na B"lgarskata akademiya na naukite.
- Kashtanov, S. M., Waugh, D. C. (2004). Istoriya odnoj knigi. Vyatka i "ne-sovremenost'" v russoj kul'ture Petrovskogo vremeni [History of one book. Vyatka and "pastness" in Russian culture in the time of Peter the Great]. In *Otechestvenny'e arhivy'* [National archives]. 5. URL: <http://rusarchives.ru/publication/otecharch/045.shtml>.
- Keenan, E. L. (1971). *The Kurbskii-Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the "Correspondence" Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV*. In D. C. Waugh (App.). Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Keenan, E. L. (2009). Ivan III, Nikolai Karamzin, and the Legend of the 'Casting off of the Tatar Yoke' (1480). In V. Kivelson et al. (Ed.). *The New Muscovite Cultural History. A Collection in Honor of Daniel B. Rowland* (p. 237–251). Bloomington, IN: Slavica.
- Kovalev, G. E. (2002). *Biblioteka Ivana Groznogo i Aleksandrovskij kreml'* [Library of Ivan the Terrible and Alexander Kremlin]. Aleksandrov.
- Kukushkina, M. V. (1977). *Monasty'rskie biblioteki Russkogo Severa: Ocherki istorii knizhnoj kul'tury XVI–XVII* [Monastic libraries of Russian North: Essays on the history of book culture of 16th–17th centuries]. Leningrad: Nauka.
- [Letter to the Editor]. (1997). *Slavic Review*, 56/1, 186.
- Lihachev D. S. (Ed.). (1987, 1989) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* [Dictionary of bibliophiles and book-learning of Old Russia]: in 2 iss. Leningrad: Nauka. Iss. 1 (11th – first half of 14th c.). (1987). Leningrad: Nauka. Iss. 2 (second half of 14th–16th c.). (1989). Part 1: A – K. Leningrad: Nauka. Iss. 2 (second half of 14th–16th c.). (1989). Part 2: L – Ya. Leningrad: Nauka.
- Lihachev, D. S. (1974). Zadachi sostavleniya metodik opisaniya slavyano-russkikh rukopisej [Tasks of compiling methods of description of the Slavic-Russian manuscripts]. In *Arheograficheskij ezhegodnik za 1972 g.* [Archeographic annals for 1972 yr.] (p. 234–242). Moscow: Nauka.
- Lihachev, D. S. (1983). *Tekstologiya na materiale russkoj literatury' X–XVII vekov* [Textual studies on the material of Russian literature of 10th–17th centuries]. (2nd ed.). Leningrad: Nauka.
- Lurie, J., Ry'kov, Yu. D. (Rewrite). (1979). *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [Correspondence of Ivan the Great and Andrey Kurbsky]. Leningrad: Nauka.
- Pashuto, V. T. (Ed.). (1982). *Rossiya na putyah centralizacii: sb. st.* [Russia on the way of centralization: collection of articles]. Moscow: Nauka.
- Perepiska Ya. S. Lur'e i V. D. Bonch-Bruevicha [Correspondence of J. Lurie and V. D. Bonch-Bruevich]. (2011). In Ya. S. Lur'e. *Izbranny'e stat'i i pis'ma* [Selected letters and articles] (p. 215–263). St. Petersburg: Izd-vo Evropejskogo un-ta.
- Polnoe sobranie russkikh letopisej (PSRL). Holmogorskaya letopis'. Dvinskij letopiseecz* [Complete Edition of Russian Chronicles. Holmogory chronicle. Dvina chronicler]. (1977). (Vol. 33). Leningrad: Nauka.
- Rukopisny'e knigi Sobraniya M. P. Pogodina* [Manuscript books in the Collection of M. P. Pogodin]. Catalogue: in 4 iss. (1988–2010). Leningrad (St. Petersburg).
- Ryan, W. F. (1980). The F. A. Tolstoi Collection. The Slavic Manuscripts in the Collection of Count F. A. Tolstoi. Materials on the History of the Collection and Indexes of Former and Current Code Numbers. In D. C. Waugh (Comp.). *The Slavonic and East European Review*, 58/1, 155.
- Sporny'e voprosy' otechestvennoj istorii XI–XVIII vekov: tez. dokl. i soobshh. pervy'h chtenij, posvyashh. pamyati A. A. Zimina* [Disputable questions of national history

of 11th–18th centuries: thesaurus of papers of the first conference dedicated to the memory of A. A. Zimin. Moscow, 13–18 May 1990: in 2 iss.]. (1990). Moscow.

Stelleczkij, I. Ya. (1993). *Mertvy'e knigi v moskovskom tajnike* [Dead books in Moscow hiding]. Moscow: Mosk. rabochij.

The Library of Aleksei Mikhailovich. (1986). *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 38, 299–324.

Tumins, V. (1978). The F. A. Tolstoi Collection. The Slavic Manuscripts in the Collection of Count F. A. Tolstoi. Materials on the History of the Collection and Indexes of Former and Current Code Numbers. *The Russian Review*. D. C. Waugh (Comp.), 37/3, 364.

Waugh, D. (1973). Ocherki russkoi diplomatiki. By S. M. Kashtanov. *Slavic Review*, 32/1, 158–160.

Waugh, D. (1974). P. K. Grimsted. Archives and Manuscript Repositories in the USSR: Moscow and Leningrad. *Slavic Review*, 33/1, 148–149.

Waugh, D. (1976). K izucheniyu istorii rukopisnogo sobraniya P. M. Stroeva [Studying the history of manuscript collection of P. M. Stroev]. *Trudy' Otdela drevnerusskoj literatury'* [Proceedings of the Department of the Old Russian literature]. (Vol. 30, p. 184–203; Vol. 32, p. 133–164).

Waugh, D. (1977a). “Odolenie na Turskoe czarstvo” – pamyatnik antitureczkoj publicistiki XVII v. [“Overcoming Tursk kingdom” – a monument to anti-Turkish publicism of 17th c.]. *Trudy' Otdela drevnerusskoj literatury'* [Proceedings of the Department of the Old Russian literature]. (Vol. 33, p. 88–107).

Waugh, D. (1977b). Ia. S. Lur'e, Obschcherusskoe leptopisanie XIV–XV vv. *The Russian Review*, 36/3, 351–352.

Waugh, D. C. (Comp.). (1977). *The F. A. Tolstoi Collection. The Slavic Manuscripts in the Collection of Count F. A. Tolstoi. Materials on the History of the Collection and Indexes of Former and Current Code Numbers*. Zug, Switzerland: Inter Documentation Co.

Waugh, D. (1978). *The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in Its Muscovite and Russian Variants*. D. S. Likhachev (foreword). Columbus, O.: Slavica, IX.

Waugh, D. (1979). Two Unpublished Muscovite Chronicles. *Oxford Slavonic Papers*, N.S. 12, 1–31.

Waugh, D. C. (Comp.). (1980). *Slavyanskije rukopisi sobraniya F. A. Tolstogo: materialy' k istorii sobraniya i ukazateli stary'h i novy'h shifrov* [The Slavic manuscripts in the collection of F. A. Tolstoi: materials on the history of collection and indexes of former and current codes]. Leningrad: BAN SSSR.

Waugh, D. (1984). Zarubin N. N. Biblioteka Ivana Groznogo: Rekonstruktsiia i bibliograficheskoe opisanie. *Slavic Review*, 43/1, 95.

Waugh, D. (1985). Zimin's Study of the Sources for Medieval and Early Modern Russian History. In D. Waugh (Ed.). *Essays in Honor of A. A. Zimin* (p. 1–58). Columbus, OH.: Slavica.

Waugh, D. (Ed.). (1985). *Essays in Honor of A. A. Zimin*. Columbus, O: Slavica, XIV.

Waugh, D. (1987). The Unsolved Problem of Tsar Ivan IV's Library. *Russian History*, 14/1–4, 395–408.

Waugh, D. (Ed.). (1995). Correspondence concerning the 'Correspondence'. In *Harvard Ukrainian Studies* (Vol. XIX).

Waugh, D. (1996). Amerika izuchaet istoriyu Vyatki [America studies the history of Vyatka]. *Nash variant* [Our variant], 48.

Waugh, D. (1997). K istorii vyatskogo letopisaniya [To the history of Vyatka chronicle]. In N. M. Botvinnik, E. I. Vaneeva (Comp.), *In memoriam: sb. pamyati Ya. S. Lur'e* [In memoriam: collection in memory of J. Lurie] (p. 303–320). St. Petersburg: Atheneum-Feniks.

Waugh, D. (1998). Introduction. Festschrift for A. A. Zimin. *Russian History / Histoire Russe*. P. B. Brown (Ed.). (Vol. 25, 1–2, 7–10).

Waugh, D. (1998). K izucheniyu fal'sifikacii pis'menny'h istochnikov po istorii srednevekovoj Rossii [Studying the falsification of written sources on the history

of medieval Russia]. In P. B. Brown (Ed.) *Russian history / Histoire Russe. Festschrift for A. A. Zimin*. (Vol. 25, 1–2. p. 11–20).

Waugh, D. (2006). Mestnoe samosoznanie i “izobretenie” regional’nogo proshlogo [Local consciousness and “invention” of regional past]. In *Trudy’ Otdela drevnerusskoj literatury’* [Proceedings of the Department of the Old Russian literature]. (Vol. 57, p. 350–358).

Waugh, D. (2013). The End of an Era. Remembering Sigurd Ottovich Shmidt (1922–2013). *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 14/4, 910–920.

Waugh, D. (n. d.). *Skriptorij v Holmogorah: nekotory’e paleograficheskie nablyudeniya* [Scriptorium in Holmogory: some paleographic observations]. URL: http://faculty.washington.edu/dwaugh/publications/Waugh_ScriptoriuminKholmogory_1977_2012.pdf

Waugh, D., Fonkich, B. L. (1981). Grechesko-russkie kul’turnye sviazi v XV–XVII vv. *Russian History*, 8/3, 414–416.

Zarubin, N. N. (Comp.), Amosov, A. A. (Edit, comments), Shmidt, S. O. (Ed.). (1982). *Biblioteka Ivana Groznogo. Rekonstrukciya i bibliograficheskoe opisanie* [Library of Ivan the Terrible. Reconstruction and bibliographical description]. Leningrad: Nauka.

Zimin, A. A. (1976). Vy’pis’ o vtorom brake Vasiliya III [Extract on the second marriage of Ivan III]. In *Trudy’ Otdela drevnerusskoj literatury’* [Proceedings of the Department of the Old Russian literature]. (Vol. 30, p. 132–148).

Translated by Elena Galitsyna

The article was submitted on 30.04.2014

Даниель Уо
почетный профессор
США, Сиэтл
Вашингтонский университет
dwaugh@u.washington.edu

Daniel Waugh
Professor Emeritus
USA, Seattle
University of Washington
dwaugh@u.washington.edu

ISSN 2311-911X

QR.URFU.RU

QUAESTIO ROSSICA

2014 № 3

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

Religious Vector in Russian History and the Stereotypes of Cultural Imagery [на англ. и рус.] 7	Religious Vector in Russian History and the Stereotypes of Cultural Imagery [in English, in Russian] 7
--	---

Scientia et vita

<i>Daniel Waugh</i> . The Enthusiasms of Youth and Where They Led: a Memoir (p. 2) [с пер. на рус.] 19	<i>Daniel Waugh</i> . The Enthusiasms of Youth and Where They Led: a Memoir (p. 2) [in English, in Russian] 19
---	---

Problema voluminis

Сергий Радонежский и российская религиозность	Sergiy Radonezhsky and Russian Religiosity
<i>Vladimir Milkov</i> . Sergiy Radonezhsky. Russian Path to Solidarity 57	<i>Vladimir Milkov</i> . Sergiy Radonezhsky. Russian Path to Solidarity 57
<i>Maureen Perrie</i> . Moscow in 1666: New Jerusalem, Third Rome, Third Apostasy 75	<i>Maureen Perrie</i> . Moscow in 1666: New Jerusalem, Third Rome, Third Apostasy 75
<i>Александр Палкин</i> . Единоверие в конце 1820-х – 1850-е гг.: механизмы государственного принуждения и противостояние староверов. 86	<i>Alexander Palkin</i> . Common Faith in the Late 1820s–1850s: Mechanisms of State Oppression and Old Believers’ Opposition. 86
<i>Алексей Беглов</i> . Конформизм приходской реформы К. П. Победоносцева 107	<i>Alexei Beglov</i> . The Conformism of K. P. Pobedonostsev’s Parish Reform 107
<i>Марина Нечаева</i> . Православные общественные организации и гражданское общество в России на рубеже XIX–XX вв. 124	<i>Marina Nechayeva</i> . Orthodox Social Institutions and Russian Civil Society at the Turn of the 20 th Century 124
<i>Irina Paert, Toomas Schvak</i> . Orthodox Education in the Baltic Provinces of Imperial Russia and Independent Estonia from 1840s till 1941 . . 142	<i>Irina Paert, Toomas Schvak</i> . Orthodox Education in a Baltic Province of Imperial Russia and Independent Estonia from 1840s till 1941 . . 142
Россия: образы и стереотипы	Russia: Images and Stereotypes
<i>Елена Березович, Юлия Кривошчапова</i> . Образы Москвы в зеркале русского и иностранного языка. «География» Москвы 159	<i>Elena Berezovich, Iulia Krivoshchapova</i> . The Images of Moscow in the Mirror of Russian and Foreign Languages. Moscow’s <i>Geography</i> 159

<p><i>Эммануэль Вагеманс</i>. Торжество самодержавия: Алексей Петрович против Петра Алексеевича. Конфликт «отцов и детей» в голландской драматургии XIX в. 184</p> <p><i>Graham Hywel Roberts</i>. On the Trans-Siberian with Sylvester Stallone: National Identity and Brand Identity in Post-socialist Russia . 197</p> <p><i>Сергей Горяев</i>. «Черный монах» и «Слеза монашки»: церковная тематика в названиях вин постсоветского времени. 209</p>	<p><i>Emmanuel Waegemans</i>. The Triumph of Autocracy: Alexei Petrovich versus Peter Alexeevich. The Conflict of Fathers and Sons in the Dutch Drama of the 19th Century 184</p> <p><i>Graham Hywel Roberts</i>. On the Trans-Siberian with Sylvester Stallone: National Identity and Brand Identity in Post-socialist Russia 197</p> <p><i>Sergei Goryaev</i>. <i>The Black Monk</i> and <i>The Nun's Tear</i>: Church-Related Wine Names in the Post-Soviet Times 209</p>
---	---

Disputatio

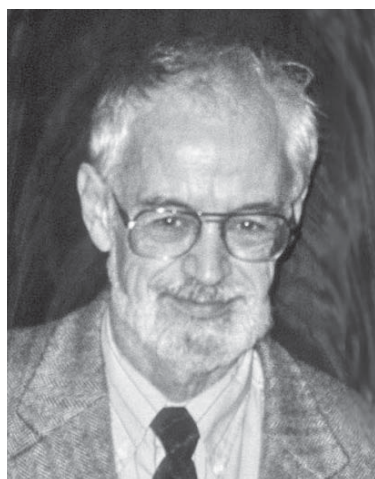
<p><i>Евгений Неклюдов</i>. Влияние системы горного права на развитие мировой металлургии: взгляд уральского заводчика 229</p> <p><i>Ольга Ермакова</i>. Государственная политика привлечения иностранных специалистов на уральские заводы (первая половина XIX в.) 242</p>	<p><i>Yevgeniy Neklyudov</i>. The Influence of Mining Law Systems upon the Development of World Metallurgy: The View of a Ural Manufacturer. 229</p> <p><i>Olga Ermakova</i>. State Policy in the Recruitment of Foreign Specialists' in Ural Factories (the 1st half of the 19th Century). 242</p>
---	---

Heritage Nomina et scholae

<p><i>Lyubov Stolyarova, Svetlana Koroleva</i>. Sergey Kashtanov. Historiographer of the Russian and the European Middle Ages 255</p>	<p><i>Lyubov Stolyarova, Svetlana Koroleva</i>. Sergey Kashtanov. Historiographer of the Russian and the European Middle Ages 255</p>
---	---

Critica

<p><i>Наталья Дьячкова</i>. Единожды солгавший, или Как нам любить русский язык 283</p> <p><i>Сергей Нефедов</i>. Экономическая история СССР – непредвзятый анализ 294</p> <p>Сокращения 303</p>	<p><i>Natalia Dyachkova</i>. Once a Liar, or How We Should Love the Russian Language 283</p> <p><i>Sergei Nefedov</i>. The Economic History of the USSR: An Unbiased Analysis 294</p> <p>Abbreviations 303</p>
--	--

Daniel Waugh. 2003, St. Petersburg, Institute of the Russian Literature (Pushkinsky House)

Даниель Уо. 2003, Санкт Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Daniel Waugh. 2013, London, the Royal Geographical Society (foto by Charlotte Green)

Даниель Уо. 2013, Лондон, Королевское географическое общество (фото Шарлотты Грин)

THE ENTHUSIASMS OF YOUTH AND WHERE THEY LED: A MEMOIR¹

The article is a continuation of an autobiography written by Daniel Waugh, an eminent American scholar and specialist in Old Russian literature; it gives an original perspective of how a person's life can be combined with professional interest. The events of the author's life are set against a background of Russian studies carried out both in Russia and abroad, as well as historical and cultural discussion. The reader gets acquainted with the Soviet and world humanities thought that intricately combines benevolence and academic objectivity with ideological confrontation and captious objections. The author's perfect understanding of people and their achievements makes the memoirs a source of valuable information on the humanities during the Cold War and post-Soviet years. The article demonstrates that respect for hard academic work and mutual respect among scholars is a key to the solution of conflicts and disagreement regardless of their nature. This is the first part of the autobiography, a continuation is to be published in the upcoming issue.

Keywords: Soviet humanities; Pushkin House; Soviet historians; Manuscript Heritage; Old Russian literature.

My interest in manuscripts and codicology perforce led me into filigranology (the study of watermarks), concerning which I had no knowledge prior to arriving in Leningrad in 1968. Of course my initial interest was purely practical, wanting to use paper evidence for dating, but then I at least began to edge into larger concerns about methodology. Not that I ever published much on the subject, beyond a good many reviews and notices on new Russian or Ukrainian publications (most of these for the bulletin of the International Association of Paper Historians). The major exception in substance was long article published in *Kritika* on my return from my first year in Leningrad. Arguably much more than a review, its fate illustrates how possibly good ideas can vanish almost without a trace if published in an obscure place and with no follow-up.

I would remind readers who know *Kritika* in its new incarnation as a substantial journal of articles and reviews on Russian history that its ancestor was a review journal, subtitled "A Review of Current Soviet Books on Russian History," printed in a limited run from camera-ready type-

¹ Continuation. For the first part see *Quaestio Rossica*. 2014. No. 2.

script. It had been initiated by Richard Pipes, a prominent historian of modern Russia, so that his graduate students at Harvard could gain experience in reviewing and publishing. Indeed, work for *Kritika* was one of the most valuable parts of my graduate training. We shared drafts of reviews, then met at Pipes' home to critique them before undertaking revisions. He had the final say as to whether a review was publishable; he was unsparing in his demands that we write well. But otherwise the basic editing was in our hands. At the end of the academic year, on at least a couple of occasions, all the participants attended a picnic at his lakeside "dacha" in southern New Hampshire. Some may still have (mine has disappeared) a photo taken of the group in the mid-'60s, whose numbers included a good many who became prominent in Russian and East European history across the U.S. in subsequent years: Robert Williams, Daniel Field, Max Okenfuss, Abbott Gleason, William Rosenberg, John Fine, Peter Kenez, Theodore Taranovski...

We decided to publish a special issue devoted to auxiliary disciplines in 1970, my contribution being a review of Soviet watermark publications [Waugh, 1970]. I was later told that my article had been translated into Russian (probably by E. I. Mamatova) and was circulating in the Lenin Library among the old book specialists.² Subsequently it received the attention of Soviet filigranologists, some of whom applauded and others disagreed with its conclusions at the same time that they tended to ignore one of what I thought were the article's important suggestions. A partial translation of it also appeared in German, under an introduction by the pre-eminent paper historian of the time, Theo Gerardy, indicating how important he felt the piece was.³ The thrust of the article was in part criticism of a then very prevalent way of "publishing" watermarks in tabular descriptive form (that is, without depicting each and every one of them), which was advocated

² Like Amosov (see above) the watermark specialist in the State Historical Museum in Moscow, T. V. Dianova, took issue with my suggestions regarding the value of precise measurements of watermarks, although she did not fully understand what I had meant. See [Дианова] and my summary in English with a response to her criticism: *IPH Information*, N. F., 11/3-4 (1977), 116. Apparently not having read my article, Yu. V. Andryushajtite cited my views at least to the extent that they had been explained (and contradicted) by Dianova. See: [Андрюшайтите, 19876], which otherwise is a useful survey of the literature for the indicated period.

³ *IPH Information*, N. F., 5/3 (1971), 62-66. Apart from Gerardy, the one person in the West who I know read the article with care was John Simmons of All Souls College, Oxford, the estimable Slavic bibliographer and major contributor to the translation, proper editing and publication of important Russian watermark collections. Simmons wrote me two letters in quick succession with pointed criticisms (and some appreciation) of my piece. I take it as lavish praise from him when he said, "you don't miss much, and you are off the ball only occasionally" (!) (J. S. G. Simmons to Daniel Waugh, 10 July 1970). He was skeptical about the possibilities of computerizing watermark images and felt that the experienced eye of experienced filigranologists really was the best guarantee that papers could be identified. (J. S. G. Simmons to Daniel Waugh, 11 July 1970). Simmons appreciated my comments on the importance of watermark data for codicological study, comments which unfortunately had not been seen (along with related work of others) by Predrag Matejić when he wrote his dissertation a couple of decades later in which he proposed as "new" methodologies some of the same ideas, which he was using in compiling his valuable description of the Hilandar Collection at Ohio State University, a collection for which he has long been the curator.

by Sokrat Aleksandrovich Klepikov, the “dean” of Soviet filigranology. But I think that alone should not have stirred much interest. I was proposing an alternative, in a sense anticipating the future of filigranology, a future which has yet, more than four decades later, not fully arrived. Following Western scholars, I suggested that proper measurement might enable us to obtain numerical data for comparisons of known with unknown watermarks – that is, perhaps by quantifying the process, we could make it all more precise and at least facilitate indexing an image bank. But that was not all. Having precise images of all watermarks was essential for proper comparison. It occurred to me (probably because I had seen a newspaper article on the subject) that the system of scanning, recording and retrieving fingerprint data in a computer, which the FBI had developed, might be adapted for filigranology, since in both cases one is dealing with images containing some detail which had distinct characteristics.⁴ Of course, as with the computerization of manuscript descriptions, the computerization of watermark data was going to require concerted effort of a kind I had no time to commit and would require substantial financing. Eventually in the Soviet Union some interest developed in what we might call “scientific” processing of watermarks. Kashtanov, among others, explored the possible use of precise measurements, but then emphasized the importance of data other than that concerning paper in codicological studies.⁵ A. P. Bogdanov’s book [Богданов] on the basics of filigranology is far more than a textbook for beginners.⁶ Among other things, with passing reference to my article, he undertook serious statistical analysis to show that measurements might be used to distinguish and identify watermarks. Even though he failed to mention my proposals about computerization, he wrote several pages on the desirability of it for future watermark studies. I am not aware that Bogdanov’s book has had much of an impact, either for training in the proper analysis of watermarks or in its more forward-looking ideas for the future of filigranology. For the application of watermark evidence in the study of Russian manuscripts, the main practical improvements have been publication of some valuable new albums such as those compiled in *GIM* by T. V. Dianova and V. M. Zagrebin’s compilation in the *Publichka*

⁴ A confession here – despite my physics major, I had no real idea of the technical issues involved or the mathematical models demonstrating the possibilities for optical scanning which was a field still in its infancy at the time. What I learned came from reading in a textbook on the subject while standing in the book section of the Harvard bookstore. (Such are the dirty little secrets about “scholarship”!).

⁵ His articles appeared in «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина» (Iss. 38, 40).

⁶ A large section of his book was an illustration of the uses of paper evidence for careful codicological analysis, his example being the official investigation record concerning the death of Tsarevich Dmitry in Uglich in 1591. The document’s authenticity has been much disputed; Bogdanov’s analysis, which concluded that the manuscript does not reflect the actual results of the investigation (but rather, a politically motivated fabrication) certainly goes farther than previous studies in trying to resolve the dispute. Probably the fact that this extended analysis is buried in an obscure (!) book on watermarks explains why a scholar as thorough as Chester Dunning apparently missed it when working on his big book about the *Time of Troubles*.

of thematic collections of watermarks by cutting and pasting xeroxes from their scattered depictions in various albums.⁷ His compilations are available only there though for use in the one reading room.

As I have recently learned, Briquet's famous collection is now on line as are watermark databases from several specific collections of manuscripts (not from Russia though). Work has been done toward developing optical recognition methodology for watermarks, but apparently the project has stalled for lack of funding.⁸ It is entirely possible that back in 1970 I was overly optimistic as to how easily the then technology could have been adapted to the task. Yet with the advances in digitization of the intervening decades, one surely can hope that soon it will be possible to achieve what I projected back then (even if that somewhat fanciful vision seems to have had nothing to do with any of the more recent developments).

One of the issues that concerned me in writing that article was the degree to which watermark data might be so loosely interpreted as to invalidate arguments based on it regarding the date of manuscripts. This issue was taken up by A. A. Amosov in a penetrating article published in 1981 in which he discussed the need for much more rigorous use of terminology and for a much more precise methodology in recording and describing watermarks [Амосов]. He cited with approval the "harsh but completely justified criticism" I had written in my 1970 article and as well cited the examples I had used in a later piece to illustrate erroneous claims of those who were trying to undermine Edward Keenan's *Kurbskii-Groznyi Apocrypha* on the basis of the watermarks in the then known manuscripts [Waugh, 1977].

Here I might digress briefly on that second piece, which was my contribution at the 1974 International Slavists Conference in Banff to a session devoted to Keenan's book. At the time the book had appeared, in one of the first reviews, Serge Zenkovsky dismissed out of hand the possibility that what I had written about the dating of the manuscripts might be accurate. I had laid myself open to this by indicating that, of course, I had come to the task with much less experience than my distinguished Russian predecessors who had worked on the material. In my Banff paper, I provided comparison drawings to reaffirm key datings. Inge Auerbach, who was one of Keenan's persistent critics, also spoke at Banff, and in publishing her paper responded to mine by claiming the indicated watermarks undoubtedly could be from much earlier paper. Her examples though showed how little

⁷ Zagrebin, who died tragically just short of age 62 "at the very peak of his creative power and life," headed the Old Russian section of the Publichka's rare book division and had for a number of years, as the successor to his senior colleague N. N. Rozov, been the instructor for a course on Slavic palaeography at St. Petersburg University. He had contributed a good many of the descriptions published in the national catalogue of early Slavic Manuscripts and was deeply involved in the project to describe the Pogodin Collection. His obituary took special note of his work in the compilation of the watermark catalogues. See: [Бобров, Рождественская].

⁸ The references and links may be found at: <<http://www2.warwick.ac.uk/fac/arts/ren/projects/publications/lima/paper/describing/databases/>>, accessed 26 June 2012. An e-mail exchange with one of the key participants in this project (who has moved on to a different position) confirms that apparently it has been abandoned.

she understood of the matter. Amosov's point in supporting me, even if undoubtedly he had other reasons to disagree with Keenan, was that indeed, all too often those citing paper evidence had no clear understanding of what "identity" or "similarity" might or might not mean. And, as a real expert in such matters, unlike Zenkovsky and Auerbach, he clearly knew.

One of the virtues of the new edition of the Kurbskii–Groznyi correspondence by Ia. S. Lur'e and Yu. D. Ry'kov published (at least in part) as a rebuttal to Keenan, was that they did not push the paper evidence farther than it merited. They provided detailed manuscript descriptions, including those for many previously unused manuscripts containing the texts. In those descriptions, they cited my data along with those of others. But none of this was to suggest one should try to re-date the manuscripts back into the 16th century. What did, however, change the picture was a later discovery by B. N. Morozov of a previously unknown manuscript of the first Kurbsky letter in a copy that arguably may be some two decades earlier than any of the others – not going back to the lifetime of the putative correspondents but dating to, perhaps, ca. 1600 [Морозов].⁹ Keenan was understandably skeptical about this discovery, since old paper can lie around unused and scribal hands often can have a long and deceptively anachronistic life. My impression of the evidence though supports Morozov's assertions about the early date of the manuscript in question. Of course what this does not do, of itself, is prove Keenan was totally wrong, but rather it throws into question the particular scenario he laid out in the book for the creation of the correspondence. He since has come up with additional explanations which would accommodate the new manuscript evidence but still not undermine his doubts about the "genuineness" of the letters. Unless there are yet more surprises awaiting us in the still poorly described Muscovite manuscripts, I strongly suspect that there never will be filigranological evidence to prove or disprove the authorship of Kurbsky and Ivan. For most of us, filigranology is indeed only an "auxiliary" discipline, albeit I think an underappreciated one.

I might add as a footnote here that I did finally meet Sokrat Aleksandrovich Klepikov (at the time, I think, he was pushing 80 and had few years left) in his apartment in Moscow. He was gracious, not offended in the least by my criticism (which he in any event dismissed). In retrospect, I think I had been too categorical in questioning the value of Klepikov's tabulation approach. Over the years in fact I have had no choice but to use his tables for such common watermarks as "foolscap" and "Arms of Amsterdam," with, however, some cognizance of their limitations for precise dating. When he died, John Simmons inquired whether I might write an obituary for Sokrat Aleksandrovich, but I declined, since I simply did not know enough about

⁹ Morozov, who acknowledges the assistance of A. A. Amosov in identifying the watermarks, admits that those on the particular leaves with the text of the letter are unclear and that there seems to have been some disturbance in the formation of the quires. However, the surrounding paper and the handwriting argue for a date of the end of the 16th century. Among other material, in discussing the "convoy" of the works accompanying the letter, he cites my book on the apocryphal letters of the sultan.

his career.¹⁰ One of Klepikov's lasting contributions to filigranology and manuscript studies in Russia was his bequeathing his considerable library of watermark albums and literature published in the West to the manuscript division of the Library of the Academy of Sciences in Leningrad. For Soviet repositories, obtaining such expensive books was nigh impossible, but some of them were essential for a proper reference collection.¹¹

The fate of another of my long review articles dating from about the same time as the one on watermarks is somewhat curious. Since I had worked in the manuscripts of the Muscovite *kuranty* (the translations and summaries of foreign news texts) for my dissertation, naturally I was very interested in the appearance in 1972 of the first volume of what was to be a multi-volume, still ongoing publication of those texts. I had talked with one of the editors about the *kuranty* and received from her a copy of the book. My review of it for *Kritika* contained some serious suggestions for improvements that might be made in subsequent volumes – the editors had not always properly ordered the manuscript pages containing the texts; the idea that the texts be arranged chronologically by date of entry was flawed, the scope of what might rightly be included in the publication needed broadening, and ideally any of the western sources which could be located should be published along with the Russian translations [Waugh, 1973]. I sent the review off to Moscow where it was politely acknowledged¹² and duly cited in a subsequent volume, but the recommendations in it were ignored. The review did, however, come to the attention of Ingrid Maier many years later in Uppsala, when she had started to work on the *kuranty* texts, and this led to our correspondence and ultimately to collaboration on a (still unfinished) book project for which I went off to Sweden for two pleasurable years immediately following my retirement.¹³

¹⁰ Simmons then wrote about Klepikov for both *The Book Collector* and *IPH Information*. A long, warm appreciation of him is M. V. Kukushkina [Кукущкина]. The somewhat odd appreciation of Klepikov (focussing mainly on his bibliographic contributions on filigranology and their shortcomings) by I. V. Andryushajtite [Андрюшайтите, 1987a], concluded with a hope that someone would pick up where he left off, but to the best of my knowledge that has not happened.

¹¹ While this was purely an exchange in return for receiving microfilms I needed of manuscripts, I supplied several of the key watermark albums published by the Paper Publications Society to the the Manuscript Division of GIM in 1969 and Follieri's multi-volume reference work of incipits from Greek manuscripts to the Publichka. Russian scholars who had no such "leverage" were often frustrated in their attempts to obtain any microfilm of manuscripts in GIM, then ruled with an iron hand by the formidable Marfa Viacheslavna Shchepkina. I even witnessed there one of the rare occasions when she smiled, on having just returned from the Bulgarian Embassy where she had been decorated with the Order of SS. Cyril and Methodius for her work on early Slavic manuscripts.

¹² Antonina Ivanovna Sumkina to Daniel Waugh, 12 December 1973. I had sent her a year earlier (before my review) a copy of the section of my dissertation on the *kuranty* and a reference to the standard published guide to 17th-century German newspapers, which was very relevant for for their project (Daniel Waugh to A. I. Sumkina, 10 October 1972).

¹³ To date, this project has resulted in two articles jointly authored with Professor Maier: *How Well Was Muscovy Connected with the World?* [Maier, Waugh, 2009]; *The Blowing of the Messiah's Trumpet: Reports about Sabbatai Sevi and Jewish Unrest in 1665–1667* [Maier, Waugh, 2010]. In addition, I have published *News Sensations from the Front: Reportage in Late Muscovy concerning the Ottoman Wars* [Waugh, 2008].

Furthermore, now that the long-time editor of the *kuranty* series in Moscow has died and Maier is involved in the preparation of the new volumes, some of my recommendations of several decades ago are finally being taken into account.¹⁴

A great deal of progress has been made in the description of early Slavic manuscripts since Likhachev's somewhat pessimistic assessment at the Tikhomirov Readings in 1972. Yet the results are very uneven. Whereas in the 19th century, many of the descriptions we still most value for their detailed identification of texts were compiled by those who had a very deep knowledge of Orthodox religious literature – some in fact were clerics – it is much harder to find individuals nowadays with such training combined with training in the other necessary disciplines. The problem is especially acute, as Likhachev and others pointed out, when it comes to the cataloguing of manuscript collections in the Russian “provinces” where it might even be difficult to find individuals trained to read Muscovite cursive.¹⁵ In these circumstances, we have descriptions ranging from the minutely detailed ones for certain of the most interesting miscellanies of the Collection of the Monastery of St. Cyril at Beloozero [Каган, Поньрко, Рождественская], to sketchy modern supplements to the classic, detailed catalogue of the Synodal Library Collection compiled by A. V. Gorskij and K. I. Nevostruev in the 19th century [Описание рукописей]. We now have the first parts of the *Complete Catalogue of Slavonic-Russian Manuscripts* [Сводный каталог, 1984, 2002]. As noted above, Klimentina Ivanova's catalogue of the South Slavic Manuscripts in the Pogodin collection is out, though the description of the rest of the collection is still short of the halfway point. There is much more, but the list of collections as yet undescribed in print is legion. Descriptions of collections outside of Russia are also appearing, but with uneven results and an uncertain future. We have Ralph Cleminson's somewhat flawed catalogue of manuscripts in British collections, a long-overdue contribution.¹⁶ A current project to describe those in Swedish collections is running out of time and money, leaving one to wonder whether the job can be properly finished.¹⁷ We still lack a proper description of early Slavica in American libraries.

¹⁴ *Vesti-kuranty 1656 g., 1660-1662 gg, 1664-1670 gg.*, 2 pts. (Moscow, 2008–2009) contains in pt. 2 all the foreign sources which Ingrid Maier was able to locate with considerable difficulty in various collections across Europe. Of course that kind of intensive work could not have been carried out by Soviet scholars in an earlier period, partly for want of the means to visit all the collections, partly for want of the requisite languages. Apart from this feature of the publication, Stepan Shamin, one of the other editor/compiler, went to considerable lengths in the introduction to part 1 to correct some of the codicological and chronological problems that had been created by the long-time editor V. G. Dem'yanov's stubbornness in adhering to the approach established in volume 1 of the series. The next volume, which is being prepared by Shamin and Maier, should avoid these problems entirely.

¹⁵ See, for example: [Амосов, Колесников, особ. с. 165.].

¹⁶ I reviewed it positively: [Waugh, 1990]. For a more careful assessment, see the review by W. R. Veder in *The Slavonic and East European Review*, 88/3 (1990), 521–523.

¹⁷ I hope I am not reading too much into a personal communication about this which I received from one of the contributors to the project, Alexander Pereswetoff-Morath, in June 2012.

Of course the still limited state of our knowledge of Slavic manuscript collections means that discoveries in them, some significant, many arguably trivial, will continue to be made for a long time to come. We are witnessing a flood of good editions of major works which had long been known but never properly published. Furthermore, even in collections well known at least for content description and in the case of texts that have long been in print, re-examination of the manuscripts and a careful consideration of palaeographic and codicological features may open new possibilities. In general I found that other scholars in whose footsteps I was following in my first forays in the manuscripts would be very generous in sharing with me information about texts or copies I had not known; this was often a two-way street. I have been embarrassed by not realizing how potentially interesting a text was until this was pointed out to me, and I have also published as “unpublished” a text that in fact had been edited and appeared a couple of years earlier and about whose publication I had not known.¹⁸

An example of how further digging in manuscript repositories can substantially update earlier work is the rather large body of texts containing various apocryphal correspondences of the Ottoman Sultan, to which I had devoted a chapter of my dissertation, later expanding it into a monograph.¹⁹ At the time I did the research, the most important source of information was articles by Marina Davidovna Kagan-Tarkovskaya. I found some additional texts and copies of known ones, with the result that my book at the time it appeared was the most complete survey of this material. In just the last few years though, additional work in the archives of the Muscovite government (RGADA), has turned up new copies, among them the originals of what I had determined on the basis of later manuscripts were trans-

¹⁸ I have in mind in the first instance here my «Неизвестный памятник древнерусской литературы: “Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси к Степану, королю польскому”» [Yo, 1972]. I came across it in 1969, not realizing it was a previously unknown text. Led to it by my cryptic reference in Keenan’s book, A. A. Zimin did, informed me of the fact, helped me obtain a full copy of the text (which I had not copied), and then generously left me to publish it at the invitation of S. O. Schmidt. The second example is my *Two Unpublished Muscovite Chronicles* [Waugh, 1979b]. V. I. Koreczkij had published the second of them two years earlier, something I learned only as my article was making its way through the editorial process. He provides a lot of very valuable historical commentary, though I think there is still some useful information in my article regarding the text and the provenance of its manuscript. His article is: [Корецкий].

¹⁹ The book is *The Great Turkes Defiance* [Waugh, 1978]. An important supplement to it is the article I had published earlier unraveling the textual history of correspondence of the Sultan with the Cossacks which Ilya Repin had immortalized in his late 19th-century painting. The reference is *On the Origin of the ‘Correspondence’ between the Sultan and the Cossacks* [Waugh, 1971]. My argument was that the letters were part of a European tradition of translated apocrypha and probably had not originated among the Cossacks, even if in their later versions they clearly have become “ukrainianized.” Given the obscurity of where the article was published, it has been less widely consulted than the book (which is even available in a number of Russian libraries for those who can read the English). For example, it is missing from another frequently cited article on the Cossack correspondence [Friedman], and seems to have had no influence on the many who still wish to believe the 19th-century romanticization of the texts as “original” compositions embodying the cultural ethos of the raucous Cossacks.

lations made in the Muscovite Privy Chancery.²⁰ Moreover, more thorough work than I was able to undertake in Western collections of early books has identified precisely the sources for other Muscovite translations I had discussed, sources which had been unknown to me.²¹ While much of this merely confirms my broader conclusions, some of the discoveries suggest that the origins and transmission of certain texts were substantially more interesting than I had imagined. All this is, of course, the kind of normal development we would expect in scholarship, since few studies so exhaust the subject that they can never be revised and improved.

Often it seems that chance or serendipity, not just persistence and thoroughness, are also responsible for discoveries. A scholar looks for one thing, may or may not find it, and stumbles across something else. Illustrating this is the way I came to study the cultural history of Viatka (Hly'nov) in the late 17th and early 18th centuries, a subject I had never imagined earlier might be one of interest to me. There is, however, an important connection with that earlier work, which explains how I stumbled on the subject and what I then was able to do with it. In my study of the apocryphal letters, I had come across reference to a manuscript containing those texts whose whereabouts after 1918 had been unknown, or at least so it seemed.²² The eminent historian K. V. Harlampovich had used the manuscript in Kazan and published texts from it in 1918, but then it vanished. In the mid-1970s, on a *komandirovka* in Central Asia, A. I. Mazunin had re-discovered it in Tashkent and provided a fairly detailed description, not knowing that it was the same book Harlampovich had used long before.²³

I had the opportunity to visit Tashkent in 1991, my trip to Central Asia first of all for participation in a mountain climbing expedition and then to represent the University of Washington's History Department on an exchange with its counterpart at Tashkent University, where I offered a mini-course on imperial Russia to an unappreciative audience of two students who had no intention of doing any serious work. I had time on my hands and went off to the National Library to try to locate the manuscript (and some others) which Mazunin had described. There was no expectation here that much would come of the material, which I was examining from the perspective of my dissertation research of two decades earlier, a subject I had not been planning to revisit. Simply locating the book was something of a challenge, since the collection had been re-numbered, and the keeper, helpful as he was, had no idea of where to look. I found it eventually from the old inventory lists, spent some time with the manuscript, copying a few

²⁰ See, for example: [Майер, Шамин; Maier, 2006].

²¹ See: [Maier, 2008], which identifies the sources for the Slavic translations of pamphlets published in the 1660s concerning the false Messiah, Shabbetai Zvi. I had been the first to publish the *kuranty* texts about Shabbetai Zvi [Waugh, 1979a]; they have now been republished along with the original sources in the most recent volumes of *Vesti-kuranty*.

²² See my description of the manuscript in [Waugh, 1978, p. 275–276].

²³ I had not known of Mazunin's description, published the year before my book appeared, and might in any event not have connected the Tashkent manuscript with the one that had been in Kazan.

texts and recording enough information to supplement Mazunin's description, and then, once home, throwing all this into a file and almost forgetting about it. Come an invitation to contribute to a Festschrift for Ned Keenan, I needed a subject, and thus began to look at the notes.²⁴ What I discovered was not only the evidence of the book's provenance (Hly'nov) but the fact that it contained important information for the history local chronicle writing, remarkable evidence about the degree to which this quintessential "backwater" of Russia (later immortalized as such by Saltykov-Shchedrin) was connected with the wider world, and much more. The one large miscellany was a library in itself, whose owner/compiler, a sacristan Semen Popov, could be identified.

In approaching this material, I began to think more broadly about interpretive strategies than I had in my earlier work. That is, instead of wanting merely to reinforce the traditional historiography that there was a kind of inexorable movement in the direction of the "modern world" starting in the 17th century in Muscovy and then accelerating in the time of Peter the Great, I began to wonder whether we might not need a more nuanced approach.²⁵ To a degree then, if anything I was beginning to question the whole interpretive framework in which I had placed such texts as the translated apocryphal letters. Viatka, as I came to argue, was neither more "backward" than, nor as "modern" as, the rest of Russia in the Petrine period.²⁶ Of course to what degree an analysis focused in the first instance on a single book might demand reassessment of traditional historiographic conventions was another matter, as one of my reviewers later correctly pointed out [Marker].

While working on the Viatka book, I was able to visit the region for the first time, discovering both the riches of the local library and archival collections, and gaining some sense of local cultural and intellectual traditions. All this, I think, stimulated some re-thinking of what was really significant in Russian culture, whose history too often has been told from the perspective of the center, not from that of the regions. Increasingly now, the perspective from the regions is finally getting its due. One of the challenges confronting Western scholars in Soviet times was access. Kirov

²⁴ My contribution to the Festschrift is 'Anatolii's Miscellany' – Its Origins and Migration [Waugh, 1995].

²⁵ See my somewhat belabored treatment of this thinking in "We Have Never Been Modern: Approaches to the Study of Russia in the Age of Peter the Great" [Waugh, 2001]. Quite a bit more might have been included there on the literature about modernization, some key works not having fallen into my purview, but I would defend the basic conclusions of the article (James Cracraft's objections notwithstanding).

²⁶ The book is «История одной книги: Вятка и "несовременность" в русской культуре Петровского времени» [Yo, 2003], which I drafted in Russian but never could have been published without the substantial editorial ministrations of Mariya Kozhevnikova (then a Ph.D. candidate in economics at the University of Washington) and the further professional editing for Bulanin by Olga Novikova, an accomplished specialist on Muscovite chronicles. The decision to use the term "ne-sovremennost'" as an equivalent for "non-modernity" (itself a kind of neologism) was criticized by S. M. Kashtanov in his review of the book, although at the time the book was published it was not yet common in Russian simply to transcribe the foreign concept "modern" in its various forms.

(once Hly'nov/Viatka) had been a closed city. My first visit there, in 1996, was to attend a conference which the organizers were happy to label "international" thanks to the presence of some half dozen foreign scholars among the 200 or so who participated. I found the welcome and the atmosphere very stimulating; at least one of my American colleagues, who reported on the proceedings later, seemed to find it, well, "provincial."²⁷

The Tashkent manuscript included a previously unknown version of the "ur-text" which lies at the core of what had long been regarded as the oldest chronicle of Viatka's history [Yo, 1997a].²⁸ My re-examination of this apparently earliest period of writing Viatka's history then led me to yet another manuscript (in the F. A. Tolstoj collection in St. Petersburg, the manuscript not one which I had previously examined), which contained the "authorial version" of another of the early Viatka chronicles and clearly must have been used by the Viatka sacristan Semen Popov.²⁹ Furthermore, I was led to re-examine the history of the famous local icon procession involving an image of St. Nicholas, an event which was at the core of a developing sense of regional identity and whose veneration had figured in those early histories.³⁰ The history of the icon procession, which was suppressed in the Soviet period but then revived with the collapse of the Soviet Union, is still in need of further work. My review of the evidence suggested that the veneration of the icon (perhaps its very existence) dated from the 16th century, substantially later than what has been commonly believed. Yet the common belief is an article of popular faith, supported by the ecclesiastical authorities, one unlikely to be overturned by any scholarly argument, especially that by a foreigner. One of the other very interesting aspects of the Viatka material was the questions it raised about the contents of local libraries, where there still is much work to be done to reconstruct the contents of collections that came to be dispersed, especially in the 19th and 20th

²⁷ David Goldfrank, in *Newsletter of the Early Slavic Studies Association*, 10/1 (May 1997), p. 3, where, not that this is really important, he mis-described the content of my paper. Cf. my substantially more enthusiastic description of the visit: [Waugh, 1997], and a second report on my experiences there a few years later, when I returned to do a "presentation" on my book at the Herzen Regional Library and spent time with a student group in Lal'sk, a small town north of Kirov [Waugh, 2004a]. In a brief paper I wrote for a conference I was then unable to attend about the provinces and Russian culture, I pointedly concluded with the rhetorical question as to whether the United States might not be termed "provincial." See [Yo, 2011]. I am indebted to V. G. Vovina-Lebedeva for her editing of my Russian text and for presenting it at the conference in Tobolsk.

²⁸ Republished as [Yo, 19976]. Aleksej Musihin is continuing to work on the early Viatka chronicle texts and has re-discovered in the regional archive in Kirov copies that had been used in their publication in the 19th century but then disappeared. Presumably he will produce a new and authoritative edition. However, I have no reason to think that will change my basic conclusions regarding the text I found in Tashkent.

²⁹ This text, the so-called "Letopisecz stary'h let," is appended to a copy of the "Khronograf of 1617" in a version with distinct readings which also are found in the works compiled in Hly'nov (the manuscript is RNB F.IV.219 [ex-Tolstoj I.218]). I discuss the text and illustrate its various scribal hands in [Yo, 2003, c. 144–159] and provide a critical edition [Ibid, c. 320–331].

³⁰ See [Waugh, 2004b]; briefly summarized in Russian as [Yo, 2004]. See also the version of some of this material in [Yo, 2006].

centuries. To be able to reconstruct the collections of major monastic libraries, as noted above, is one thing, but to deal with the collections of individual churches, lesser monasteries or individuals in the late Muscovite period tends to be more challenging.

My Viatka book would never have been possible without the experience I had gained as a beginner working in Russian manuscripts back in the 1960s and early 1970s. For to a considerable degree, the whole edifice of the book rests on careful codicological analysis of the one manuscript, although contextualized with reference to a great many other historical sources, many of them published by A. S. Vereshchagin, the pioneering founder of the regional historical society at the end of the 19th century. Granted, the work on the Tashkent manuscript is far from perfect, having been done in a library where there were none of the necessary reference works and from which I could not expect to obtain more than a few photographs of individual pages (microfilming the book was impossible).³¹ Having a second opportunity to examine it and flesh out my earlier notes was essential to the ultimate success of the project. This experience, of course, is a good reminder of the challenging conditions scholars working in regional libraries even within Russia may face. For all of the treasures of its collection, the Herzen Regional Library in Kirov lacks most of the important watermark albums; there is apparently a total void of reference works for anyone working on manuscripts owned by the local historical museum. If in Tashkent nowadays probably no one particularly cares about the small collection of Old Slavic books, in Kirov, where there is much more, people do care very much about their collections, but they are handicapped in being able to work with them properly. Even obtaining newer publications of standard scholarship from Moscow and St. Petersburg can be a challenge, since the collapse of the Soviet Union has meant the collapse of the system by which copies of important books were distributed to regional libraries at little or no cost.

I would like to think that my Viatka book is evidence that those early years of apprenticeship in the study of Muscovite manuscripts, inspired and encouraged especially by my Russian colleagues, have really borne fruit in ways that go beyond a somewhat uninspiring focus on solving little problems concerning texts and contexts or paper evidence. With a little luck, there will be yet at least one more book to come out of that early work, a study of the Muscovite acquisition of foreign news, on which I had hoped at one point to write a monograph, abandoned it, but then revived the project in collaboration with Ingrid Maier. That book is likely to look quite different from what it might have been, had it been completed in the 1980s,

³¹ My description of the Tashkent manuscript [Yo, 2003, c. 262–284] is much better than anything I had done for Keenan's book or my own monograph on the sultan's letters. That said, there are still many loose ends – texts needing proper identification, additional work on the watermarks, of which I at least provided some sketchy drawings, analysis and depiction of the various hands. I was able to use one of the other books known to have been in the same personal library of Semen Popov only via a partial xerox obtained from Kazan for me thanks to the efforts of S. M. Kashtanov and E. S. Smirnova.

since I find myself wanting to ask different questions of the texts and contextualize them in ways I would not have thought of then. The excursion out in to the Russian provinces to Viatka has had a lot to do with re-orienting and, somewhat ironically, broadening my thinking. I had always intended that the book on news place the Muscovite material in a comparative context of news acquisition and dissemination elsewhere in Europe. Now though, I can see how the Muscovite context itself has to be expanded beyond a discussion of the role of the Diplomatic Chancery in Muscovy's "Westernization." For the interest of some of the translated news reports and pamphlets can perhaps better be understood if situated with reference to popular belief in providential interpretations of history and miracle tales and popular religious practice (for example, icon processions and pilgrimage). Informal or "traditional" means of communication (including rumor and gossip), not just the "modern" institutions such as the press and postal system, continued to be extremely important.

So I have moved rather far from wanting to work within the paradigms of Solov'ev and Klyuchevsky and or in emulation of my Russian colleagues' studies of texts, where the focus was often on small problems in part (in Soviet conditions) because many possible larger theoretical and interpretive approaches had to be avoided. It is not as though the value of those scholarly traditions has diminished, for the principles of good scholarship on manuscripts and texts are essential for us to follow today and gradually are filling in the gaps in our knowledge of the sources. There is, however, the danger of remaining too attached late 19th-century historical-philological methods in an era when we need to ask new questions and broaden our perspectives if scholarship really is to move forward. Arguably I succeeded beyond any reasonable expectation in shaping my work according to Russian standards, which is why so much of it was readily published there at a time when relatively few foreign scholars were being published in Russia. From the perspective of today, this may all seem unexceptional, when there are collaborative projects, travel to international conferences is common, Western scholars are regularly published in Russian journals (and Russian scholars in Western ones) and their work widely cited (if in Russian translation). Even a short generation has witnessed remarkable change.

There was a downside to my modest success in that earlier era. The kind of work I found myself wanting to do was rather out of step with what was perceived as historical scholarship in American academia. To publish in a language other than English and in journals such as *TODRL* and *AE*, prestigious as they are in the Russian context, was not necessarily deemed a good credential when being assessed for promotion and tenure. As far as language is concerned, there really was no satisfactory way of reaching both scholarly communities. To publish in English meant that Russian colleagues might never read the work either because they could never get their hands on it or because they could not read the language. It was for that reason that I decided to write the Viatka book in Russian for publication in St. Petersburg, painful as the process was (it might in any event never had

been accepted by a Western publisher, given its subject matter). Even today, where most Russian scholars can and do interact openly with their Western colleagues, some of those doing the best work have but a limited command of English. Among Russianists outside of Russia, of course there is no language barrier to using Russian publications, though obtaining many of them that appear in small editions and in remote places can still be a challenge. It is imperative in the 21st century that all scholarship become readily available on the Internet.

A real problem in American academia arises when one's scholarship in a foreign language is to be evaluated by colleagues who are not in that field and may not read any language other than English. I had been very fortunate in 1972, the year I finished my dissertation, to obtain one of the two positions then advertised in the U.S. for a historian of pre-modern Russia.³² Understandably, few of my colleagues in my home departments could read my work, something which became important at the time promotion was being considered a few years later. Ironically perhaps, my chairman Donald Treadgold, who was a specialist on modern Russia and could read my publications, dismissed them as not being "history."³³ To write on codicology and watermarks and engage in the analysis and publication of obscure early Russian texts did not fit his concept of what a historian should do. I am not sure the situation would be much different nowadays at other academic institutions in the West, where Russian studies are increasingly seen as irrelevant, and, as my generation retires or dies, the few positions

³² My Harvard adviser, Robert Lee Wolff, whose work was widely known, undoubtedly wrote a strong letter of support for me. Also, it helped that I had participated in a summer Russian language program administered by Herbert Ellison in 1963. He was now a University of Washington historian. At the American Slavic Association convention in Denver in 1971, when the Washington appointment was seen as a possibility, Ellison arranged for me to have breakfast with him and two of my other future colleagues, Donald Treadgold and Peter Sugar. I was not even interviewed for the other position that had been advertised in 1972, at Indiana University, which hired Charles Halperin. The job at the University of Washington, where I would spend my whole career, was initially a one-year appointment to replace Marc Szeftel upon his retirement and thus did not require a full, formal interview process and campus visit (I was still in the USSR when hired). The intent had been to invite a historian of Poland for a year, but when that fell through, the department decided on the one-year appointment as a way of not losing the position entirely. When the decision then was made to continue the early Russia position, the department carried out a proper search in that first year I was on the job. It could well have decided then to hire someone else, as my initial efforts in teaching were not especially impressive.

³³ As history department chair, Treadgold overruled a strong departmental vote that should have promoted me a year ahead of the normal schedule. When my case came up in the following, mandatory review year, I think he was in fact disappointed that I turned down the offer I had received to become head of the Slavic Section of the Harvard University Library, a position I had applied for when uncertain of my tenure prospects. Ned Keenan's strong recommendation that accompanied my application for the Harvard position undoubtedly had a great deal to do with my receiving the offer there. In retrospect, I think Harvard would have been disappointed, as I would have had far too much to learn to have done the job well. My position at the University of Washington was complicated by my having a joint appointment in History and in International Studies (which meant voting on tenure and promotion was by two different groups of faculty with differing academic priorities). In my final years, I transferred half of my International Studies appointment to the Slavic Department, when I took over the teaching of their course on early Russian Literature and Culture. That is, at the time of my retirement, I was a member of three departments.

devoted to pre-modern Russia are disappearing. We are nearing the day when there will no longer be opportunities in the U.S. for Ph.D. training in pre-modern Russian history, or, for that matter, in many other areas of pre-modern history.³⁴

At least in retirement, I no longer worry about obtaining a job or about promotion reviews. I do have to be concerned though that what I write might be worth reading and that there still be audience among the handful of scholars who care as passionately as I do about topics of mutual interest. To the extent that anything valuable has come out of my work, I must acknowledge beyond my graduate mentors the inspiration and support I have received from my Russian colleagues, whose expertise is on a level that I still can but aspire to attain.

УДК 82-94 + 09 + 930

Даниель Уо

УВЛЕЧЕНИЯ ЮНОСТИ И К ЧЕМУ ОНИ ПРИВЕЛИ: АВТОБИОГРАФИЯ*

Статья является продолжением автобиографии видного американского исследователя, специалиста в области древнерусской книжности Даниеля Уо, которая нетривиально показывает сочетание личной судьбы и профессионального интереса. События жизни разворачиваются в контексте отечественной и зарубежной русистики, споров и дискуссий исторического и культурологического характера. Перед читателем открывается панорама советской и мировой гуманитарной науки, где противоречиво соединяются доброжелательность и научная объективность с идеологическим противостоянием и мелочными придирками. Прекрасное понимание людей, оценка их достижений делает воспоминания источником по характеристике состояния гуманитарной науки в напряженные годы «холодной» войны и в постсоветское время.

³⁴ With my retirement and that of Herbert Ellison, a 20th-century specialist, the history department was allowed to fill only one position, and the appointment went to a modernist. The UW Slavic department no longer has a specialist on early Russian literature. During my more than three decades at UW, I supervised only four Ph.D. dissertations in my field (and was an external member of the Ph.D. committee in one other case): Robert Croskey (who wrote on Muscovite diplomatic practice), David Das (on Andrej Ly'zlov's Skifskaya istoriya), Isolde Thyret (on women's religious life), Thomas Dykstra (on the Joseph of Volokolamsk Monastery), and Claudia Jensen (at Princeton in music history, writing on Nikolaj Dileczkij). At other universities, recent decades have seen the retirement or death of several prominent American early Russianists, among them Keenan, Robert Crummey, Richard Hellie, and Gustav Alef. In most such cases, they have not been replaced. Several of the best specialists on pre-modern Russia in the next generation teach at institutions where they have no opportunity to train graduate students in the field. News from Western Europe is not any more encouraging for the future of Russian studies, as whole programs are threatened.

* Начало статьи см.: Quaestio Rossica. 2014. № 2.

Замечательно показано, насколько пиетет к кропотливому научному труду и взаимоуважение коллег позволяют преодолеть конфликты и разногласия, какого бы генезиса они ни были.

Ключевые слова: советская гуманитарная наука; Пушкинский Дом; советские историки; рукописное наследие; древнерусская литература.

Интерес к рукописям и кодикологии волей-неволей привел меня к филигранологии (изучению водяных знаков), о которой я ничего не знал до приезда в Ленинград в 1968 г. Конечно, изначально моя заинтересованность была чисто практической, связанной с желанием использовать для датировки документальные свидетельства, но постепенно я начал углубляться в ее методологию. У меня не много публикаций по этой теме, если не считать довольно большого количества рецензий и критических отзывов на новые статьи русских и украинских ученых (в основном для периодического издания Международной ассоциации истории бумаги, International Association of Paper Historians). По сути, самое большое исключение – это длинная статья, опубликованная в журнале «Kritika», после того как я вернулся из Ленинграда, проведя там свой первый год. Возможно, судьба этой статьи намного лучше рецензии демонстрирует, как хорошие идеи могут исчезнуть практически без следа, если их опубликовать в малоизвестном издании в недоработанном виде.

Многие читатели знают «Kritika» в новом воплощении как солидный журнал, печатающий статьи и рецензии по истории России. Я напомним им, что предшественником этого издания был обзорно-критический журнал с подзаголовком «Review of Current Soviet Books on Russian History» («Обзор современных советских книг по истории России»), который печатался небольшим тиражом с оригинал-макета. Этот журнал основал Ричард Пайпс, выдающийся специалист по современной истории России, чтобы его гарвардские аспиранты могли получить опыт рецензирования и издания статей. Несомненно, работа для «Критики» была чрезвычайно важна во время моего обучения в аспирантуре. Мы делились друг с другом набросками рецензий, а затем встречались у Пайпса дома, где обсуждали их, перед тем как вносить исправления. В вопросе о том, будет ли рецензия напечатана, Пайпсу принадлежало последнее слово, и он настойчиво требовал, чтобы мы писали хорошо. Но во всем остальном редактирование было большей частью в наших руках. По крайней мере пару раз в конце учебного года все работавшие над журналом участвовали в пикнике на его «даче», которая располагалась на берегу озера на юге Нью-Хэмпшира. Может быть, у кого-то сохранилась фотография всей компании, сделанная в середине 1960-х гг. (у меня она потерялась). Довольно многие из этих людей впоследствии стали выдающимися специалистами по истории России и Восточной Европы и живут сейчас по всей Америке: это Роберт Уильямс, Даниель Филд, Макс Окенфасс, Эбботт Глисон, Уильям Розенберг, Джон Файн, Питер Кенез, Теодор Тарановски...

В 1970 г. мы решили издать специальный выпуск, посвященный вспомогательным дисциплинам, и я написал для него рецензию на советские работы по водяным знакам [Waugh, 1970]. Позже мне сказали, что моя статья была переведена на русский (возможно, Е. И. Маматовой) и находится в обращении в библиотеке им. Ленина среди старых книг, написанных специалистами в этой области¹. Впоследствии на мою работу обратили внимание советские филигранологи; одни ей восхищались, другие не соглашались с выводами и при этом, как правило, игнорировали одно из важных, на мой взгляд, предположений статьи. Также появился ее частичный перевод на немецкий; он был издан с введением Тео Джерарди, выдающегося специалиста по истории бумаги того времени, который высказался о значимости работы². Сутью моей статьи была в том числе критика «издания» водяных знаков в виде таблиц (при котором изображался не каждый водяной знак); этот широко распространенный в то время способ был предложен Сократом Александровичем Клепиковым, «главой» советской филигранологии. Но само по себе это не могло вызвать большого интереса. Я предлагал альтернативу, в определенном смысле предвосхищая будущее филигранологии, которое в полной мере не наступило до сих пор, по прошествии более чем 40 лет. Следуя за западными учеными, я предположил, что правильное измерение позволит получить числовые данные, которые можно будет использовать для сравнения известных водяных знаков с неизвестными. Таким образом, представив процесс в количественной форме, его можно сделать

¹ Как и Амосов (см. выше), Т. В. Дианова, специалист по водяным знакам из Государственного исторического музея в Москве, не согласилась с моими предположениями о важности точных измерений водяных знаков, хотя она не вполне поняла, что я имел в виду. См.: [Дианова] и мое резюме на английском, которое я написал в ответ на ее критику (опубл. в: *IPH Information*. 1977. N. F. Jhrg. 11. Nr. 3–4. S. 116). Ю. В. Андрушайтите, очевидно не читав моей статьи, сослалась на мои взгляды по крайней мере в тех пределах, в которых их объяснила (и опровергла) Дианова. См.: [Андрушайтите, 19876]. В других отношениях это полезный обзор литературы по обозначенному периоду.

² *IPH Information*. 1971. N. F. Jhrg. 5. Nr. 3. S. 62–66. Не считая Джерарди, единственный человек на Западе, который внимательно прочел мою статью, – это Джон Симмонс из Колледжа Всех Душ (Оксфорд). Он был уважаемым библиографом-славистом и приложил титанические усилия для перевода, надлежащего редактирования и издания значимых собраний русских водяных знаков. Симмонс написал мне два письма подряд, в которых выразил резкую критику в отношении моей работы (и в то же время высоко оценил ее). Для меня щедрой похвалой являются его слова: «Вы немного упускаете и лишь изредка промахиваетесь» (!) (Дж. С. Г. Симмонс – Даниелю Уо, 10 июля 1970). Он скептически относился к возможностям компьютеризации изображений водяных знаков, считая, что лучшая гарантия идентификации документов – опытный взгляд филигранологов (Дж. С. Г. Симмонс – Даниелю Уо, 11 июля 1970). Симмонс оценил мои замечания о важности филигранологических данных для изучения рукописей. К сожалению, эти замечания (как и работы других людей в данной области) не увидел Предраг Матеич, когда двадцать лет спустя в своей диссертации среди «новых» методологий предложил те же идеи, которые использовал при описании собрания рукописей монастыря Хиландар в Университете штата Огайо. Этим собранием он заведовал в течение долгого времени, и его описание обладает большой ценностью.

более точным и, во всяком случае, использовать для создания указателя изображений в базе данных. Но и это еще не все. Для верного сопоставления было необходимо иметь четкие изображения всех водяных знаков. Мне пришло на ум (возможно, потому, что я видел в газете статью на эту тему), что компьютерную систему сканирования, записи и извлечения данных отпечатков пальцев, разработанную ФБР, можно применить для филигранологии: в обоих случаях мы имеем дело с изображениями, которые содержат детали с индивидуальными характеристиками³. Конечно, подобно компьютеризации описаний рукописей, компьютеризация данных водяных знаков требовала таких совместных усилий, на которые у меня не было времени, а также значительного финансирования. Со временем в Советском Союзе мой интерес привел меня к тому, что можно назвать «научной» обработкой водяных знаков. Каштанов наряду с другими изучал, как можно использовать точные измерения, но затем стал подчеркивать важность данных иного рода для исследования бумаги в рамках кодологии⁴. Книга А. П. Богданова по основам филигранологии [Богданов] – это далеко не просто учебник для начинающих⁵. Помимо всего прочего А. П. Богданов предпринял серьезный статистический анализ, продемонстрировав, что измерения водяных знаков можно использовать для их распознавания и идентификации. В этом анализе он бегло ссылается на мою статью; не упомянув моих предложений по компьютеризации, он, однако, посвятил несколько страниц размышлениям о том, как важен этот процесс для будущих исследований водяных знаков. Насколько я знаю, работа Богданова не внесла значимого вклада в науку в области обучения правильному анализу водяных знаков, как и его новаторские идеи касательно будущего филигранологии. Что касается использования водяных знаков в качестве свидетельств при изучении русских рукописей, большее значение имела публикация ряда новых сборников, в том числе составленных в Государственном историческом музее (ГИМ) Т. М. Диановой и В. М. Загребиным: эти ученые работали в Публичке и создавали

³ Здесь я должен признаться: хотя моим профильным предметом в Йельском университете была физика, на самом деле я ничего не понимал в технических вопросах, связанных с этой темой. Не разбирался я и в математических моделях, демонстрирующих возможности оптического сканирования (в то время эта область еще только зарождалась). То, что я знал, почерпнуто из учебника, который я прочитал, стоя в книжном магазине «Harvard». (Вот такие маленькие грязные тайны скрывает «наука»!)

⁴ Его статьи издавались в «Записках Отдела рукописей ГБЛ» (вып. 38, 40).

⁵ Значительная часть книги является иллюстрацией того, как бумажные свидетельства используются для тщательного кодикологического анализа. В качестве примера приводится запись официального расследования смерти царевича Дмитрия в Угличе в 1591 г. Возникло множество споров насчет подлинности этого документа; Богданов делает вывод о том, что рукопись не отражает настоящих результатов расследования (и, скорее, была подделана по политическим причинам), и в попытке разрешить дискуссию он, несомненно, достигает большего, чем предыдущие исследователи. То, что этот обширный анализ скрыт в туманной (!) книге о водяных знаках, возможно, объясняет, почему Честер Даннинг (ученый, очень тщательно подходящий к работе) пропустил его, трудясь над своей большой книгой о Смутном времени.

тематические сборники водяных знаков, вырезая и вклеивая ксерокопии их разрозненных изображений, находящихся в различных собраниях⁶. Доступ к работам Загребина существует только в этой библиотеке, но зато в том самом читальном зале, где трудился ученый.

Как я недавно узнал, сейчас есть доступ онлайн к знаменитому собранию Брике, как и к базам данных по водяным знакам из нескольких особых собраний рукописей (хотя это рукописи не из России). Проводилась работа по развитию методики оптического распознавания водяных знаков, но, очевидно, этот проект заглох из-за недостаточного финансирования⁷. Вполне возможно, что в далеком 1970 г. я был слишком оптимистичен, полагая, что легко можно приспособить к этой задаче тогдашние технологии. Однако благодаря продвижениям в области оцифровывания, которые произошли за несколько десятилетий, безусловно, можно надеяться, что скоро станет возможным то, что я задумал уже тогда (хотя между моим несколько фантастическим видением и последними разработками нет ничего общего).

Одной из проблем, которая беспокоила меня при написании статьи в 1970 г., было то, что данные водяных знаков могут быть интерпретированы настолько неточно, что лишают состоятельности аргументы, основанные на этих данных и касающиеся даты создания рукописей. Эту же проблему поднял А. А. Амосов: в своей статье 1981 г. он пронизательно говорит о том, что необходимо более строго пользоваться терминологией, а также о важности более четкой методологии в области учета и описания водяных знаков [Амосов]. Он с одобрением процитировал «жесткую, но полностью оправданную критику», которую я высказал в своей статье 1970 г. Также он процитировал примеры, которые я привел в более поздней работе: ими я хотел проиллюстрировать, как ошибались те, кто пытался опровергнуть «Апокрифические сочинения Курбского – Грозного» Эдварда Кинана, исходя из водяных знаков, присутствующих в рукописях, известных в то время [Waugh, 1977].

Здесь я позволю себе краткое отступление и расскажу об этой второй статье, которую я написал для международной конференции славистов, проходившей в 1974 г. в Банфе, для заседания, посвященного книге Кинана. Когда эта книга вышла, Сергей Зеньковский в одной из первых рецензий решительно заявил, что мои утверждения

⁶ Загребин трагически умер, не дожив до 62 лет, «на самой вершине жизни и творческой энергии». Он возглавлял секцию древнерусской литературы отдела редких книг в Публичке и на протяжении нескольких лет как преемник своего старшего коллеги Н. Н. Розова вел курс по славянской палеографии в Санкт-Петербургском университете. Создал множество описаний, которые вошли в национальный каталог раннеславянских рукописей, и принимал активное участие в проекте по описанию Погодинского собрания. В некрологе Загребина особое внимание обращалось на его работу по составлению каталогов водяных знаков. См.: [Бобров, Рождественская].

⁷ Информацию и ссылки можно найти по адресу: <http://www2.warwick.ac.uk/fac/arts/ren/projects/publications/lima/paper/describing/databases/> (дата обращения 26.06.2012). Обмен электронными письмами с одним из ведущих участников проекта (перешедшим на другую должность) подтвердил, что работа в этом направлении прекратилась.

о датировке рукописей неверны. Я навлек на себя подобное обвинение, признав, что, несомненно, у меня намного меньше опыта, чем у моих выдающихся русских предшественников, которые работали с этим материалом. В статье 1974 г. я сопоставил изображения водяных знаков, чтобы подтвердить важнейшие датировки. Инге Ауэрбах, одна из тех, кто упорно критиковал Кинана, также выступала на конференции в Банфе. В своей статье она ответила на мою, заявив, что указанные водяные знаки вполне могут относиться к намного более раннему документу. Однако из ее примеров было ясно, что она плохо разбирается в данном вопросе. Амосов поддержал меня, хотя, бесспорно, у него были другие причины спорить с Кинаном; он согласился, что зачастую, приводя документальные свидетельства, ученые плохо представляют, что значит «подлинность» и «сходство». А он определенно это понимал, будучи настоящим специалистом в этих вопросах, в отличие от Зеньковского и Ауэрбах.

Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков выпустили новое издание переписки Курбского и Грозного, чтобы опровергнуть доводы Кинана (по крайней мере отчасти такова была их цель). Одно из достоинств этого издания состоит в том, что авторы не придают документальным свидетельствам большего значения, чем те заслуживают. Лурье и Рыков подробно описывают рукописи, среди которых есть много ранее не описанных. Авторы ссылаются на мои данные наряду с данными других исследователей. Но при этом не говорится, что необходимо изменить датировку рукописей и отнести их к XVI в. Картину изменило открытие, которое позже сделал Б. Н. Морозов: он обнаружил ранее неизвестный список первого письма Курбского, который, возможно, был создан примерно на двадцать лет раньше, чем все другие рукописи, и относится не ко времени жизни предполагаемых корреспондентов, а примерно к 1600 г. [Морозов]⁸. Кинан отнесся к этому открытию скептически, что понятно: старая бумага может лежать без дела, а почерки переписчиков зачастую долго не меняются и вводят в заблуждение своей мнимой архаичностью. Я, напротив, поддерживаю утверждение Морозова о раннем создании данной рукописи. Конечно же, само по себе открытие Морозова не доказывает, что Кинан был совершенно не прав; скорее ставится под вопрос конкретный сценарий создания переписки, изложенный им в книге. Впоследствии Кинан привел дополнительные объяснения, которые вписывают новые рукописные свидетельства в общую картину, но и не подрывают его сомнения в «подлинности» писем. Рукописи периода Московского государства, которые до сих пор плохо описаны, преподнесут еще много неожиданностей, но мне кажется, что филологические

⁸ Морозов, признавая, что А. А. Амосов помогал ему идентифицировать водяные знаки, замечает, что на некоторых листах с текстом письма знаки неясны и что, должно быть, листы были соединены беспорядочно. Однако бумага и почерк позволяют отнести рукопись к концу XVI в. Говоря о «свите» работ, окружающих это письмо, Морозов наряду с другим материалом ссылается на мою книгу об апокрифических письмах султана.

свидетельства, которые позволят доказать или опровергнуть авторство Курбского и Ивана Грозного, никогда не появятся. Для большинства из нас филигранология, несомненно, является лишь «вспомогательной» дисциплиной, хотя, как мне кажется, ее недооценивают.

Здесь я мог бы добавить сноску и написать, что я все-таки встретился с Сократом Александровичем Клепиковым в его московской квартире (по-моему, тогда ему было под восемьдесят, и жить ему оставалось недолго). Он был очень любезен и совершенно не обижался на мою критику (которую он в любом случае не принимал). Оглядываясь назад, я думаю, что был слишком категоричен, ставя под сомнение ценность табличного метода Клепикова. В сущности, годами у меня не было иного выбора, кроме как использовать его таблицы для описания часто встречающихся водяных знаков (например, «шутовского колпака» и «герба Амстердама»). Но я осознавал, что возможности точной датировки при этом методе ограничены. Когда Сократ Александрович умер, Джон Симмонс спросил, не мог бы я написать некролог, но я отказался, потому что просто-напросто недостаточно знал о его карьере⁹. Один из долговечных вкладов Клепикова в российскую филигранологию и изучение рукописей состоял в том, что он завещал свою большую библиотеку альбомов с водяными знаками и западной литературы по ним Отделу рукописей Ленинградской библиотеки РАН. Для советских хранилищ было почти невозможным получить такие дорогие книги, но некоторые из них были необходимы для надлежащего собрания справочных материалов¹⁰.

Любопытна судьба еще одной моей большой рецензии, примерно того же времени, что и статья о водяных знаках. Во время работы над диссертацией я изучал рукописи московской газеты «Куранты» (в которой издавались переводы и краткие изложения иностранных новостных текстов), поэтому меня очень заинтересовало появление в 1972 г. первого тома, в котором были опубликованы эти тексты (проект вылился в многотомный труд, и тексты издаются до сих пор). Я поговорил с одним из редакторов о «Курантах», и она подарила мне экземпляр книги. Я написал на нее рецензию для журнала «Kritika», где предло-

⁹ Тогда Симмонс написал о Клепикове в два издания: «The Book Collector» и «IPN Information». Большую и теплую статью о нем написала М. В. Кукушкина [Кукушкина]. В статье Ю. В. Андрушайтите заслуги Клепикова оцениваются несколько странно: автор сосредотачивает внимание главным образом на его вкладе в библиографию филигранологии и недостатках его подходов [Андрушайтите, 1987а]. В завершение статьи Ю. В. Андрушайтите выражает надежду, что кто-нибудь продолжит дело Клепикова, но, насколько я знаю, этого не произошло.

¹⁰ В 1969 г. я передал Отделу рукописей ГИМ несколько важнейших альбомов водяных знаков, изданных обществом «Paper Publications Society», а Публичке – многотомный справочник инципитов из греческих рукописей, написанный Фоллиери. Но в обмен я смог получить необходимые мне микрофильмы рукописей. Русским ученым, не имевшим подобного «рычага», часто были недоступны микрофильмы рукописей в ГИМ, которым в то время управляла железной рукой грозная Марфа Вячеславовна Щепкина. Я даже наблюдал один из редких случаев, когда она улыбалась: она только что вернулась из посольства Болгарии, где ее наградили орденом «Святые Кирилл и Мефодий» за работу над раннеславянскими рукописями.

жил несколько серьезных улучшений, которые можно было учесть в последующих томах. Редакторы не всегда располагали страницы рукописей в правильном порядке; неверным был замысел помещать тексты хронологически, по дате издания; необходимо было расширить границы материала, который можно было по праву включить в издание; и в идеале вместе с русскими переводами следовало печатать все западные источники, которые можно найти [Waugh, 1973]. Я отослал рецензию в Москву, где ее вежливо приняли¹¹ и должным образом опубликовали в последующем номере, но рекомендации были проигнорированы. Однако много лет спустя в Упсале мою рецензию заметила Ингрид Майер, начавшая исследовать тексты «Курантов»; в результате между нами завязалась переписка, и в конце концов мы стали вместе работать над проектом книги (который еще не завершен). Для этой работы сразу же после выхода в отставку я уехал в Швецию, где провел два приятных года¹². Более того, теперь, после смерти человека, который долгое время был редактором московской серии «Курантов», Майер участвует в подготовке новых томов, и, наконец, принимаются во внимание некоторые предложения, которые я сделал несколько десятилетий назад¹³.

Многое было сделано в описании раннеславянских рукописей с 1972 г., когда на Тихомировских чтениях Лихачев заявил, что эта область развивается медленно. К тому же результаты очень неравномерны. В XIX в. многие описания, которые до сих пор высоко ценятся за подробную идентификацию текстов, составили люди, обладавшие глубочайшими знаниями православной религиозной литературы (некоторые из них были служителями церкви). Сейчас намного сложнее найти специалистов, хорошо подготовленных как в этой, так и в других необходимых областях. Как указывали Лихачев

¹¹ Антонина Ивановна Сумкина – Даниелю Уо, 12 декабря 1973 г. Годом ранее (до рецензии) я прислал ей экземпляр раздела моей диссертации, посвященного «Курантам», и сослался на классический справочник по немецким газетам XVII в., что было очень важно для этого проекта. (Даниель Уо – А. И. Сумкиной, 10 октября 1972 г.).

¹² На сегодняшний день работа над этим проектом привела к публикации двух статей совместно с профессором Майер: «How Well Was Muscovy Connected with the World?» («Насколько сильна была связь Московского государства с миром?»), см.: [Maier, Waugh, 2009]; «“The Blowing of the Messiah’s Trumpet”: Reports about Sabbatai Sevi and Jewish Unrest in 1665–1667» («“Трубный глас Мессии”: Сообщения о Шабтае Цви и еврейских волнениях 1665–1667 гг.»), см.: [Maier, Waugh, 2010]. Более того, я опубликовал статью «News Sensations from the Front: Reportage in Late Muscovy concerning the Ottoman Wars» («Сенсации с фронта: репортажи об Османских войнах в позднем Московском государстве»), см.: [Waugh, 2008].

¹³ «Вести-Куранты 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.» (в 2 ч. М., 2008–2009); во второй части содержатся все иностранные источники, которые Ингрид Майер с большим трудом удалось найти в различных европейских собраниях. Конечно же, раньше советские ученые не смогли бы провести настолько тщательную работу отчасти из-за отсутствия средств, чтобы посетить места хранения всех собраний, отчасти из-за незнания необходимых языков. Помимо этой особенности издания Степан Шамин, еще один редактор-составитель, написал объемное введение к первой части, в котором исправил некоторые кодикологические и хронологические недочеты; они были допущены из-за того, что В. Г. Демьянов, долгое время работавший в качестве редактора, упрямо придерживался подхода, который был установлен в первом томе серии. В следующем томе, который готовят Шамин и Майер, этих недочетов не должно быть совсем.

и другие, эта проблема особенно обостряется, когда дело касается каталогизирования рукописных собраний в российской провинции: там бывает трудно даже просто найти тех, кто умеет читать московскую скоропись¹⁴. В таких обстоятельствах появляются совершенно разные описания: от скрупулезных работ по некоторым из интереснейших сборников из собрания Кирилло-Белозерского монастыря [Каган, Поньрко, Рождественская] до поверхностных дополнений к классическому подробному каталогу собрания Синодальной библиотеки, который был составлен в XIX в. А. В. Горским и К. И. Невоструевым [Описание рукописей]. Сейчас есть первые части «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг» [Сводный каталог, 1984, 2002]. Как я уже писал, вышел каталог по южнославянским рукописям из Погодинского собрания, составленный Климентиной Ивановой, но остальная часть собрания не описана еще и наполовину. Есть еще много работ, но количество не описанных в печати собраний огромно. Появляются также описания собраний, хранящихся не в России, но результаты этой работы неупорядочены, а будущее неопределенно. У нас есть каталог рукописей из британских собраний, который следовало издать уже давно; он составлен Ральфом Клеминсоном, и в нем довольно много неточностей¹⁵. Существует также проект по описанию рукописей из шведских собраний, но у его создателей не хватает ни времени, ни денег, и неясно, будет ли эта работа завершена надлежащим образом¹⁶. Все еще нет должного описания ранней литературы о славянах, содержащейся в американских библиотеках.

Несомненно, из-за того, что наши знания о славянских рукописных собраниях ограничены, в этой области еще долго будут совершаться открытия как значительные, так и довольно банальные. Мы наблюдаем поток хороших изданий важнейших работ, давно известных, но не опубликованных надлежащим образом. Более того, даже в случае с собраниями, которые хорошо известны хотя бы описанием своего содержания, и с текстами, изданными давно, могут открыться новые возможности благодаря переоценке рукописей и тщательному анализу их палеографических и кодикологических особенностей. В целом я убедился, что ученые, по чьим стопам я шел, делая первые попытки в изучении рукописей, щедро делились со мной информацией о неизвестных мне текстах и списках; в этот период я часто совершал противоположные ошибки. В одном случае мне было неудобно, что я не понимал, какой потенциальный интерес представляет текст, пока мне на это не указали; в другом я издал как «неопубликованный»

¹⁴ См., например: [Амосов, Колесников, особ. с. 165].

¹⁵ Я положительно отозвался об этой работе в рецензии [Waugh, 1990]. Более подробную оценку см. в рецензии У. Р. Ведера (W. R. Veder) в журнале «The Slavonic and East European Review» (1990, vol. 88, no. 3, p. 521–523).

¹⁶ Надеюсь, я не слишком вольно интерпретирую личное письмо на эту тему, полученное мной в июне 2012 г. от Александра Пересветова-Мурата, одного из участников проекта.

текст, который на самом деле уже был отредактирован и вышел двумя годами ранее, о чем я не знал¹⁷.

Если продолжить копаться в хранилищах рукописей, можно существенно улучшить ранее написанную работу; пример этого – довольно большой массив текстов, содержащих апокрифическую переписку османского султана (ей посвящена глава моей диссертации, которая затем расширилась до монографии)¹⁸. Когда я проводил это исследование, важнейшим источником информации для меня были статьи Марины Давидовны Каган-Тарковской. Я нашел дополнительные тексты и списки уже известных, и в результате, когда моя книга появилась, она была самым полным обзором данного материала. Лишь в последние несколько лет дальнейшая работа в архивах правительства Московского государства (РГАДА) позволила обнаружить новые списки, и среди них – оригиналы переводов, сделанных в Приказе тайных дел (ранее я установил, что представляют собой эти тексты, на основе более поздних рукописей)¹⁹. К тому же благодаря исследованию западных собраний древних книг (на такую тщательную работу я не был способен) были точно установлены неизвестные мне источники других переводов периода Московского государства, которые я рассматривал²⁰. Многие из этих открытий лишь подтверждают сделан-

¹⁷ В первом случае я имею в виду мою статью [Уо, 1972]. Я столкнулся с этим текстом в 1969 г., не понимая, что ранее он был неизвестен. А. А. Зимин, которого привела к нему сделанная мной в книге Кинана неявная ссылка и который знал, что ранее этот текст не издавался, сообщил мне об этом, помог достать полный его экземпляр (который я не скопировал) и великодушно предоставил мне его опубликовать по предложению С. О. Шмидта. Второй пример – это статья «Two Unpublished Muscovite Chronicles» («Две неизданные летописи периода Московского государства») [Waugh, 1979b]. Двумя годами ранее В. И. Корецкий опубликовал вторую из них, но я узнал об этом, только когда моя статья уже редактировалась. В его работе много ценнейших исторических комментариев, но, мне кажется, в моей статье все же есть полезные сведения о тексте и о происхождении рукописи. Статья В. И. Корецкого называется «Бездинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова» [Корецкий].

¹⁸ Это книга «Вызов Великого турка» [Waugh, 1978]. Важное дополнение к ней – статья, которую я опубликовал ранее; в ней раскрывается текстуальная история переписки султана с казаками, которую в конце XIX в. увековечил в своей картине Илья Репин. Статья называется «On the Origin of the “Correspondence” between the Sultan and the Cossacks» («О происхождении “переписки” между султаном и казаками») [Waugh, 1971]. Я утверждал, что эти письма входят в европейскую традицию переводных апокрифов и, возможно, возникли не среди казаков, хотя в более поздних вариантах они, безусловно, «украинизировались». Учитывая то, что эта статья была напечатана в малоизвестном издании, к ней обращаются реже, чем к книге (которая есть даже в некоторых российских библиотеках и доступна тем, кто может читать по-английски). Например, первая не упоминается в другой часто цитируемой статье, посвященной переписке казаков: [Friedman]. Похоже, моя статья прошла мимо многих, кто все еще хочет верить, что романтизированные тексты XIX в. – это «подлинные» произведения, в которых воплощается дух бунтарей-казаков.

¹⁹ См., например: [Майер, Шамин; Maier, 2006].

²⁰ См.: [Maier, 2008]. Здесь устанавливаются источники переводов на славянские языки памфлетов о лжемессии Шабтае Цви, изданных в 1660-е гг. Я первым опубликовал тексты «Курантов» о Шабтае Цви в статье «News of the False Messiah: Reports on Shabbetai Zevi in Ukraine and Muscovy» («Новости о лжемессии: сообщения о Шабтае Цви в Украине и Москве» [Waugh, 1979a]. Сейчас эти тексты переизданы вместе с первоисточниками в новых томах «Вестей-курантов».

ные мной более общие выводы, но некоторые предполагают, что оригиналы и переводы определенных текстов представляют значительно больший интерес, чем я думал ранее. Несомненно, все это обычное развитие науки: немногие исследования являются настолько исчерпывающими, что их невозможно пересмотреть и усовершенствовать.

Часто кажется, что открытия совершаются не только благодаря упорству и скрупулезности: роль могут сыграть также случайность и интуиция. Ученый ищет одно, находит это или нет и натывается на что-то другое. Примерно так я и начал изучать культурную историю Вятки (Хлынова) конца XVII – начала XVIII в.: я и не предполагал, что эта тема может меня заинтересовать. Но история Вятки тесно связана с моим предыдущим исследованием; это объясняет, как я наткнулся на эту тему и каким образом смог над ней работать. Изучая апокрифические письма, я увидел ссылку на рукопись, в которой они содержатся; ее местонахождение было неизвестно с 1918 г. (по крайней мере так казалось)²¹. Выдающийся ученый К. В. Харлампович использовал эту рукопись в Казани и в 1918 г. опубликовал тексты из нее; но затем она исчезла. В середине 1970-х находившийся в командировке в Центральной Азии А. И. Мазунин вновь обнаружил рукопись в Ташкенте. Он довольно подробно ее описал, не зная, что это та же книга, которой когда-то пользовался Харлампович²².

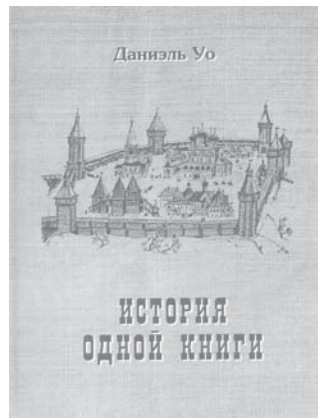
В 1991 г. мне удалось побывать в Ташкенте; я поехал в Центральную Азию, во-первых, чтобы принять участие в экспедиции по альпинизму, а во-вторых – чтобы представить исторический факультет Вашингтонского университета в ходе обмена с историческим факультетом Ташкентского университета. Я прочитал мини-курс по царской России неблагоприятной аудитории из двух студентов, которые не собирались серьезно работать. У меня было время, и я пошел в Национальную библиотеку, чтобы попытаться найти эту и некоторые другие рукописи, описанные Мазуниным. Я не ожидал, что что-то выйдет из материала, который я рассматривал с точки зрения диссертации, написанной мной двадцать лет назад (и я не планировал возвращаться к этой теме). Найти книгу оказалось сложной задачей, потому что собрание было заново пронумеровано, и библиотекарь, несмотря на готовность мне помочь, совершенно не знал, где искать. В конце концов я нашел ее в старой инвентарной описи, провел некоторое время за изучением рукописи, скопировал несколько текстов и записал информацию, которой должно было хватить, чтобы дополнить описание Мазунина. Вернувшись домой, я засунул все это в папку и почти забыл о рукописи. Когда мне предложили написать статью для юбилейного сборника в честь Неда Кинана, я принялся читать

²¹ См. мое описание данной рукописи в «Вызове Великого турка» [Waugh, 1978, p. 275–276].

²² Я не знал об описании Мазунина, которое вышло за год до появления моей книги, и в любом случае не мог связать Ташкентскую рукопись с той, что была в Казани.

свои записи в поисках темы²³. Я обнаружил не только свидетельства происхождения книги (Хлынов), но и то, что она содержит важные сведения об истории местного летописания. Я узнал, в какой степени это типичное русское «болото» (позднее подобным словом город увековечил Салтыков-Щедрин) было связано с остальным миром, и многое другое. Один большой сборник сам по себе являлся библиотеккой, и можно было установить его владельца-составителя: им был рязнический Семен Попов.

Начиная исследовать этот материал, я стал шире смотреть на приемы интерпретации, которые использовал в прошлых работах. Я хотел не просто поддержать взгляды традиционной историографии на то, что неуклонное движение Московского государства к «современному миру» началось с XVII в. и ускорилось во времена Петра I, – я начал задумываться, не нуждаемся ли мы в более детальном подходе²⁴. Тогда я в какой-то степени начинал сомневаться и во всей системе

интерпретации, в рамки которой я поместил такие тексты, как переводные апокрифические письма. Я стал утверждать, что Вятка была не бóльшим «болотом», чем остальная часть России в Петровскую эпоху; но в то же время она не могла сравниться с остальной частью страны по «современности»²⁵. Несомненно, это был уже другой вопрос: насколько анализ, основанный преимущественно на одной книге, может потребовать пересмотра традиционных правил историографии; впоследствии один из моих рецензентов верно на это указал [Marker].

²³ Моя статья для этого сборника называется «Anatolii's Miscellany» – Its Origins and Migration» («Анатольевский сборник» – его происхождение и его странствия» [Waugh, 1995].

²⁴ См. мое изложение этого взгляда (слегка перегруженное подробностями) «We Have Never Been Modern: Approaches to the Study of Russia in the Age of Peter the Great» («Мы никогда не были современными: Подходы к изучению России эпохи Петра Великого») [Waugh, 2001]. В эту статью можно было бы включить намного больше литературы по модернизации – некоторые ключевые работы не вошли в область моего рассмотрения. Но я всегда отстаивал основные выводы статьи (несмотря на возражения Джеймса Кракффта).

²⁵ Моя работа называется «История одной книги: Вятка и «не-современность» в русской культуре Петровского времени» [Uo, 2003]. Я написал ее черновик по-русски, но она бы никогда не вышла, если бы не существенная помощь в редактировании, оказанная Марией Кожевниковой (которая в то время была кандидатом экономических наук в Вашингтонском университете), и профессиональное редактирование для издательства, которым затем занималась Ольга Новикова, опытный специалист по московским летописям. С. М. Каштанов в рецензии на книгу критически отозвался об использовании термина «не-современность» как эквивалента слова «non-modernity» (которое само по себе является неологизмом). Однако в то время, когда издавалась книга, для русского языка еще не было характерно просто транскрибировать иностранный термин «modern» в различных формах.

Работая над книгой из Вятки, я смог впервые посетить это место – открыть богатства вятской библиотеки и архивных собраний и получить представление о местных культурных и интеллектуальных традициях. Думаю, благодаря всему этому я переосмыслил вопрос о том, что действительно важно в русской культуре: слишком часто ее история рассказывается с точки зрения центра, а не регионов. Сейчас наконец все больше ученых отдают должное регионам. Одним из испытаний, с которыми сталкивались западные ученые в советское время, было получение доступа. Киров (некогда Хлынов/Вятка) был закрытым городом. Я приехал туда в первый раз в 1996 г. на конференцию, которая именовалась международной благодаря тому, что среди 200 участников было около полудюжины иностранных ученых. Прием и атмосфера показались мне очень вдохновляющими; по крайней мере один из моих американских коллег, который впоследствии сообщал о ходе конференции, нашел ее, мягко говоря, «провинциальной»²⁶.

Ташкентская рукопись содержала до этого неизвестный вариант «пратекста», лежащего в основе летописи, которая долгое время считалась древнейшей в истории Вятки [Уо, 1997а]²⁷. То, что я пересмотрел этот, очевидно, наиболее ранний период написания истории города, затем привело меня еще к одной рукописи, входящей в собрание Ф. А. Толстого в Санкт-Петербурге, которую я ранее не изучал. Эта рукопись содержит «авторскую версию» другой ранней вятской летописи и, несомненно, использовалась вятским ризничим Семеном Поповым²⁸. Более того, это исследование привело меня к пересмотру истории знаменитого местного крестного хода, в котором использовалось изображение св. Николая. Это событие лежало в основе растущего чувства территориальной идентично-

²⁶ Дэвид Голдфранк написал об этом в статье для журнала «Newsletter of the Early Slavic Studies Association» (1997, vol. 10, no. 1, p. 3) (там же он неверно изложил содержание моего доклада, хотя это и не очень важно). Ср. мое намного более воодушевленное описание поездки: [Waugh, 1997]. Несколько лет спустя я опубликовал еще одно сообщение о своих впечатлениях в этом же издании – я вернулся в Киров, чтобы сделать «презентацию» моей книги в Областной библиотеке им. Герцена, и провел некоторое время с группой студентов в Лальске, городке к северу от Кирова [Waugh, 2004a]. Краткий доклад, написанный для конференции, я завершил многозначительным риторическим вопросом: нельзя ли назвать «провинциальными» США? См. мою статью: [Уо, 2011]. Я в долгу у В. Г. Воиной-Лебедевой за то, что она отредактировала мой русский текст и представила его на конференции в Тобольске.

²⁷ Статья была переиздана как: [Уо, 1997б]. Алексей Мусихин продолжает исследовать ранние вятские летописные тексты и, работая в Кировском областном архиве, заново обнаружил списки, которые использовались для публикации этих текстов в XIX в., но затем исчезли. Вероятно, Мусихин сделает новое авторитетное издание. Однако у меня нет причин полагать, что это изменит мои основные выводы касательно текста, найденного мной в Ташкенте.

²⁸ Этот текст, так называемый «Летописец старых лет», приложен к списку «Хронографа 1617 года»; в этом варианте текста отчетливо проявляются особенности, присутствующие и в работах, составленных в Хлынове (шифр рукописи: РНБ Ф.IV.219 [ранее в собрании Толстого – И. 218]). Я рассматриваю данный текст и иллюстрирую разные почерки, которые в нем встречаются, в: [Уо, 2003, с. 144–159], а также привожу критическое издание: [Там же, с. 320–331].

сти, и о его почитании говорится в тех ранних летописях²⁹. История крестного хода, который был запрещен в советское время, но с распадом Советского Союза возродился, до сих пор нуждается в дальнейшем исследовании. В обзоре свидетельств я предполагаю, что почитание иконы (а возможно, и само ее существование) началось в XVI в. – значительно позже, чем обычно считалось. Но это общепринятое мнение связано с народной верой, которая поддерживается церковью и которую едва ли могут ниспровергнуть научные доводы, особенно выдвигаемые иностранцем. Еще одна интересная особенность вятского материала – это поднимаемые им вопросы о содержимом местных библиотек: еще предстоит провести большую работу, чтобы восстановить содержание собраний, которые оказались разбросаны по всему миру, особенно в XIX и XX вв. Как я уже говорил, одно дело – восстанавливать собрания главных монастырских библиотек, но намного более сложная задача – изучать те, которые принадлежат отдельным церквям, небольшим монастырям и частным лицам.

Я бы никогда не написал книгу о Вятке, если бы не опыт, который я получил, еще только начиная работать над русскими рукописями в 1960-х – начале 1970-х гг. В значительной мере вся книга строится на тщательном кодикологическом анализе единственной рукописи, хотя она помещается в контекст множества других исторических источников; многие из них были изданы А. С. Верещагиным, в конце XIX в. основавшим областное историческое общество. Честно говоря, моя работа по ташкентской рукописи далека от совершенства: в библиотеке, где я ей занимался, не было ни одного из необходимых справочников, и мне удалось получить лишь несколько фотографий отдельных страниц (сделать микрофильм книги было невозможно)³⁰. Чтобы проект в конце концов удался, мне понадобилось еще раз изучить рукопись и расширить заметки, которые я сделал ранее. Этот случай, конечно же, напоминает о том, с какими трудностями могут столкнуться ученые, работая в областных библиотеках даже на территории России. Несмотря на всю ценность собрания, которым обладает Кировская областная библиотека имени Герцена, в ней нет большинства важных альбомов с водяными знаками; очевидно, полностью отсутствуют справочники, необхо-

²⁹ См.: [Waugh, 2004b]; краткое резюме этой статьи на русском: [Уо, 2004]. Части этого материала касается и моя статья [Уо, 2006].

³⁰ Мое описание ташкентской рукописи [Уо, 2003, с. 262–284] намного лучше всего, что я написал для книги Кинана и своей собственной монографии о письмах султана. Тем не менее в ней много недочетов: необходимо должным образом идентифицировать тексты, более подробно изучить водяные знаки (что я сделал хотя бы схематично), проанализировать и изобразить различные почерки. Благодаря усилиям С. М. Каштанова и Е. С. Смирновой мне удалось использовать книгу из той же личной библиотеки Семена Попова, где хранилась ташкентская рукопись: они помогли мне получить из Казани ее частичную ксерокопию.

димые тем, кто изучает рукописи, хранящиеся в местном историческом музее. В Ташкенте сейчас, возможно, не придают особого значения небольшому собранию книг на старославянском; в Кирове же, где материала намного больше, люди относятся к нему с большим вниманием, но лишены возможности должным образом его изучать. Трудным может быть даже получение свежих изданий классических работ из Москвы и Санкт-Петербурга: с распадом Советского Союза разрушилась система, благодаря которой важные книги распределялись по местным библиотекам за небольшую цену или бесплатно.

Хотелось бы думать, что моя книга о Вятке доказывает, что молодые годы, которые я провел, участвуя в работе над московскими рукописями, вдохновленный русскими коллегами, принесли настоящие плоды. И что эти плоды – не просто внимание к решению мелких задач относительно текстов, контекстов и документальных свидетельств. Если обстоятельства будут складываться благоприятно, мои первые исследования дадут жизнь еще по крайней мере одной книге. Эта книга будет посвящена тому, как в Московское государство попадали зарубежные новости; одно время я надеялся написать монографию на эту тему, отказался от проекта, но затем возродил его, сотрудничая с Ингрид Майер. Вероятно, это уже будет совершенно иная книга, чем могла бы быть, если бы я завершил ее в 1980-е: сейчас мне хочется задать другие вопросы о текстах и поместить их в такие контексты, о которых я тогда бы и не подумал. Благодаря поездке в Вятку я поменял свои приоритеты и – что звучит иронично – расширил кругозор. Раньше, думая о книге про новости, я хотел сопоставить московский материал с тем, как они появлялись и распространялись в других европейских странах. Но сейчас вижу, что сам московский контекст необходимо вывести за пределы обсуждения той роли, которую играл Посольский приказ в «европеизации» страны. Интерес, который представляют некоторые переводы новостей и памфлетов, можно лучше понять, принимая во внимание, что в народе история и сказки связывались с провидением, а также помня про народные религиозные обряды (например, крестные ходы и паломничество). Значение имели не только такие «современные» институты, как пресса и почта; неформальные, или «традиционные», способы общения (в том числе молва и сплетни) сохраняли свою важность.

Таким образом, я довольно далеко отошел от желания работать в рамках парадигм Соловьева и Ключевского, руководствуясь тем, как изучали тексты мои российские коллеги. В своих исследованиях они обращали внимание на мелкие проблемы; это отчасти объяснялось тем, что в советских условиях ученые были вынуждены избегать многих более масштабных теоретических и интерпретационных подходов. Я не хочу сказать, что ценность этих научных традиций

уменьшилась: сегодня необходимо следовать принципам качественного изучения рукописей и текстов, и благодаря соблюдению этих принципов постепенно заполняются пробелы в нашем знании источников. Однако существует опасность, что ученый останется слишком привязан к историко-филологическим методам конца XIX в., в то время как в современную эпоху необходимо задавать новые вопросы и расширять горизонты, чтобы двигать науку вперед. Вероятно, вопреки всяким разумным ожиданиям мне удалось оформить свое исследование в соответствии с русскими стандартами, вот почему столько моих работ было издано в России в то время, когда зарубежных ученых там публиковали относительно мало. Сегодня может показаться, что во всем этом нет ничего особенного: теперь существуют совместные проекты, часто проводятся международные конференции, западные ученые постоянно печатаются в русских журналах (а русские – в западных) и на работы первых часто ссылаются, если они переведены на русский. Даже за такой короткий период произошли потрясающие изменения.

У моего скромного успеха в те молодые годы была и обратная сторона. Исследования, которыми я хотел заниматься, не соответствовали тому, что в Америке считалось исторической наукой. Если ученый публиковал статьи не на английском языке в таких престижных в России журналах, как «ТОДРЛ» и «Археографический ежегодник» («АЕ»), это не всегда служило аргументом для его повышения и назначения на должность преподавателя. Что касается языка, не существовало способа удовлетворить оба научных сообщества. Если вы издавали статью на английском, ваши русские коллеги могли ее никогда не прочитать, потому что не смогли бы ее достать или потому что не знали языка. Именно поэтому я решил писать книгу о Вятке на русском, чтобы ее напечатали в Санкт-Петербурге, хотя это далось мне с большим трудом (западные издатели в любом случае могли не принять эту работу из-за темы). Даже сегодня, когда большинство русских ученых свободно сотрудничают со своими западными коллегами, некоторые из лучших российских исследователей плохо говорят по-английски. Конечно, у зарубежных русистов нет языкового барьера, который бы мешал им пользоваться публикациями на русском, но получить их все же бывает трудно: многие издания выходят маленькими тиражами и в отдаленных городах. В XXI в. необходимо, чтобы все научные работы были доступны через Интернет.

Самая настоящая проблема в американском научном сообществе возникает, когда работу на иностранном языке должны оценивать те, кто не занимается данной областью и не знает ни одного языка, кроме английского. Когда я закончил свою диссертацию в 1972 г., мне очень повезло: я получил одну из двух должностей специалиста по истории России до Нового времени, на которые

тогда объявлялся конкурс в США³¹. Естественно, мои работы могли читать не многие ученые из моего университета, и это сыграло свою роль несколько лет спустя, когда рассматривался вопрос о повышении. По иронии судьбы, мой руководитель Дональд Тредгольд, который специализировался на истории России Нового времени и мог читать мои публикации, пренебрежительно заявил, что они не являются «историей»³². В его понимание того, чем должен заниматься историк, не входили ни написание работ по кодикологии и водяным знакам, ни анализ и публикация малоизвестных древнерусских текстов. Мне кажется, что и в других западных научных учреждениях ситуация сегодня не сильно бы отличалась: исследования по русистике все чаще считаются неактуальными и, по мере того как представители моего поколения выходят на пенсию или умирают, исчезают немногие должности, связанные с историей России до Нового времени. Мы приближаемся к тому дню, когда в США будет невозможно учиться в аспирантуре

³¹ Мой гарвардский куратор Роберт Ли Вульф, чьи работы были широко известны, написал сильное письмо в мою поддержку. Мне помогло и то, что в 1963 г. я участвовал в летней программе по русскому языку, которой руководил Герберт Эллисон. Тогда он работал историком в Вашингтонском университете. На съезде Американской ассоциации славистов в Денвере в 1971 г., когда мое назначение на должность в Вашингтонском университете рассматривалось как возможное, Эллисон пригласил меня на завтрак с ним и еще двумя будущими моими коллегами, Дональдом Тредгольдом и Питером Шугаром. Что касается второй должности, на которую объявлялся конкурс в 1972 г., в Индианском университете, меня даже не пригласили на собеседование, и на это место взяли Чарльза Гальперина. В Вашингтонский университет, с которым связана вся моя карьера, я изначально был принят на один год вместо вышедшего в отставку Марка Шефтеля, поэтому мне не нужно было приезжать туда для полного формального собеседования (когда меня взяли на работу, я все еще находился в СССР). Изначально намеревались пригласить на год специалиста по истории Польши, но не получилось, и факультет решил взять другого человека, чтобы не потерять эту должность совсем. Когда впоследствии было решено сохранить место историка Древней Руси, факультет тщательным образом изучил мою деятельность в первый год работы. На мое место вполне могли принять кого-то другого, потому что мои первые шаги в преподавании не производили большого впечатления.

³² Являясь деканом исторического факультета, Тредгольд отклонил предложение о том, чтобы повысить меня на год раньше обычного (за это проголосовали многие сотрудники факультета). В следующем году, когда этот вопрос был поднят в обязательном порядке, я отказался от должности главы секции славянских языков в библиотеке Гарвардского университета, и, мне кажется, он был этим разочарован (я подал заявление на это место, когда еще не знал, возьмут ли меня преподавателем). В своем убедительном рекомендационном письме Нед Кинан, бесспорно, надеялся, что я приму предложение из Гарварда. Оглядываясь назад, я думаю, что в Гарварде мной были бы разочарованы, потому что мне нужно было бы слишком многому учиться, чтобы делать свою работу хорошо. Мои обязанности в Вашингтонском университете усложнялись тем, что я одновременно работал на факультетах истории и международных исследований (а это означало, что за мое назначение и повышение голосовали группы с двух разных факультетов и с разными академическими приоритетами). В последние годы работы в университете я перенес половину своих обязанностей с факультета международных исследований на факультет славянских языков, начав вести там курс по древнерусской литературе и культуре. Таким образом, ко времени моего выхода в отставку я работал на трех факультетах.

по этому направлению и, если на то пошло, по многим другим областям истории данного периода³³.

По крайней мере сейчас, находясь в отставке, я больше не беспокоюсь о получении работы и о рассмотрении кандидатов на продвижение. Но мне приходится заботиться о том, чтобы мои труды были достойны чтения и о том, чтобы среди горсточки ученых оставались те, кто так же, как я, увлечен темами нашего общего интереса. Если мои исследования принесли какую-то пользу, то должен признать, что вдохновение и поддержку для этого я получил не только от преподавателей, но и от своих российских коллег. Их профессионализм находится на таком уровне, к которому я до сих пор могу лишь стремиться.

Амосов А. А. Проблема точности филигранологических наблюдений. 1. Терминология // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: материалы Всесоюзной конференции / ред. М. В. Кукушкина, С. О. Шмидт. Л. : Наука, 1981. С. 70–91.

Амосов А. А., Колесников П. А. Опыт и перспективы описания документальных памятников в местных хранилищах («Вологодская программа»: сущность, результаты и задачи) // Археографический ежегодник за 1986 г. М. : Наука, 1987.

Андрюшайтите Ю. В. С. А. Клепиков – основатель отечественной библиографии по филигранологии // Археографический ежегодник за 1986 г. М. : Наука, 1987а. С. 121–130.

Андрюшайтите Ю. В. Развитие советского филиграноведения в 50-х – начале 80-х годов // Археографический ежегодник за 1985 год. М. : Наука, 1987б. С. 157.

Бобров А. Г., Рождественская Т. В. Вячеслав Михайлович Загребин (31.10.1942 – 09.10.2004): Некролог // ТОДРЛ. 2006. Т. 57. С. 984–987.

Богданов А. П. Основы филиграноведения. История, теория, практика. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 336 с.

Дианова Т. В. Метод датировки документов с помощью водяных знаков и принципы публикации филиграней // Археографический ежегодник за 1974 год. М. : Наука, 1975. С. 56–61.

Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. 1980. Т. 35. С. 3–300.

Корецкий В. И. Безднинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова // Записки Отдела рукописей ГБЛ. 1977. Вып. 38. С. 190–208.

³³ Когда в отставку ушли я и Герберт Эллисон, специалист по истории XX в., исторический факультет получил разрешение заполнить только одну должность, и выбрали вторую. На факультете славянских языков Вашингтонского университета больше нет специалиста по древнерусской литературе. Я провел в Вашингтонском университете более тридцати лет и за это время был научным руководителем только по четырем докторским диссертациям, относящимся к моей области (и еще в одном, последнем случае был внешним членом диссертационного совета). Эти диссертации написали: Роберт Кроски, изучавший дипломатию в Московском государстве, Дэвид Дэс – «Скифскую историю» Андрея Лызлова, Изольда Тире – женскую религиозную жизнь, Томас Дикстра – Иосифо-Волоколамский монастырь и Клавдия Дженсен – она училась истории музыки в Принстоне и писала о Николае Дилецком. В других университетах в последние несколько десятилетий вышли на пенсию и умерли некоторые выдающиеся американские специалисты по Древней Руси. Среди них – Кинан, Роберт Крамми, Ричард Хэлли и Густав Алеф. В большинстве случаев им не нашлось замены. Некоторые из лучших специалистов по истории России до Нового времени, принадлежащие к следующему поколению, преподают там, где нет возможности работать с аспирантами по данной области. Новости из Западной Европы для будущего русистики также неутешительны: под угрозой находятся целые программы.

Кукушкина М. В. Сократ Александрович Клепиков (К 90-летию со дня рождения) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 202–112.

Майер И., Шамин С. «Легендарное послание турецкого султана немецким владельцам и всем христианам» (1663–1664 гг.). К вопросу о распространении переводов европейских памфлетов из Посольского приказа в рукописных сборниках // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. Т. 4. № 30. С. 80–89.

Морозов Б. Н. Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI – начала XVII в. // Археографический ежегодник за 1986 г. М. : Наука, 1987. С. 277–289.

Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева / сост. Т. Н. Протасьева. Ч. 1–2. М. : Гос. исторический музей, 1970–1973.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1: Апокалипсис – Летопись Лаврентьевская. М. : Индрик, 2002.

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М. : Наука, 1984.

Уо Д. К. Анатолевский сборник и проблемы вятского летописания // Шведы и Русский север: историко-культурные связи: (К 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга): материалы Международного научного симпозиума. Киров, 1997а. С. 336–354.

Уо Д. К. История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре Петровского времени. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 394 с.

Уо Д. К. К вопросу о датировке Великокороцкого крестного хода // Герценка: Вятские записки. Вып. 6. Киров, 2004. С. 128–136.

Уо Д. К. К истории вятского летописания // In Memoriam: сборник памяти Я. С. Лурье / сост. Н. М. Ботвинник, Е. И. Ванеева. СПб. : Antheneum-Феникс, 1997б. С. 303–320.

Уо Д. К. Кто на самом деле «провинциален»? Размышления о концепции провинциальности на примерах России раннего Нового времени, Западной Европы и Америки // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века) / сост. и отв. ред. О. Н. Фокина, В. Н. Алексеев. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2011. С. 51–58.

Уо Д. К. Местное самоуправление, религия и «изобретение» регионального прошлого // ТОДРЛ. 2006. Т. 57. С. 350–358.

Уо Д. К. Неизвестный памятник древнерусской литературы: «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси к Степану, королю польскому» // Археографический ежегодник за 1971 год. М. : Наука, 1972. С. 357–361.

Friedman V. A. The Zaporozhian Letter to the Turkish Sultan: Historical Commentary and Linguistic Analysis // Slavica Hierosolymitana. 1978. Vol. 2. P. 24–37.

Maier I. Acht anonyme deutsche und polnische „Sabetha Sebi“-Drucke aus dem Jahre 1666. Auf der Spur nach dem Drucker // Gutenberg-Jahrbuch. 2008. Vol. 83. S. 141–160.

Maier I. „Ontsegh-brief van den Turckschen Keyser...“ Ein fiktiver Brief des türkischen Sultans an den König von Polen in russischer Übersetzung (1621) // Jako blagopesnivaja ptica. Hyllningsskrift till Lars Steensland / ed. by P. Ambrosiani, I. Lysén et al. Stockholm, 2006 (= Stockholm Slavic Papers 32). S. 135–146.

Maier I., Waugh D. How Well Was Muscovy Connected with the World? // Imperienvergleich: Beispiele und Anätze aus osteuropäischer Perspektive. Festschrift für Andreas Kappeler / ed. by G. Hausmann, A. Rustemeyer. Wiesbaden: Harrassowitz, 2009 (= Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 75). S. 17–38.

Maier I., Waugh D. “The Blowing of the Messiah’s Trumpet”: Reports about Sabbatai Sevi and Jewish Unrest in 1665–1667 // The Dissemination of News and the Emergence of Contemporaneity in Early Modern Europe / ed. by B. Dooley. Farnham, Surrey ; Burlington, VT : Ashgate Publishing, 2010. P. 137–152.

Marker G. Daniel’ Uo [Daniel Clarke Waugh], *Istoriia odnoi knigi: Viatka i “ne-sovremennost”* v russkoi kul’ture petrovskogo vremeni // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2005. Vol. 53. No. 1. S. 116–117.

Waugh D. “Anatolii’s Miscellany” – Its Origins and Migration // Harvard Ukrainian Studies. 1995. Vol. 19. P. 747–755.

Waugh D. Discovering Vyatka // REECAS Newsletter. 1997 (Winter). Vol. 2–3. P. 15.

Waugh D. For What Purpose Did an American Come to Lal’sk // REECAS Newsletter. 2004a (Spring).

Waugh D. News of the False Messiah: Reports on Shabbetai Zevi in Ukraine and Muscovy // *Jewish Social Studies*. 1979a. Vol. 41. No. 3–4. P. 301–322.

Waugh D. News Sensations from the Front: Reportage in Late Muscovy concerning the Ottoman Wars // *Rude & Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History and Culture in Honor of Robert O. Crummey* / ed. by Ch. Dunning, R. Martin, D. Rowland. Bloomington, IN. : Kritika, 2008. P. 491–506 + 2 plates.

Waugh D. On the Origin of the “Correspondence” between the Sultan and the Cossacks // *Recenzija: A Review of Soviet Ukrainian Scholarly Publications*. 1971. Vol. 1. No. 2. P. 3–46.

Waugh D. Ralph Cleminson (comp.), *A Union Catalogue of Cyrillic Manuscripts in British and Irish Collections* // *Canadian-American Slavic Studies*. 1990. Vol. 24. No. 4. P. 457–458.

Waugh D. Religion and Regional Identities: the Case of Viatka and the Miracle-Working Icon of St. Nicholas Velikoretskii // *Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen* / hrsg. von A. Kappeler. Wiesbaden: Harrassowitz, 2004b (= *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 63). S. 259–278.

Waugh D. The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in Its Muscovite and Russian Variants / with a foreword by Academician D. S. Likhachev. Columbus, O. : Slavica, 1978. ix, 354 p.

Waugh D. The Lessons of the Kurbskii Controversy Regarding the Study and Dating of Old Russian Manuscripts // *Russian and Slavic History* / ed. by Don K. Rowney, G. Edward Orchard. Columbus, O. : Slavica, 1977. P. 218–237.

Waugh D. The Publication of the Muscovite *Kuranty* // *Kritika*. 1973. Vol. 9. No. 3. P. 103–120.

Waugh D. Two Unpublished Muscovite Chronicles // *Oxford Slavonic Papers*. N. S. 1979b. Vol. 12. P. 1–31.

Waugh D. Soviet Watermark Studies – Achievements and Prospects // *Kritika*. 1970. Vol. 6. No. 2. P. 78–111.

Waugh D. We Have Never Been Modern: Approaches to the Study of Russia in the Age of Peter the Great // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2001. Vol. 49. P. 321–345.

Amosov, A. A. (1981). Problema tochnosti filigranologicheskikh nablyudenij. 1. Terminologiya [The problem of accuracy of filigranologic observation. 1. Terminology]. In M. V. Kukushkina, S. O. Shmidt (Eds.), *Problemy' nauchnogo opisaniya rukopisej i faksimil'nogo izdaniya pamyatnikov pis'mennosti: materialy' Vsesoyuznoj konferencii* (p. 70–91). Leningrad: Nauka.

Amosov, A. A. & Kolesnikov, P. A. (1987). Opy'ti perspektivy' opisaniya dokumental'ny'h pamyatnikov v mestny'h hranilishhah (“Vologodskaya programma”: sushhnost', rezul'taty' i zadachi) [Experience and perspectives of the description of documentary monuments in local archives (“Vologda program”: main points, results, tasks)]. In *Arheograficheskij ezhegodnik za 1986 god*. Moscow: Nauka.

Andryushajtite, Yu. V. (1987). Razvitie sovetskogo filigranovedeniya v 50-h – nachale 80-h godov [The development of the Soviet filigranology in 50s – early 80s yrs.]. In *Arheograficheskij ezhegodnik za 1985 god*. Moscow: Nauka.

Andryushajtite, Yu. V. (1987). S. A. Klepikov – osnovatel' otechestvennoj bibliografii po filigranologii [S. A. Klepikov – founder of the national bibliography on filigranology]. In *Arheograficheskij ezhegodnik za 1986 god* (p. 121–130). Moscow: Nauka.

Bobrov, A. G. & Rozhdestvenskaya, T. V. (2006). Vyacheslav Mihajlovich Zagrebin (31.10.1942–09.10.2004): Nekrolog [Vyacheslav Mikhailovich Zagrebin (31.10.1942–09.10.2004): obituary]. In *TODRL*. (Vol. 57, p. 984–987).

Bogdanov, A. P. (1999). *Osnovy' filigranovedeniya. Istorija, teoriya, praktika* [Basis of filigranology. History, theory, practice]. Moscow: E'ditorial URSS.

Dianova, T. V. (1975). Metod datirovki dokumentov s pomoshh'yu vodyany'h znakov i principy' publikacii filigranej [The method of dating documents by means of watermarks and the principles of filigree publication]. In *Arheograficheskij ezhegodnik za 1974 god* (p. 56–61). Moscow: Nauka.

Friedman, V. A. (1978). The Zaporozhian Letter to the Turkish Sultan: Historical Commentary and Linguistic Analysis. In *Slavica Hierosolymitana*. (Vol. 2, p. 24–37).

Kagan, M. D., Pony'rko, N. V. & Rozhdestvenskaya, M. V. (1980). Opisanie sbornikov XV v. knigopiscza Efrosina [The description of collections of XV century of copyist Euphrosynus]. In *TODRL*. (Vol. 35, p. 3–300).

Koreczkij, V. I. (1977). Bezdinskij letopiseč konca XVI v. iz sobraniya S. O. Dolgova [Bezdinsky chronicler of the late 16th century from S. O. Dolgov's collection]. In *Zapiski Otdela rukopisej GBL* (Vol. 38, p. 190–208).

Kukushkina, M. V. (1984). Sokrat Aleksandrovich Klepikov (K 90-letiyu so dnya rozhdeniya) [Socrat Aleksandrovich Klepikov (To the 90th anniversary of the birth)]. In *Issledovaniya po istorii obshhestvennogo soznaniya e'pohi feodalizma v Rossii* (p. 202–212). Novosibirsk.

Maier, I. (2006). „Ontsegh-brief van den Turckschen Keyser...“ Ein fiktiver Brief des türkischen Sultans an den König von Polen in russischer Übersetzung (1621). In P. Ambrosiani, I. Lysén et al. (Eds.). *Jako blagopesnivaja ptica. Hyllningsskrift till Lars Steenland*. (Vol. 32, p. 135–146). Stockholm (= Stockholm Slavic Papers).

Maier, I. & Shamin, S. (2007). „Legendarnoe poslanie tureczkogo sultana nemeckim vladetelyam i vsem hristianam“ (1663–1664 gg.). K voprosu o rasprostraneni perezodov evropejskih pamfletov iz Posol'skogo prikaza v rukopisny'h sbornikah [“Legendary message of the Turkish Sultan to German owners and all Christians” (1663–1664 yrs.). Revisiting the spread of the translations of European pamphlets out of the Ambassadorial order in manuscript collections]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy' medievistiki*, 4/30, 80–89.

Maier, I. (2008). Acht anonyme deutsche und polnische „Sabetha Sebi“-Drucke aus dem Jahre 1666. Auf der Spur nach dem Drucker. In *Gutenberg-Jahrbuch* (Vol. 83, p. 141–160).

Maier, I. & Waugh, D. (2009). How Well Was Muscovy Connected with the World? In G. Hausmann, A. Rustemeyer (Eds.), *Imperienvergleich: Beispiele und Anätze aus osteuropäischer Perspektive. Festschrift für Andreas Kappeler*. (Vol. 75, p. 17–38). Wiesbaden: Harrassowitz (= Forschungen zur osteuropäischen Geschichte).

Maier, I. & Waugh, D. (2010). „The Blowing of the Messiah's Trumpet”: Reports about Sabbatai Sevi and Jewish Unrest in 1665–1667. In B. Dooley (Ed.), *The Dissemination of News and the Emergence of Contemporaneity in Early Modern Europe* (p. 137–152). Farnham, Surrey; Burlington, VT: Ashgate Publishing.

Marker, G. (2005). Daniel' Uo [Daniel Clarke Waugh], Istoriia odnoi knigi: Viatka i „ne-sovremennost” v russkoj kul'ture petrovskogo vremeni. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 53/1, 116–117.

Morozov, B. N. (1987). Pervoe poslanie Kurbskogo Ivanu Groznomu v sbornike konca XVI – nachala XVII v. [The first message of Kurbsky to Ivan the Great in the collection of the late 16th – early 17th c.]. In *Arheograficheskiy ezhegodnik za 1986 god* (p. 277–289). Moscow: Nauka.

Protas'eva, T. N. (Comp.). (1970–1973). *Opisanie rukopisej Sinodal'nogo sobraniya (ne voshedshih v opisanie A. V. Gorskogo i K. I. Nevostrueva)* [Description of the manuscripts of the Synodal Assembly (not included in the description by A. V. Gorsky and K. I. Nevostruev)]. Part 1–2. Moscow: Gos. istoricheskij muzej.

Svodnyj katalog slavyano-russkih rukopisny'h knig, hranyashihhsya v Rossii, stranah SNG i Baltii. XVI vek. Vy'p. 1: Apokalipsis – Letopis' Lavrent'evskaya [Central catalogue of the Slavonic-Russian manuscript books, kept in Russia, CIS and Baltic countries. 16th century. Iss. 1: Apocalypse-Laurentian Chronicle]. (2002). Moscow: Indrik.

Svodnyj katalog slavyano-russkih rukopisny'h knig, hranyashihhsya v SSSR. XI–XIII vv. [Central catalogue of the Slavonic-Russian manuscript books, kept in the USSR. 11th–13th cc.]. (1984). Moscow: Nauka.

Waugh, D. K. (1970). Soviet Watermark Studies – Achievements and Prospects. *Kritika*, 6/2, 78–111.

Waugh, D. K. (1971). On the Origin of the “Correspondence” between the Sultan and the Cossacks. *Recenzija: A Review of Soviet Ukrainian Scholarly Publications*, 1/2, 3–46.

Waugh, D. K. (1972). Neizvestnyj pamyatnik drevnerusskoj literatury: “Gramota gosudarya czarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha vseya Rusi k Stepanu, korolyu pol'skomu” [Unknown Old Russian literature monument: “A Letter of tsar and grand prince of All Russia Ivan Vasilyevich to Stepan, king of Poland”]. In *Arheograficheskiy ezhegodnik za 1971 god* (p. 357–361). Moscow: Nauka.

Waugh, D. K. (1973). The Publication of the Muscovite Kuranty. *Kritika*, 9/3, 103–120.

Waugh, D. K. (1977). The Lessons of the Kurbskii Controversy Regarding the Study and Dating of Old Russian Manuscripts. In Don K. Rowney, G. Edward Orchard (Eds.), *Russian and Slavic History* (p. 218–237). Columbus, O.: Slavica.

Waugh, D. K. (1978). *The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in Its Muscovite and Russian Variants*. Academician D. S. Likhachev (Foreword). Columbus, O.: Slavica.